

КНИГА НОВОГО СОЛНЦА

ДЖИН ВУЛФ

ТЕНЬ И КОГОТЬ

fanzon

Джин Вулф
Тень и Коготь
Серия «Fanzon. Fantasy World.
Лучшая современная фэнтези»
Серия «Книга Нового Солнца», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67865358

*Тень и Коготь:
ISBN 978-5-04-171807-7*

Аннотация

Премия «Небьюла».

Премия «Локус».

Всемирная премия фэнтези.

Премия Британской ассоциации научной фантастики.

«Книга Нового Солнца» Джина Вулфа – один из самых известных научно-фантастических циклов всех времен. Это длинный волшебный роман в четырех частях. «Тень и Коготь» содержит первые две: «Тень палача» и «Коготь Миротворца», которые были награждены Всемирной премией фэнтези и премией «Небьюла».

Севериан, скромный ученик палача, благословленный и проклятый даром фотографической памяти, повествует о пути, ведущим его через секс, предательства, изгнание, убийства,

заговоры и тайны – к взрослению и вершине власти над древним миром Урд, озаренным умирающим солнцем.

«Тень и Коготь» – первые две книги прославленной магической тетралогии «Книги Нового Солнца».

«Тень палача»

Севериан – ученик в Гильдии палачей и воспитанник Ордена Взыскующих Истины и Покаяния в странном декадентском мире Урд. Его изгоняют за самое страшное преступление в его профессии – сострадание к жертве.

«Коготь Миротворца»

Севериан продолжает искать свое предназначение. Связано ли оно с древней реликвией, якобы обладающей мифической силой? Должен ли Севериан сыграть роль в политических интригах государя Урд? Или ученика палача ждет иная судьба?

«Волшебная вещь... Произведение искусства... Лучшая научная фантастика, прочитанная мною за долгие годы». – Урсула Ле Гуин

«"Книга Нового Солнца" почти душераздирающе хороша, богата и полна нюансов, которые проявляются с каждым перечитыванием. Это шедевр Джина Вулфа». – Дэвид Лэнгфорд, критик, десятикратный лауреат премии «Хьюго»

«Одна из самых амбициозных работ в фантастике двадцатого века». – Fantasy and Science Fiction Magazine

«Шедевр научной фантастики, сравнимый по значимости с главными работами Толкина и Льюиса». – Publishers Weekly

«Книга содержит элементы аллегории Спенсера, сатиры Свифта, общественной сознательности Диккенса и мифологии Вагнера. Вулф создает поистине чуждый социум, который читатель начинает ощущать изнутри... Попав в него, остановиться уже невозможно». – The New York Book Reviews

Содержание

Тень палача	7
I	7
II	22
III	35
IV	50
V	64
VI	75
VII	94
VIII	111
IX	122
X	133
XI	146
XII	157
XIII	170
XIV	182
XV	194
XVI	209
XVII	220
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Джин Вулф

Тень и Коготь

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Тень палача

*Тысячелетья – ничто пред тобой,
Столь быстротечен их лёт;
Краток, как стража, вершащая ночь,
Прежде чем солнце взойдет.*

I

Воскресение и смерть

Быть может, свое будущее я предчувствовал с самого начала. Ржавая решетка ворот, преградившая нам путь, и пряди тянувшегося с реки тумана, обволакивавшие острые наверх прутьев, словно горные пики, и поныне остаются для меня символами изгнания. Вот почему моя повесть начинается сразу после того, как мы переплыли реку, причем я, ученик гильдии палачей Севериан, едва не утонул.

– А стража-то нет, – сказал Рох, мой друг, Дротту, хотя тот и без него отлично видел, как обстоят дела.

Парнишка по имени Эата неуверенно предложил обойти кругом. Кивок и взмах веснушчатой руки означали несколько тысяч шагов через трупщобы под стеной и подъем по склону холма – туда, где стена Цитадели выше всего. Этот путь

мне еще предстоит пройти – гораздо позже.

– И нас вот так, запросто, пропустят через барбакан? Ведь за мастером Гюрло пошлют.

– Но почему стража на месте нет?

– Да какая разница? – Дротт тряхнул решетку. – Эата, попробуй – может, пролезешь меж прутьев.

Что ж, Дротт – наш капитан. Эата просунул сквозь прутья плечо и руку, и тут же стало ясно, что дело безнадежно: туловище не пройдет.

– Кто-то идет, – прошептал Рох.

Дротт тут же выдернул из решетки Эату.

Я оглянулся. Там, в конце улицы, мелькали фонари; до ушей моих донеслись шаги и голоса. Я приготовился прятаться, но Рох удержал меня:

– погоди! Они с пиками!

– Думаешь, страж возвращается?

Он покачал головой:

– Слишком много.

– По меньшей мере дюжина, – подтвердил Дротт.

Мы еще не обсохли после купания в Гьёлле. В памяти своей я и посейчас стою у тех ворот, дрожа от холода. Как все, что, будучи с виду непреходящим, неотвратимо идет к концу, мгновения, казавшиеся тогда неимоверно быстротечными, напротив, возрождаются вновь и вновь – не только в памяти моей (которая в конечном счете не позволяет пропасть ничему), в биении сердца, в морозце по коже возобновляют-

ся они, совсем как наше Содружество ежеутренне возрождается к жизни под пронзительный рев горнов.

Насколько позволял судить тускло-желтый свет фонарей, доспехов на подошедших не было, однако при них имелись не только замеченные Дроттом пики, но и топоры с посохами. Вдобавок на поясе у вожака красовался длинный обоюдоострый нож, однако меня гораздо сильнее заинтересовал увесистый ключ на шнурке, обвивавшем его шею: с виду он вполне подошел бы к замку на воротах.

Малыш Эата беспокойно шевельнулся. Главный, заметив нас, поднял фонарь над головой.

– Мы ждем здесь, чтобы пройти внутрь, добрый человек, – громко сказал Дротт.

Ростом он был повыше, но темное лицо его выражало крайнюю степень почтения.

– Только после рассвета, – буркнул вожак. – А пока, ребята, ступайте-ка по домам.

– Добрый человек, страж должен был впустить нас, но отлучился куда-то...

Вожак шагнул к нам, причем ладонь его легла на рукоять ножа.

– Нынче ночью вы сюда не пройдете.

Тут мне сделалось малость не по себе: что, если он догадался, кто мы?

Дротт отступил, а мы встали за его спиной.

– Кто вы, добрые люди? С виду – не солдаты...

– Мы добровольцы, – ответил один из подошедших. – Пришли охранять своих мертвых.

– Значит, вы можете пропустить нас.

Вожак отвернулся.

– Туда не войдет никто, кроме нас.

Ключ его заскрежетал в замке. Ворота распахнулись, и, прежде чем кто-либо успел помешать, Эата метнулся внутрь. Кто-то выругался; вожак и еще двое добровольцев ринулись следом, но Эата оказался проворней. Его шевелюра цвета пеньки и залатанная рубаха, попетляв среди осевших могил нищих, исчезли в зарослях изваяний выше по склону. Дротт тоже устремился за ним, но его схватили за руки.

– Нужно же найти его! Не украдем мы ваших мертвых...

– А тогда зачем вам туда понадобилось? – спросил один из добровольцев.

– Травы собрать, – отвечал Дротт. – Мы – подмастерья у лекаря. Больных ведь нужно лечить, как по-твоему?

Доброволец молча таращился на него. Погнавшись за Эатой, человек с ключом бросил фонарь. В неверном свете оставшихся двух фонарей доброволец выглядел сущим простаком – должно быть, из чернорабочих.

– Ты должен знать, – продолжал Дротт, – что некоторые ингредиенты обретают полную силу, лишь будучи извлеченными из кладбищенской почвы при лунном свете. Скоро ударят заморозки, и все погибнет, а нашим мастерам без запасов на зиму не обойтись. Три мастера устроили нам разре-

шение войти сюда нынче ночью; этого же парнишку я нанял у его отца нам в помощь.

— А вам не во что складывать эти... ингредиенты!

До сих пор не устаю восхищаться находчивостью Дротта!

— Мы вяжем их в снопы и высушиваем, — с этими словами он без малейшей заминки вынул из кармана клубок обычной бечевки.

— Понятно... — пробормотал доброволец, явно ничего не понимавший.

Мы с Рохом придвинулись к воротам поближе, но Дротт, напротив, отступил на шаг.

— Если вы не позволите нам собрать травы, мы лучше пойдем. Пожалуй, мы теперь не отыщем там даже этого паренька.

— Никуда вы не пойдете. Его нужно выгнать оттуда.

— Хорошо...

Дротт нехотя шагнул в ворота. Мы в сопровождении добровольцев двинулись за ним. Вот некоторые мистические доктрины утверждают, будто материальный мир создан не чем иным, как человеческим разумом, поскольку управляют нами искусственные категории, в которые мы помещаем предметы по существу недифференцированные, еще более неосязаемые, чем изобретенные для них слова. Вот этот самый принцип я в ту ночь понял интуитивно, едва услышав, как доброволец, замыкавший шествие, захлопнул за нами ворота.

– Ну, я пойду присмотреть за матерью, – сказал доброволец, до сих пор молчавший. – И так сколько времени потратили даром – ее бы уже за лигу отсюда могли унести!

Прочие согласно забормотали, и отряд рассыпался. Один фонарь двинулся влево, другой – вправо. Мы же с оставшимися добровольцами поднялись на центральную аллею, по которой всегда возвращались к рухнувшему участку стены Цитадели.

Я ничего не забываю. В этом – моя природа, радость моя и проклятие. Каждый лязг цепи и посвист ветра, оттенок, запах и вкус сохраняются в памяти моей неизменными. Я знаю, что так бывает не со всеми, однако не могу представить, как может быть иначе. Наверное, это – наподобие сна, когда не осознаешь того, что творится вокруг. А несколько белых ступеней, ведущих к центральной аллее, и сейчас стоят перед моим взором...

Воздух становился все холоднее. Света при нас не было, да вдобавок с Гьёлля начал подниматься туман. Несколько птиц, прилетевших переночевать в ветвях сосен и кипарисов, никак не могли утомиться и тяжело перепархивали с дерева на дерево. Я помню, что чувствовали мои ладони, растиравшие мерзнувшие плечи, помню мерцание удалявшихся фонарей среди надгробных стел, помню запах реки, принесенный туманом и насквозь пропитавший мою рубашку, смешавшись с резким запахом свежевскопанной земли. В тот день я едва не утонул, запутавшись в гуще подводных

корней, а ночью впервые почувствовал себя взрослым.

Раздался выстрел – я никогда прежде не видел такого. Лиловая молния расщепила темноту, словно клин, и темнота с громом сомкнулась вновь. Где-то рухнул монумент. И вновь – тишина, в которой, казалось, растворилось все вокруг. Мы пустились бежать. Неподалеку закричали люди, сталь зазвенела о камень, точно чей-то баделер ударил по могильной плите. Я рванул прочь по совершенно незнакомой (по крайней мере, так мне показалось) аллее, узкой – едва-едва разойтись двоим, устланной обломками костей и, точно сломанное ребро, вонзавшейся в небольшую низинку. В тумане не разглядеть было ничего, кроме темных глыб памятников по бокам аллейки. Затем дорожка внезапно, точно ее выдернули из-под ног, исчезла – видимо, я где-то прозевал поворот. Едва увернувшись от обелиска, словно из-под земли выросшего передо мной, я на полном ходу врезался в человека, одетого в черное пальто.

Он оказался жестким, точно дерево; удар при столкновении сшиб меня с ног и на время лишил способности дышать. Человек в черном пальто тихо выругался, а затем я услышал свист рассеченного клинком воздуха.

– Что случилось? – спросил другой голос.

– Кто-то налетел на меня. Налетел и исчез, кем бы он ни был.

Я замер.

– Открой фонарь.

Этот голос принадлежал женщине и был очень похож на воркованье голубки, если не считать повелительного тона.

– Госпожа, они накинута на нас, как стая дхолой, – возразил тот, на кого я налетел.

– Они в любом случае скоро будут здесь – Водал стрелял. Ты должен был слышать.

– Ну выстрел их скорее отпугнет...

В разговор снова вступил человек, заговоривший первым, – я был тогда еще слишком неопытен, чтобы распознать характерный акцент экзультанта:

– Лучше бы я не брал этого с собой. Против людей такого сорта – нужды нет.

Теперь он был гораздо ближе; какое-то мгновение я мог видеть его сквозь туман. Очень высокий, худощавый, с непокрытой головой, он стоял возле толстяка, на которого я напал. Третьей была женщина, закутанная в черное. Лишившись дыхания, я не в силах был двигаться, однако как-то сумел отползти за постамент статуи и, едва оказавшись в безопасном месте, снова принялся наблюдать за ними.

Мало-помалу глаза привыкали к темноте. Разглядев правильное, продолговатое лицо женщины, я отметил, что она почти одного роста с худощавым человеком по имени Водал.

– Трави помалу, – скомандовал толстяк, скрытый теперь от моих глаз.

На слух, он находился всего лишь в паре шагов от того места, где я прятался, но из виду пропал надежно, точно во-

да, вылитая в колодец. Затем я увидел, как к ногам худощавого придвинулось что-то черное (должно быть, тулья шляпы толстяка), и понял, в чем дело: толстяк спустился в могильную яму!

– Как она? – спросила женщина.

– Свежа, как роза, госпожа! Запаха почти не чувствуется, тревожиться не о чем. – С невероятным для его сложения проворством он выпрыгнул из ямы. – Берите другой конец, сеньор; вытащим легче, чем морковь из грядки!

Что сказала после этого женщина, я не расслышал. Худощавый ответил:

– Это тебе не стоило ходить с нами, Тея. Как я буду выглядеть перед остальными, если вовсе ничем не рискую?

Они с толстяком закричали от напряжения, и я увидел, как возле их ног появилось что-то белое. Оба наклонились, чтобы поднять его. И вдруг – точно амшаспанд коснулся их сияющим жезлом – туман всклубился, уступив дорогу зеленому лунному лучу. В руках их был труп, тело женщины. Темные волосы ее спутались, лиловато-серое лицо отчетливо контрастировало с длинным платьем из какой-то светлой ткани.

– Видишь, сеньор? – сказал толстяк. – Как я и говорил. Ну вот, госпожа, осталось всего ничего. Только за стену переправить.

Стоило этим словам слететь с его губ, неподалеку вскрикнули, и на дорожке, ведущей в низинку, появились трое доб-

ровольцев.

– Придержи их, сеньор, – буркнул толстяк, взваливая тело на плечо. – Я пригляжу за дамами.

– Возьми это, – сказал Водал.

Поданный им пистолет сверкнул в лунном луче, словно зеркальце.

– Сеньор, – ахнул толстяк, – я и в руках-то никогда не держал...

– Возьми, может пригодиться!

Нагнувшись, Водал поднял с земли что-то наподобие темной палки. Шорох металла о дерево – и в руке его оказался узкий блестящий клинок.

– *Защищайтесь!* – крикнул он.

Женщина, точно голубка, слышавшая клич арктотера, выхватила блестящий пистолет из руки толстяка, и оба они отступили в туман.

Трое добровольцев приостановились, затем один двинулся вправо, другой – влево, чтобы напасть разом с трех сторон. Оставшийся на белой дорожке из обломков костей был вооружен пикой, а один из его товарищей – топором.

Третьим оказался вожак добровольцев – тот самый, что разговаривал с Дроттом у ворот.

– Кто ты такой?! – закричал он. – Какого Эреба явился сюда и чинишь непотребства?!

Водал молчал, но острое его клинка пристально следило за добровольцами.

– Вместе, разом! – зарычал вожак. – Вперед!

Однако добровольцы замешкались, и прежде чем они смогли приблизиться, Водал ринулся в атаку. Клинок его, сверкнув в тусклом лунном луче, заскрежетал о наверхие пики – точно стальная змея скользнула по бревну из железа. Пикинер с воплем отскочил назад; Водал (наверное, опасаясь, как бы двое оставшихся не зашли с тыла) отпрыгнул тоже, потерял равновесие и упал.

Все происходило в темноте, да и туман отнюдь не улучшал видимости. Конечно, я видел все, однако и мужчины, и женщина с правильным, округлым лицом казались мне лишь темными силуэтами. И все же что-то в происходящем тронуло мое сердце. Очевидно, готовность Водала умереть, защищая эту женщину, заставила меня проникнуться к ней особой симпатией, а уж восхищение самим Водалом внушала наверняка. Сколько раз с тех пор я, стоя на шатком помосте посреди рыночной площади какого-нибудь заштатного городишки и заноса мой верный «Терминус Эст» над головою какого-нибудь жалкого бродяги, окутанный ненавистью толпы и – что еще омерзительнее – грязным сладострастием тех, кому доставляет наслаждение чужая боль и смерть, вспоминал Водала на краю могильной ямы и поднимал клинок так, словно бью за него!

Водал, как я уже говорил, споткнулся. В тот миг я поверил, будто вся жизнь моя брошена на чашу весов вместе с его жизнью.

Добровольцы, зашедшие с флангов, кинулись на него, но оружия из рук он не выпустил. Клинок сверкнул в воздухе, хотя хозяин его еще не успел подняться. Помнится, я подумал, что мне очень пригодился бы такой же в тот день, когда Дротт сделался капитаном учеников, а затем живо представил себя на месте Водала.

Человек с топором, в чью сторону был сделан выпад, отступил, а другой ринулся в атаку, выставив перед собою нож. Я к этому моменту уже поднялся на ноги и наблюдал за схваткой через плечо халцедонового ангела. Водал едва увернулся от удара, и нож вожака добровольцев ушел в землю по самую гарду. Водал отмахнулся от противника шпагой, но клинок ее был слишком длинен для ближнего боя. Вместо того чтобы отступить, вожак добровольцев бросил оружие и взял Водала в борцовский захват. Дрались они на самом краю могильной ямы – наверное, Водал увяз в вынужтой из нее земле.

Второй доброволец поднял топор, но в последний миг замахнулся – ближним к нему был вожак. Тогда он обошел сцепившихся на краю могилы, чтобы ударить наверняка, и оказался меньше чем в шаге от моего укрытия. Пока он менял позицию, Водал вытащил из земли нож и вонзил его в глотку вожака. Топор взметнулся вверх; я почти рефлекторно поймал топорище под самым лезвием и тут же оказался в самой гуще событий. Ударил ногой, взмахнул топором – и внезапно обнаружил, что все кончено.

Хозяин окровавленного топора, оставшегося в моих руках, был мертв. Вожак добровольцев корчился у наших ног. Пикинер успел удрать, оставив пику мирно покоиться поперек дорожки. Подняв из травы черную трость, Водал упрятал в нее клинок шпаги.

– Кто ты?

– Севериан. Палач. То есть ученик палача, сеньор. Воспитанник Ордена Взыскующих Истины и Покаяния. – Тут я набрал полную грудь воздуха. – А еще я – водаларий. Один из тысяч водалариев, о которых тебе ничего не известно.

Слово «водаларий» мне довелось слышать где-то однажды.

– Держи!

С этим он вложил мне в ладонь предмет, оказавшийся небольшой монеткой, отполированной до такой степени, что металл казался жирным на ощупь. Сжимая монетку в кулаке, я стоял возле оскверненной могилы и смотрел ему вслед. Туман поглотил Водала еще до того, как тот выбрался из низинки. Через несколько мгновений над моей головой со свистом пронесся серебристый флайер, остроносый, точно стрела.

Нагнувшись за ножом, выпавшим из горла вожака добровольцев, – видимо, тот выдернул его, корчась в судорогах, – я обнаружил, что все еще сжимаю монетку в кулаке, и сунул ее в карман.

Вот мы полагаем, будто символы созданы нами, людьми. На самом же деле это символы создают нас: что, как не их

жесткие рамки, определяет наши черты? Солдату, принимающему присягу, вручают монету – серебряный азиими с чеканным профилем Автарха. Принять монету – значит принять на себя все обязанности, связанные с бременем военной службы; с этого момента ты – солдат, хоть, может быть, ни аза не смыслишь в обращении с оружием. Тогда я еще не знал, сколь глубоко заблуждение, будто подобные вещи оказывают влияние, лишь будучи осмысленными. Фактически такая точка зрения есть суеверие – самое темное и безосновательное. Считающий так верует в действенность чистого знания; люди же рациональные отлично понимают, что символы действуют сами по себе либо не действуют вовсе.

Итак, в тот миг, когда монетка упала на дно моего кармана, я ничего не знал о догмах, исповедуемых движением, возглавляемым Водалом, но совсем скоро изучил их все назубок – ведь ими был насыщен сам воздух. Вместе с Водалом я ненавидел автократию, хоть и не представлял себе, чем ее можно заменить. Вместе с ним я презирал экзультантов, неспособных восстать против Автарха и отсылавших ему прекраснейших из собственных дочерей для церемониального конкубината. Вместе с ним я питал отвращение к народу, которому прискорбно не доставало дисциплины и здравого смысла. Из тех же ценностей, которые мастер Мальрубий пытался привить мне в детстве, а мастер Палемон прививал и по ту пору, я принял лишь одну – верность гильдии, и был абсолютно прав: теперь для меня было вполне прием-

лемо служить Водалу и в то же время оставаться палачом. Вот как сложилось все к тому времени, когда я пустился в долгий путь, завершением коему стал трон.

II

Севериан

Память подавляет меня. Будучи возвращен среди палачей, я никогда не знал ни отца своего, ни матери, да и прочие собратья мои во ученичестве знали о своих родителях не больше. Время от времени – особенно с наступлением зимы – у Дверей Мертвых Тел гомонят обиженные жизнью, надеющиеся быть принятыми в нашу древнюю гильдию. Нередко они потчуют Брата Привратника повествованиями о пытках, которым охотно подвергли бы любого ради тепла и пищи, а порой даже приносят с собою ни в чем не повинных животных для наглядной их демонстрации.

Все эти бедолаги уходят ни с чем. Традиции дней нашей славы, предвосхищавших нынешний век упадка и ту эпоху, что предшествовала ему, и ту, что была перед нею, обычаи тех времен, название коим помнит сейчас не всякий ученый книжник, запрещают вербовку людей подобного сорта. Традиции эти чтились даже во времена, о которых я пишу, во времена, когда гильдия сократилась до двух мастеров при менее чем двух десятках подмастерьев.

В памяти моей живы все ранние воспоминания. Первое из них – я складываю в кучу булыжники на Старом Подворье, что лежит к юго-западу от Башни Ведьм и отгорожено от Большого Двора. Стена, в обороне которой надлежало

участвовать нашей гильдии, уже тогда была разрушена; между Красной и Медвежьей Башнями зияла широченная дыра, и сквозь нее я частенько, вскарабкавшись на груды обвалившихся плит тугоплавкого серого металла, любовался некрополем, тянувшимся вниз по склону Крепостного Холма.

Когда я подрос, некрополь стал мне любимым местом для игр. Днем его извилистые аллеи патрулировались стражей, однако главной заботой патрульных были свежие могилы у подножия холма. Кроме того, они знали, что мы принадлежим к палачам, и выгонять нас из укромных кипарисовых рощ отваживались лишь изредка.

Говорят, наш некрополь во всем Нессе древнейший. Вранье, конечно же, но само существование подобного мнения подтверждает его древность, хотя автархов здесь не хоронили даже в те времена, когда Цитадель была главной их резиденцией, а знатнейшие семейства, как и сейчас, предпочитали предавать своих длинноруких и длинноногих покойников земле сокровищниц собственных поместий. Армигеры и оптиматы хоронили своих наверху, под самой стеной Цитадели, еще ниже покоились простолюдины, а могилы нищих и бродяг без роду и племени достигали жилых кварталов на берегу Гьёлля. Мальчишкой я редко забирался так далеко от Цитадели – даже вполовину.

Мы всегда держались втроем – Дротт, Рох и я. Потом к нам присоединился еще Эата, старший из прочих учеников.

Ни один из нас не был рожден среди палачей – таких не бывает вовсе.

Говорят, в древности женщины состояли в гильдии наряду с мужчинами и их сыновья и дочери посвящались в гильдейские таинства, как принято сейчас среди золотых дел мастеров и во многих других гильдиях. Но Имар Без Малого Праведный, заметив, сколь были жестоки те женщины и сколь часто превышали они пределы назначенных испытываемым наказаний, повелел, чтобы «отныне и впредь женского полу среди гильдейских отнюдь не держать».

С тех пор ряды наши пополняются лишь детьми тех, кто попадает к нам в руки. В Башне Матачинов у нас имеется железный прут, вбитый в стену на уровне паха взрослого мужчины, и дети мужского пола ростом не выше этого прута воспитываются нами как собственные. Когда же к нам присылают женщину в тягостях, мы вскрываем ее и, если дитя является мальчиком и начинает дышать, нанимаем для него кормилицу, а девочки отсылаются к ведьмам. Так ведется у нас со дней Имара, забытых много сотен лет назад.

Таким образом, своих предков никто из нас не знал. Любой мог происходить даже из семьи экзультантов – персон высокопоставленных к нам присылают нередко. С детства у каждого из нас складываются собственные догадки на этот счет, каждый в свое время пристаёт с расспросами к старшим из братьев-подмастерьев, но те, замкнувшиеся в собственной горечи, обычно скупы на слова. В тот год, о ко-

тором я пишу, Эата вычертил на потолке над своей койкой герб одного из северных кланов, возомнив, будто ведет происхождение от этой семьи.

Что до меня, сам я давно считал собственным герб, отчеканенный на бронзовой пластине над дверью одного мавзолея: фонтан над гладью вод, корабль с распростертыми крыльями, а в нижней части – роза. Дверь мавзолея давно разбухла, покособилась от дождей, на полу лежали два пустых гроба, а еще три, слишком тяжелые для меня и до сих пор нетронутые, мирно покоились на полках вдоль стены. Но не гробы – закрытые ли, открытые – привлекали меня сюда, хотя на извлеченных из них остатках мягких поблекших подушек я иногда отдыхал. Привлекал скорее уют небольшого помещения – толща каменных стен с единственным крохотным оконцем, забранном единственным железным прутком, и массивность бесполезной, никогда не затворяющейся двери.

Сквозь окно и дверной проем я, надежно укрытый от чужих глаз, мог наблюдать за яркой жизнью деревьев, кустов и травы снаружи. Кролики и коноплянки, убежавшие и разлетавшиеся при приближении, не слышали и не чуяли меня здесь. Я видел, как водяная ворона строит себе гнездо и возвращает птенцов в каких-то двух кубитах от моего носа. Я видел, как лис, из тех, кого называют гривастыми волками, – огромный, крупнее любой собаки, кроме самых больших, – рысцой бежит сквозь кустарник. Однажды этот лис

по каким-то своим лисьим делам забрался даже в разрушенные кварталы на юге — я видел, как он возвращался оттуда в сумерках. Каракара выслеживала для меня гадюк, сокол на вершине сосны расправлял крылья, готовясь взлететь...

Не думайте, для описания всего того, за чем я наблюдал так долго, момент сейчас вполне подходящий. Для рассказа о том, что все это значило для оборванного мальчишки, ученика палачей, не хватило бы и целого десятка саросов. В те времена мною постоянно владели две мысли, почти мечты — они-то и делали все эти вещи бесконечно дорогими. Первая состояла в том, что уже в обозримом будущем само время остановится; дни, сверкающие яркими красками и столь долго тянущиеся один за другим, словно ленты из шляпы фокусника, подойдут к концу; тусклое солнце мигнет и погаснет. Вторая предполагала, будто где-то существует источник чудесного света (иногда я представлял его себе в виде свечи, а порой — факела), дарующего жизнь всему, что попадет в его лучи: у опавшего листа отрастут тоненькие ножки и щупальца, сухая колючая ветка откроет глазки и снова вскарабкается на дерево...

Но иногда, особенно в жаркие, сонные полуденные часы, смотреть вокруг было почти не на что. Тогда я отворачивался к бронзовой табличке над дверью и гадал, какое отношение ко мне имеют корабль, фонтан и роза, или глазел на бронзовый саркофаг, мною же найденный, отчищенный до блеска и установленный в углу. Покойный лежал, вытянув-

шись во весь рост и сомкнув тяжелые веки. При свете, проникавшем в мавзолей сквозь оконце, я изучал лицо покойного, сравнивая его со своим, отражавшимся в полированном металле. Мой нос, прямой и острый, впалые щеки и глубоко посаженные глаза были такими же, как у него. Ужасно хотелось выяснить, был ли он, как и я, темноволос.

Зимой я навещал некрополь лишь изредка, но с приходом весны этот мавзолей и его окрестности неизменно служили мне местом для наблюдений и отдыха в тишине. Дротт, Рох и Эата тоже приходили в некрополь, но своего излюбленного убежища я не показывал им никогда, а у них, как и у меня, также имелись свои потайные убежища. Собираясь вместе, мы вообще редко лазали по склепам. Мы сражались на мечях из веток, швырялись шишками в солдат, играли в «веревочку», в «мясо» или – при помощи разноцветных камешков – в шашки, вычертив доску на холмике свежей могилы.

Так развлекались мы в лабиринте некрополя, также принадлежавшем Цитадели, а иногда еще плавали в огромном резервуаре у Колокольной Башни. Конечно, там, под толстым каменным сводом, нависавшим над темной, бесконечно глубокой водой, было сыро и холодно даже летом. Однако в резервуаре можно было купаться даже зимой, да вдобавок купанье это обладало одним преимуществом – главным, неоспоримым, решающим: оно было запрещено. Как упоительно было прокрадываться к резервуару и не зажигать факелов, пока за нами не захлопнется тяжелая крышка люка!

Как плясали наши тени на отсыревших камнях, когда пламя охватывало просмоленную паклю!

Как я уже говорил, другим местом для купанья был Гьёлль, огромной, усталой змеей проползавший сквозь Несс. С наступлением теплых дней ученики компаниями шли купаться через некрополь мимо высоких старых гробниц под стеной Цитадели, мимо исполненных тщеславия последних прибежищ оптиматов, сквозь каменные заросли обычных памятников (минуя дородных стражей, опиравшихся на древки копий, мы старались изображать высшую степень почтения) и, наконец, через россыпи простых, смываемых первым же ливнем земляных холмиков, под коими покоятся нищие.

У нижнего края некрополя находились те самые железные ворота – их я уже описывал. Именно сквозь них прибывали тела, подлежащие захоронению в могилах для бедных. Минуя ржавые решетчатые створы ворот, мы начинали чувствовать, что в самом деле вышли за пределы Цитадели и, безусловно, нарушили правила, ограничивавшие нашу свободу перемещений. Мы были уверены (или, по крайней мере, делали вид, будто уверены), что старшие братья подвергнут нас пыткам, если проступок откроется. На самом же деле нас ожидала в худшем случае порка – такова доброта палачей, которых я впоследствии предал.

Гораздо опаснее были для нас обитатели многоэтажных жилых домов, тянувшихся вдоль грязной улицы, которой мы

шли на реку. Порой мне думается, что гильдия просуществовала столь долго лишь потому, что служила средоточием людской ненависти, отвлекая ее от Автарха, от экзультантов, от армии и даже – в известной, разумеется, мере – от бледнокожих какогенов, порой прибывавших на Урд с дальних звезд.

Обитатели жилых кварталов обладали тем же чутьем, что и стражи, и тоже частенько догадывались, кто мы такие. Порой из окон на нас выплескивали помои, а уж гневный ропот сопровождал нас на каждом шагу... однако страх, породивший эту ненависть, служил нам защитой. Никто никогда всерьез не нападал на нас, а раз или два, когда на милость гильдии отдавали тирана-вильдграфа или продажного парламентария, на нас лавиной рушились пожелания (большей частью непристойные либо невыполнимые) по поводу того, как с ним надлежит обойтись.

В том месте, где мы купались, естественных берегов не было уже много сотен лет – два чейна воды, заросшей голубыми неньюфарами, были надежно заперты меж каменных стен набережной. С набережной в воду спускались около десятка лестниц, к которым должны были причаливать лодки, и в солнечные дни каждый пролет был занят компанией из десяти-пятнадцати шумных, драчливых юнцов. Нам четверым не хватало сил, чтобы отбить себе пролет у такой компании, но и избавиться от нашего присутствия они не могли (по крайней мере, ни разу не попробовали), хотя, завидев

нас, начинали грозить расправой, а стоило нам устроиться возле, принимались дразниться.

Вскоре, однако ж, все они уходили прочь, и набережная оставалась в нашем распоряжении до следующего купального дня.

Я предпочел описать все это сейчас, так как после спасения Водала купаться ни разу больше не ходил. Дротт с Рохом думали, что я просто боюсь снова оказаться перед запертыми воротами. А вот Эата, пожалуй, понимал истинную причину: в мальчишках, готовых вот-вот стать мужчинами, порой просыпается прямо-таки женское чутье. Все дело было в них, в ненюфах.

Некрополь никогда не казался мне обителью смерти; я знал, что кусты пурпурных роз, к которым люди питают такое отвращение, служат убежищем для многих сотен птиц и мелких зверьков. Экзекуции, которые я наблюдал и в которых столько раз принимал участие, были для меня не более чем ремеслом, обычной мясницкой работой (вот только люди зачастую куда менее невинны и ценны, чем скот). Когда я думаю о смерти – своей ли, кого-либо из тех, кто был добр ко мне, или даже о смерти нашего солнца, – перед мысленным взором моим появляется образ ненюфар с бледными, лоснящимися листьями, лазоревыми лепестками и черными, тонкими, прочными, словно волос, корнями, уходящими вниз, в темные, холодные глубины вод.

По молодости лет мы об этих цветах никогда не задумы-

вались. Плескались среди них, плавали, раздвигая их в стороны и не обращая на них ни малейшего внимания. Вдобавок аромат их хоть как-то перебивал мерзкие, гнилостные испарения реки...

В тот день, перед тем как спасти Водала, я нырнул в самую гущу цветов, как делал до того тысячи раз.

Нырнул... и не смог вынырнуть. Меня угораздило попасть в такое место, где гуща корней была гораздо плотнее, чем где-либо еще. Я словно оказался пойман сразу в сотню сетей! Я открыл глаза, но ничего не увидел перед собою, кроме густой, черной паутины корней. Я хотел было всплыть – но тело оставалось на месте, среди миллионов тонких черных нитей, как лихорадочно руки и ноги ни загребали воду. Сжав пучок корней в горсти, я рванул их – и разорвал, но и это не помогло обрести подвижность. Казалось, легкие распухли так, что закупорили горло и вот-вот задушат меня, а после – разорвутся на части. Мной овладело непреодолимое желание вдохнуть, втянуть в себя темную, холодную воду.

Я перестал понимать, где поверхность воды, и сама вода не воспринималась больше как таковая. Силы оставили меня, и страх исчез, хотя я сознавал, что умираю или даже уже мертв. В ушах загремел раздражающий звон – и перед глазами возник мастер Мальрубий, умерший несколько лет назад. Он будил нас, колотя ложкой по металлической спинке койки – вот откуда взялся этот звон! Я лежал в койке, не в силах подняться, хотя все прочие – Дротт, Рох и ученики

помладше были уже на ногах, зевали спросонья и одевались, путаясь в рукавах и штанинах. Мантия мастера Мальрубия была распахнута, открывая обвисшую кожу на груди и животе (и жир, и мускулы давным-давно съело время). Я хотел было сказать ему, что уже проснулся, но не смог издать ни звука. Мастер Мальрубий двинулся вдоль ряда коек, колотя ложкой по спинкам, и через какое-то время, показавшееся мне целой вечностью, достиг амбразуры, остановился и выглянул наружу. Я понял: он высматривает на Старом Подворье меня.

Однако взгляд его никак не мог меня отыскать: я был в одной из камер под пыточной комнатой, лежал на спине и смотрел в серый потолок. Где-то плакала женщина, но я не видел ее, а женские рыдания вытеснял из сознания звон – звон ложки о металлическую спинку койки. Тьма сомкнулась над головой, во тьме появилось лицо женщины – огромное, точно зеленый лик луны в ночном небе, но плакала не она: я все еще слышал рыдания, а безмятежное лицо этой женщины было исполнено той красоты, что не приемлет вовсе никаких выражений. Руки ее потянулись ко мне, и я тут же превратился в едва оперившегося птенца, которого год назад вытащил из гнезда в надежде приручить – ладони женщины превосходили размерами гробы из моего потайного мавзолея, в которых я иногда отдыхал. Огромные руки схватили меня, подняли и тут же швырнули вниз, прочь от ее лица и от звуков рыданий, в непроглядную темноту. Достигнув чего-то,

на ощупь показавшегося донным илом, я вырвался наружу, в мир света, окаймленного черным.

Дышать я по-прежнему не мог, да и не хотел, и грудь не желала, как обычно, вздыматься сама по себе. Сам не понимая, каким образом (позже выяснилось, что это Дротт тащил меня за волосы), я заскользил по воде и оказался на холодных, скользких камнях, а Дротт с Рохом по очереди принялись вдвухать воздух мне в рот. Глаза их мелькали передо мной, точно узоры в окошке калейдоскопа. Глаза Эаты – их было очень уж много – я отнес на счет неполадок в собственном зрении.

В конце концов я отпихнул Роха и изверг из себя огромное количество черной воды. После этого мне полегчало. Я сумел сесть и начал понемногу дышать; смог даже пошевелить слабыми, дрожащими руками. Глаза, окружавшие меня, принадлежали вполне настоящим людям, жителям примыкавших к набережной домов. Какая-то женщина подала мне чашку чего-то – чай это был или бульон, разобрать я не смог. Питье оказалось обжигающе горячим, слегка соленым и припахивающим дымом. Поднеся чашку ко рту, я почувствовал легкий ожог на губах и на языке.

– Ты уж не утопиться ли хотел? – спросил Дротт. – И как только выплыть смог?!

Я покачал головой.

– Так и вылетел из воды! – сказали из толпы.

Рох подхватил едва не оброненную мной чашку.

– Мы-то думали, ты где-то вынырнул и прячешься! Чтобы над нами подшутить...

– Я видел Мальрубия.

Какой-то старик – судя по заляпанной смолой одежде, лодочник – вдруг схватил Роха за плечо:

– Мальрубий? Это кто такой будет?

– Был мастером учеников. Он давно умер.

– То есть не женщина?

Старик держал за плечо Роха, но взгляд его был устремлен на меня.

– Нет, нет, – ответил Рох. – У нас в гильдии женщин нет.

Несмотря на горячее питье и теплый солнечный день, я ужасно замерз. Один из мальчишек, с которыми мы дрались когда-то, принес откуда-то насквозь пропыленное одеяло, и я закутался в него поплотней, но встать и пойти все равно смог очень не скоро. Когда мы добрались до ворот некрополя, от изваяния Ночи, венчавшего караван-сарай на противоположном берегу, остался лишь крохотный черный штришок на фоне пламенеющего заката, а ворота были закрыты и заперты на замок.

III

Лик Автарха

Взглянуть на монету, данную Водалом, мне пришло в голову только среди утра следующего дня. Как обычно, мы, обслужив подмастерьев в трапезной, позавтракали сами, встретились в классе с мастером Палемоном и после краткой предварительной лекции последовали за ним в нижние этажи – наблюдать за работой, начатой прошедшей ночью.

Но здесь, прежде чем писать дальше, наверное, стоит подробнее рассказать об устройстве нашей Башни Матачинов. Фасад ее выходит на западную, заднюю сторону Цитадели. На первом этаже расположены кабинеты наших мастеров – там они проводят консультации с представителями юстиции и главами других гильдий. Над ними, этажом выше, находится общая комната, дальней стеной примыкающая к кухне. Еще выше – трапезная, служащая нам не только местом приема пищи, но и залом для собраний. Над трапезной – личные каюты мастеров, которых в лучшие для гильдии времена было гораздо больше. Этажом выше – каюты подмастерьев, над ними – dormitorio учеников и классная комната, мансарды и анфилады заброшенных кабинетов, а на самом верху – оружейный отсек: то, что там осталось, членам гильдии полагается обслуживать в случае нападения противника на Цитадель.

Внизу, под всем этим, находятся рабочие помещения гильдии. Сразу под землей – комната для допросов, а под ней – то есть уже вне башни, ведь комната для допросов изначально была реактивным соплом – тянутся вниз на три этажа (прочие этажи давно не используются) лабиринты темниц, соединенные центральной лестницей. Камеры неприятельны, сухи и чисты, каждая снабжена столиком, креслом и узкой кроватью, которая жестко крепится к полу в центре помещения.

Светильники в темницах – из тех, древних, которые, говорят, должны гореть вечно, хотя некоторые уже погасли. В то утро сумрак подземных коридоров вовсе не омрачал моего настроения – наоборот, наполнял сердце радостью: ведь именно здесь я, став подмастерьем, буду работать, совершенствовать древнее искусство нашей гильдии, возвышусь до звания гильдейского мастера и заложу фундамент для реставрации ее былой славы. Казалось, сам воздух коридоров окутывает меня, словно одеяло, согретое у чистого, бездымного огня.

Все мы остановились перед дверью одной из камер, и дежурный подмастерье заскрежетал ключом в замке. Клиентка, содержащаяся внутри, подняла голову и широко раскрыла темные глаза. Вероятно, ее напугала бархатная маска и черная мантия, в которые, согласно рангу, был облачен мастер Палемон, а может, массивное оптическое устройство, без которого он почти ничего не видел. При виде нас она не

проронила ни слова, а заговаривать с ней никому из учеников, уж конечно, даже в голову бы не пришло.

– Здесь, – начал мастер Палемон в своей обычной сухова-
той манере, – мы имеем нечто выходящее за рамки стандарт-
ных юридических приговоров и хорошо иллюстрирующее
возможности новейшей техники. Прошедшей ночью клиент-
ка была подвергнута допросу – возможно, некоторые из вас
имели возможность ее слышать. Двадцать минимов тинкту-
ры были даны клиентке до начала процедуры и десять – по
окончании. Доза лишь частично предотвратила шок и поте-
рю сознания, вследствие чего процедура была прервана, –
тут он подал знак Дротту, и тот начал разбинтовывать ногу
клиентки, – как вы можете видеть, после удаления кожи с
правой ноги.

– Полусапог? – спросил Рох.

– Нет, сапог полностью. Клиентка из служанок, чью кожу
мастер Гюрло находит до чрезвычайности прочной, и дан-
ный опыт наглядно доказал его правоту. Смотрите: простое
циркулярное рассечение под коленом, край зафиксирован
восемью скобками, а засим тщательный труд мастера Гюрло,
Одона, Мины и Эйгиля позволил удалить кожу от колена до
кончиков пальцев без дальнейшего применения ножа.

Мы собрались вокруг Дротта. Мальчишки помладше при-
нялись толкаться, деля вид, будто знают, на что имен-
но нужно смотреть. Артерии и главные кровеносные сосу-
ды остались неповрежденными, наблюдалось лишь незначи-

тельное общее кровотечение. Я помог Дротту сделать перевязку.

Мы уже двинулись к выходу, но женщина вдруг заговорила:

– Я не знаю! Ох, неужто вы думаете, что я не сказала бы, кабы знала? Она убежала с этим Водалом-из-Леса, а куда – я не знаю!

Снаружи я, прикинувшись полным невеждой, спросил у мастера Палемона, кто такой этот Водал-из-Леса.

– Сколько раз я объяснял, что ни одно слово, сказанное клиентом во время допроса, не должно достигнуть твоих ушей?

– Много раз, мастер.

– И, видимо, попусту. Не за горами день возложения масок, Дротт с Рохом сделаются подмастерьями, а ты – капитаном учеников. Именно в таком духе ты будешь наставлять мальчишек?

– Нет, мастер.

Поймав многозначительный взгляд Дротта, стоявшего за спиной мастера Палемона, я понял: он знает, кто такой Водал, и объяснит мне, как только выдастся удобный момент.

– Некогда подмастерьев нашей гильдии лишали слуха. Быть может, ты хочешь вернуть те дни, Севериан? И не держи руки в карманах, разговаривая с мастером.

Я нарочно сунул руки в карманы, чтобы отвлечь его гнев, но теперь, выполняя приказ, нащупал монету, врученную

мне Водалом накануне. Страх, пережитый в схватке, совсем было вытеснил ее из памяти, а вот теперь мне вдруг до судорог захотелось взглянуть на нее – но мастер Палемон, поблескивая линзами, не сводил с меня глаз.

– Когда клиент говорит, ты, Севериан, не должен слышать ни единого слова. Представь себе, будто перед тобой мышь, чей писк не имеет для людей ни малейшего смысла.

Я сощурил глаза, показывая, что изо всех сил стараюсь представить себе эту мышь.

От жгучего желания взглянуть на тоненький металлический диск, который сжимал в кулаке, я не мог избавиться на всем протяжении долгого, утомительного подъема в классную комнату, но тогда монету непременно увидел бы шедший позади Евсигний, один из самых младших учеников. В классе, где мастер Палемон монотонно читал урок над трупом десятидневной давности, монета привлекла бы всеобщее внимание еще вернее, и вынуть ее из кармана я не осмелился.

Удобный момент выдался лишь к вечеру, когда я спрятался в развалинах стены среди сверкающих на солнце мхов. Некоторое время я не решался разжать подставленный под солнечный луч кулак – боялся, как бы разочарование не оказалось мне не по силам.

Нет, ценность монеты была для меня не так уж важна. Хотя я и стал взрослым, денег у меня было столь мало, что любая монетка сошла бы за улыбку фортуны. Скорее, все де-

ло было в том, что монета, которая вот-вот утратит всю свою таинственность, была единственным звеном, связывавшим меня с прошлой ночью, единственной нитью, ведущей к Водалу, прекрасной женщине в плаще с капюшоном и толстяку, на которого я налетел в темноте, единственным трофеем, вынесенным из схватки на краю разверстой могилы. Другой жизни, кроме гильдейской, я прежде не знал, и теперь она, в сравнении с блеском клинка экзультанта и раскатистым эхом выстрела среди надгробий, казалась мне такой же серой, как моя рваная рубаха.

И все это могло исчезнуть в один миг, стоило лишь разжать кулак!

Наконец, испив сладкий ужас до последней капли, я взглянул на монету. Та оказалась золотым хризосом. Я тут же сомкнул пальцы, боясь, что ошибся и принял за золото медный орихальк, и подождал, пока не наберусь храбрости разжать кулак снова.

Впервые в жизни я держал в руках золото. Орихальки видел во множестве, а несколькими даже владел сам. Раз или два попадался мне на глаза серебряный азими. А вот о существовании хризосов я только знал, причем знание это было так же туманно, как и знание о существовании мира за пределами нашего города Несса и о других континентах на севере, востоке и западе.

На том хризосе, который я держал в горсти, было изображено лицо, как мне показалось, женщины – увенчанной ко-

роной, ни молодой, ни старой, безмолвной, безупречно прекрасной в цитриново-желтом металле. Наконец я повернул свое сокровище другой стороной, и тут у меня взаправду перехватило дух. На реверсе был вычеканен крылатый корабль – тот самый, с герба над дверью моего потайного мавзолея! Вот это лежало за гранью каких бы то ни было объяснений – настолько, что я в тот момент не стал даже строить никаких догадок, будучи вполне уверен в бесплодности любых умопостроений. Поэтому я просто сунул монету обратно в карман и в некоторой прострации отправился назад, к своим товарищам-ученикам.

О том, чтобы держать монету при себе, не могло быть и речи. При первой же возможности я удрал в некрополь один и тщательно обыскал мой мавзолей. Погода в тот день изменилась, к мавзолею пришлось пробираться сквозь мокрый кустарник и высокие жухлые травы, начавшие клониться к земле в предчувствии зимы. Убежище мое не было больше прохладной, уютной пещеркой; оно превратилось в ледяную яму, внушавшую явственное ощущение близости врагов, противников Водала: ведь им, без сомнения, уже известно, что я присягнул ему на верность. Стоит мне войти внутрь, враги выскочат из засады, захлопнут дверь, висящую на новых, загодя смазанных петлях, и... Конечно, я понимал, что все это – чепуха, но в чепухе той имелась и толика истины. Я чувствовал близость тех времен, когда (через несколько месяцев, а может, несколько лет) враги эти вправду нач-

нут на меня охоту, и мне придется поднять выбранный для боя топор... а ведь палачи в подобное положение, как правило, не попадают.

В полу, у самого подножия бронзового саркофага, обнаружился расшатанный камень. Под него я и спрятал свой хризос, а после прошептал заклинание, которому меня много лет назад выучил Рох, — несколько рифмованных строк, якобы обеспечивавших сохранность спрятанного:

Здесь лежи. Кто ни придет,
Стань прозрачен, будто лед;
Взгляд чужой да не падет
На тебя.

Здесь лежи, не уходи,
Избегай чужой руки,
Пусть дивятся чужаки,
Но не я.

Чтобы заклятие в самом деле подействовало, следовало обойти место клада в полночь, держа в руке пойманный блуждающий огонек, но тут я вспомнил Дроттовы выдумки насчет собирания трав на могилах в полночь, рассмеялся и решил положиться только на стишок, хотя был поражен тем, что достаточно повзрослел, чтобы не стесняться подобных вещей.

Шли дни, но впечатления от похода к мавзолею оставались достаточно яркими, чтобы удержать меня от попыток наведаться туда еще раз и проверить, на месте ли мое сокровище, как бы порой ни хотелось. Затем выпал первый снег, превративший развалины стены в скользкую, почти непреодолимую преграду, а издавна знакомый и привычный некрополь – в странные, чужие россыпи снежных холмиков. Монументы под покровом нового снега словно бы выросли, а кусты и деревья – съежились едва не вдвое.

Суть учения в нашей гильдии заключена в том, что бремя его, по первости легкое, тяжелеет по мере взросления ученика. Самые младшие освобождены от работы вовсе, пока не достигнут шести лет от роду. После этого их работа состоит в беготне вверх-вниз по лестницам Башни Матачинов, и малыши, гордые оказанным доверием, вообще не воспринимают ее как труд. Однако со временем работа их становится все обременительнее. Обязанности приводят ученика в другие части Цитадели – к солдатам в барбакан, где он узнает, что у учеников военных есть барабаны, трубы и офиклеиды, сапоги и даже блестящие кирасы; в Медвежью Башню, где он видит, как его сверстники-мальчишки учатся обращению с прекрасными боевыми зверями – мастифами, чьи головы едва ли не больше львиных, и диатримами, превосходящими ростом человека, с окованными сталью клювами... и еще в сотню подобных мест, где он впервые узнает, что гильдию его ненавидят и презирают даже те (вернее, особенно те), кто

пользуется ее услугами. Вскоре подоспевает мытье полов и кухонные наряды, причем всю интересную и приятную кухонную работу берет на себя брат Кок, так что на долю учеников остается чистить и резать овощи, прислуживать за столом подмастерьям да таскать вниз, в темницы, бесконечные груды подносов.

В то время я еще не знал, что вскоре мое ученичество, сколько себя помню, лишь тяжелевшее, резко сменит курс и станет куда менее утомительным и куда более приятным. Несколько лет перед тем, как стать подмастерьем, старший ученик только присматривает за работой младших. Лучше становится и его пища, и даже одежда, и подмастерья помладше начинают обращаться с ним почти как с равным, и — что приятнее всего — на него возлагается бремя ответственности, возможность отдавать приказы и добиваться их выполнения.

Когда же приходит день возвышения, он — уже взрослый. Он занимается лишь той работой, к которой его готовили, по выполнении коей может покидать Цитадель и даже получает деньги из свободных фондов на развлечения за ее пределами. Если же он когда-нибудь возвысится до звания мастера (каковая честь требует единогласного решения всех живых мастеров), то сможет выбирать работу по собственному вкусу и интересу, а также получит право непосредственного участия в решении гильдейских дел.

Но не следует забывать, что в тот год, о котором я пишу

сейчас, в год, когда я спас жизнь Водаля, я всего этого не сознавал. С началом зимы сражения на севере, как мне сказали, временно прекратились; а следовательно, Автарх со своими советниками и высшими чиновниками вернулись в город и возобновили отправление судебных дел.

– Значит, – объяснил Рох, – предстоит работа со всеми новоприбывшими клиентами. И ожидаются еще – дюжины, если не сотни. Может, придется даже снова открыть четвертый этаж.

Взмах его веснушчатой руки означал, что уж он-то, по крайней мере, готов сделать все, что потребуется.

– Так он здесь? – спросил я. – Сам Автарх – здесь, в Цитадели? В Башне Величия?

– Конечно, нет. Если и приедет, ты уж всяко узнаешь, верно? Тут же пойдут парады, инспекции и все такое прочее. Да, в Башне Величия для него имеются покои, но двери их не отпирались вот уже сотню лет. Живет Автарх в тайном дворце, в Обители Абсолюта, где-то к северу от города.

– И ты не знаешь, где это?

Рох ощетинился:

– Как я могу сказать, в каком он месте, если там нет ничего, кроме самой Обители Абсолюта? А Обитель стоит на своем месте. На том берегу, дальше к северу.

– За Стеной?

Мое невежество заставило Роха улыбнуться.

– Далеко за Стеной. Пешком идти не одну неделю. Ав-

тарх-то, конечно, если захочет, может вмиг домчаться сюда на флайере. На Флаговую Башню приземлится.

Однако наши новые клиенты прибывали вовсе не на флайерах. Тех, кто попроще, пригоняли связками по десять-двадцать человек, в цепях, продетых сквозь кольца ошейников. Таких охраняли димархии, бойцы как на подбор, крепко сбитые, в простых, предельно практичных доспехах. Каждый клиент имел при себе медный цилиндрический футляр с личными документами и, таким образом, нес в руках собственную судьбу. Конечно же, все они срывали с футляров печати и читали те бумаги; некоторые пробовали уничтожить их или меняться друг с другом. Прибывших без документов держали в камерах до получения относительно них дальнейших указаний, причем некоторые за время ожидания умирали естественной смертью. Те, кто менялся бумагами, менялись судьбами; сидели в темнице или выходили на волю, подвергались пыткам либо казни вместо других.

Тех, кто поважнее, привозили в бронированных каретах. Стальные борта и обрешеченные окна этих экипажей служили не столько для предотвращения побегов, сколько для того, чтобы помешать отбить заключенного силой. Не успевала такая карета, с грохотом обогнув восточную стену Башни Ведьм, въехать на Старое Подворье, гильдия переполнялась слухами о дерзких нападениях, инспирированных либо возглавленных лично Водалом: мои товарищи-ученики и большая часть подмастерьев свято верили, будто почти все эти

клиенты – его приспешники, сообщники и союзники. Однако я не стал бы освобождать их из этих соображений: подобное навлекло бы на гильдию бесчестье, а предать гильдию, при всей моей преданности Водалу и его движению, я был не готов, да и возможности к этому не имел. Надеялся лишь, что смогу в меру сил скрасить заключение тем, кого полагал своими товарищами по оружию, добавляя им еды с подносов менее достойных клиентов или подбрасывая украденные с кухни кусочки мяса.

Однажды (день тогда выдался на редкость шумный) мне представилась возможность выяснить, кем были все эти люди. Я драил полы в кабинете мастера Гюрло, а мастер, выйдя по какому-то делу, оставил на столе грудку только что присланных досье. Едва за ним захлопнулась дверь, я поспешил к столу и успел просмотреть большую часть бумаг, прежде чем с лестницы вновь донеслись его тяжелые шаги. Ни один – ни один – из заключенных, в чьи бумаги мне удалось заглянуть, не имел к Водалу ни малейшего отношения. Все они оказались торговцами, попытавшимися нажиться на армейских поставках, маркитантами, шпионившими в пользу асциан, либо просто презренными уголовниками разных мастей. Вот так. Не более.

Относя ведро к каменному сливу на Старом Подворье, я увидел еще одну из таких бронированных карет, только что прибывшую. Над упряжкой курился пар, охранники в шлемах, утепленных мехом, робко разбирали наше традицион-

ное угощение – дымящиеся кубки с подогретым вином. Тут я уловил краем уха имя Водала, но никто, кроме меня, не обратил на него внимания, и мне внезапно почудилось, будто Водал – лишь эйдолон, сотканный моим воображением из тумана и сумрака, а реален только человек, которого я зарубил его же собственным топором. Казалось, в этот миг только что переворошенные досье хлестнули в лицо, точно сухие листья, поднятые вихрем с земли.

Смущенный, я впервые почувствовал себя в какой-то мере безумным, и могу смело утверждать, что это был самый ужасный миг в моей жизни. Я часто лгал мастеру Гюрло с мастером Палемоном, и мастеру Мальрубию, когда тот еще был жив, и Дротту, поскольку он был капитаном учеников, и Роху, который был старше меня и сильнее, и Эате с прочими младшими учениками, надеясь внушить почтение к себе. Теперь я больше не мог сказать наверняка, не лжет ли мне самому мое собственное сознание: все мои выдумки разом вернулись ко мне, и я, помнящий все до единой мелочи, больше не мог быть уверен, что все эти воспоминания – не просто пустые мечты. Я помнил лицо Водала в лунном свете – но ведь мне хотелось вспомнить его! Я помнил его голос и разговор с ним – но ведь мне хотелось снова услышать его и ту прекрасную женщину!

Вскоре, в одну из студеной ночей, я снова пробрался в мавзолей, чтобы взглянуть на свой хризос. Усталое, безмятежное, бесполое лицо на его аверсе вовсе не было лицом

Водала.

IV

Трискель

Я нашел его, когда, наказанный за какую-то мелкую провинность, очищал от льда замерзший сток в том месте, куда блюстители Медвежьей Башни выбрасывают «отходы производства» – трупы растерзанных, погибших в процессе дрессировки животных. Наша гильдия хоронит своих умерших под стеной, а клиентов – в нижней части некрополя, а вот блюстители Медвежьей Башни оставляют своих на попечение посторонних. Из всех лежавших там он был самым маленьким.

Бывают в жизни такие события, которые ничего не меняют. Урд обращает свое старушечье лицо к солнцу, и солнечный луч заставляет ее снега сверкать и искриться, так что любая сосулька, свисающая с башенного карниза, кажется Когтем Миротворца, драгоценнейшим из самоцветов, и все, кроме самых мудрых, верят, будто снег, стаяв, уступит место неожиданно долгому лету.

Но не тут-то было. Солнечный рай продолжается стражу или две, затем на снег ложатся, колеблются, пляшут в токах восточного ветра голубые, словно разбавленное водой молоко, тени, и вскоре наступившая ночь ставит все на свои места.

Так же было и с моей находкой, Трискелем. Я чувство-

вал, что это может – и должно – переменить все, однако то был лишь эпизод длиною в несколько месяцев. Когда с его уходом все кончилось, зима вновь сделалась обычной зимой, после которой, как всегда, наступил день святой Катарины, и все осталось по-прежнему. Если бы я только мог описать, как жалко он выглядел, когда я коснулся его, и как обрадовался он моему прикосновению!..

Весь окровавленный, он лежал на боку. Кровь на морозе застыла, точно смола, и оставалась ярко-красной – холод предотвратил свертывание. Я – сам не знаю зачем – положил ему руку на голову. Он, хоть и выглядел таким же мертвым, как и все остальные, открыл глаз, взглянул на меня, и во взгляде его ясно читалась уверенность, что все худшее позади. «Я сделал свое дело – словно бы говорил его взгляд, – родился и выполнил все, что смог; теперь же настал твой черед выполнять свои обязанности передо мной».

Случись все это летом, я бы, пожалуй, оставил его умирать. Но я уже довольно давно не видел ни единого зверя, даже какого-нибудь тилакодона, питающегося отбросами. Я снова погладил его, и он лизнул мою руку, после чего я уже никак не мог просто повернуться и уйти.

Я взял его на руки (он оказался удивительно тяжел) и огляделся, стараясь сообразить, что с ним делать. Конечно, в нашем дормитории его обнаружили бы прежде, чем свеча сгорит на толщину мизинца. Да, Цитадель неизмеримо велика и запутанна, в башнях ее, в коридорах, в постройках

меж башен и проложенных под ними галереях имелось множество мест, куда не забредал никто, и все же я не мог припомнить ни одного укромного места, куда мог бы добраться, не попавшись с десяток раз кому-нибудь на глаза. В конце концов я отнес бедную зверюгу в наши собственные гильдейские квартиры.

Здесь требовалось как-то протащить его мимо подмастерья, стоявшего на часах у верхней площадки лестницы, ведущей вниз, к темницам. Вначале мне пришло в голову уложить Трискеля в одну из корзин, в которых клиентам доставляют чистое белье. День как раз был банно-прачечным, и мне не составило бы труда сделать одним рейсом больше, чем нужно. Вероятность того, что охранник-подмастерье заметит неладное, казалась ничтожной, однако для этого пришлось бы стражу с лишком ждать, пока высохнет очередная партия льняных простыней, да к тому же брат, стоявший на посту на площадке третьего яруса, непременно увидел бы, как я спускаюсь на необитаемый четвертый.

Поэтому я оставил пса в комнате для допросов – он все равно был слишком слаб, чтобы двигаться – и предложил охраннику с верхней площадки подежурить вместо него. Он только обрадовался возможности малость отдохнуть и тут же отдал мне палаческий меч с широким клинком (которого мне теоретически не положено было даже касаться) и плащ цвета сажи (который мне было настрого запрещено носить, хоть я уже успел перерасти многих подмастерьев), так что

издали подмены не заметил бы никто. Стоило ему уйти, я закрыл лицо капюшоном, поставил меч в угол и поспешил к своему псу. Плащи нашей гильдии отличаются свободой покроя, а доставшийся мне оказался еще шире прочих – брат, носивший его, был изрядно широк в кости. Более того, цвет сажи чернее всех прочих оттенков черного, а потому превосходно скрывает от стороннего взгляда все складки и сборки, превращая ткань в бесформенный сгусток тьмы. Укрыв лицо под капюшоном, я предстал бы перед подмастерьями, дежурившими на третьем ярусе (если бы они вообще обернулись к лестнице и заметили меня), как обычный – разве что по-полнее большинства прочих – брат-гильдеец, спускающийся вниз. Учитывая все слухи, будто четвертый ярус снова собираются заселить клиентами, даже брат, дежурящий на третьем, где держат клиентов, полностью лишившихся рассудка, воющих и гремящих цепями, ничего не заподозрит при виде спускающегося вниз подмастерья и не усмотрит ничего особенного в том, что вскоре после того, как он вернется, на четвертый спустится ученик. Все будет выглядеть так, будто подмастерье что-то забыл на четвертом ярусе и послал за забытым ученика принести.

Уютом четвертый ярус отнюдь не блистал. Примерно половина древних светильников еще горела, однако пол коридоров был покрыт слоем ила – кое-где едва не в руку толщиной. Стол дежурного охранника стоял там, где был оставлен, может быть, две сотни лет назад, но древесина прогнила

насквозь, и вся конструкция рассыпалась бы при первом же прикосновении. Однако вода здесь не поднималась высоко, а в дальнем конце выбранного мной коридора не было даже ила. Уложив пса на клиентскую кровать, я, как сумел, вымыл его при помощи губок, захваченных в комнате для допросов.

Мех его под коркой запекшейся крови оказался коротким и жестким, рыжевато-коричневым. Обрезанный почти под корень, хвост толщиной превосходил длину, а коротко, едва ли не начисто обрубленные уши были не длиннее первой фаланги большого пальца. В последней схватке ему здорово раскроили грудь. Мощные мускулы торчали наружу клубком сонных змей. Правой передней лапы не было вовсе: если что и осталось, все было размолото в кашу. Пришлось, уж как получилось, зашить рану в груди, а поврежденную лапу отрезать, после чего она снова начала кровоточить. Найдя артерию, я перевязал ее и подвернул шкуру, как учил мастер Палемон. Получилась замечательная культя.

Трискель время от времени лизал мою руку, а стоило мне наложить последний стежок, принялся облизывать культю, словно он – медведь и может высосать из культи новую лапу. Челюсти его были огромны, как у арктотера, а клыки – длиннее моего среднего пальца, вот только десны совсем побелели, и в челюстях осталось не больше силы, чем в руках скелета. Желтые глаза пса переполняло чистейшее, беспримесное безумие.

В тот вечер я поменялся обязанностями с парнем, которо-

му выпало нести клиентам еду. От них всегда что-нибудь да оставалось – некоторые клиенты не едят вовсе, и два оставшихся подноса я понес Трискелю, гадая, жив ли он до сих пор.

Трискель был жив. Он даже ухитрился выбраться из кровати и подползти (ходить пока не мог) к кромке ила, где скопилось немного воды. Там я его и нашел.

На подносах были суп, черный хлеб и два графина воды. Миску супа Трискель вылакал исправно, но, попробовав скормить ему хлеб, я обнаружил, что пес не в силах как следует разжевать его. Тогда я накрошил хлеба во вторую миску с супом, а после подливал в нее воды, пока оба графина не опустели.

Уже лежа в койке, почти на самом верху нашей башни, я все думал, будто слышу, как трудно ему дышать. Несколько раз даже садился и прислушивался, но звук всякий раз пропадал, чтобы вернуться, едва я снова коснусь головой подушки. Быть может, я просто принимал за него биение собственного сердца. Да, найди я Трискеля годом-двумя раньше, он стал бы для меня божеством. Я обязательно рассказал бы о нем Дротту и всем остальным, и он сделался бы божеством для всех нас. Ныне я воспринимал его как есть, как несчастного, больного зверя, и не мог допустить его гибели – это подорвало бы мою веру в самого себя. Я был (если уже был) взрослым так недолго, что не мог вынести мысли о том, насколько я взрослый не похож на себя в бытность маль-

чишкой. Я помнил каждое мгновение прошлой жизни, любую мимолетную мысль, взгляд или сон. Судите сами: легко ли мне было разрушить собственное прошлое? Поднеся кисти рук к лицу, я попробовал разглядеть их, хотя и без этого знал, что на тыльной стороне ладоней набухли, проступили вены, а это – явный признак зрелости.

Во сне я снова отправился на четвертый ярус повидаться со своим огромным другом. Из раскрытой пасти его сочилась слюна. Он говорил со мной.

На следующее утро я снова понес клиентам еду и снова стянул кое-что для пса, хоть и надеялся, что он умер. Но он и не думал умирать. Он поднял морду с земли и словно бы улыбнулся во всю свою широченную – будто голова вот-вот развалится на две половинки – пасть, однако встать не пытался. Я накормил его и, уже уходя, вдруг ощутил пронзительную жалость к нему, попавшему в такое плачевное положение. Он полностью зависел от меня. От меня! Им дорожили; его тренировали, точно бегуна перед гонками; походка его была исполнена гордости, и огромную, шириной в человечесю, грудь несли вперед мощные, точно колонны, лапы... Теперь он жил, словно призрак. Само имя его было смыто его же собственной кровью. Улучив удобный момент, я наведалься в Медвежью Башню и постарался завести дружбу с тамошними. Они принадлежали к собственной, особой гильдии, поменьше нашей, но знаниями обладавшей не ме-

нее обширными. Схожесть наших знаний (хотя я, конечно, проникнуть в секреты их мастерства даже не пробовал) изумила меня до глубины души. Оказалось, что у них при возвышении в мастера кандидат стоит под металлической решеткой, на которую выпускают истекающего кровью быка, а в определенный период жизни каждый из братьев берет в жены львицу либо медведицу и после этого смотреть не хочет на обычных женщин...

Все это – к тому, что их взаимосвязь со зверями почти такова же, как наша – с клиентами. Надо заметить, как далеко ни уходил я от нашей башни, все, сколько их ни есть, ремесленные сообщества повторяют устройство нашей гильдии, словно зеркала Отца Инире в Обители Абсолюта, что отражаются одно в другом. Выходит, все они – такие же, как и мы, палачи. У нас – клиенты, у охотника – дичь, у купца – покупатель, у солдата – враги Содружества, у правителя – подданные, у женщин – мужчины... Все любят то, что разрушают.

Прошла неделя с того дня, как я принес Трискеля в башню, и, спустившись к нему в очередной раз, я нашел лишь следы его лап в иле. Я пошел по следам. Если бы он добрался до лестницы, один из дежурных подмастерьев наверняка упомянул бы о нем. Вскоре след привел меня к двери, за которой оказалась прорва темных и совершенно незнакомых мне коридоров. В темноте я не мог разглядеть следов, но все

равно шел вперед, надеясь, что пес учует мой запах в застоявшемся воздухе и придет ко мне.

А потом я уже заблудился и продолжал идти вперед только потому, что не знал, как вернуться назад.

Насколько древни эти подземелья, возможности выяснить я не имел. Подозреваю лишь (сам не знаю отчего), что древностью они превосходят саму Цитадель. Последняя принадлежит к концу той эпохи, когда в нас еще жило стремление к чужим звездам, хотя практика полетов к ним угасала, точно очаг, в который забыли подкинуть дров. От этой эпохи, за давностью лет, не сохранилось ни единого имени, однако мы еще помним ее. А предворяли ее, должно быть, другие, полностью забытые времена – времена стремления уйти под землю, эпоха сумрачных, тесных коридоров.

Как бы там ни было, в этих коридорах мне сделалось страшно. Я пустился бегом, порой натываясь на стены; наконец увидел впереди пятнышко бледного дневного света и вскоре выбрался наружу сквозь отверстие, в которое едва-едва протиснул голову и плечи.

Оказавшись на свободе, я увидел, что выход привел меня на обледенелый пьедестал одного из тех древних многогранных циферблатов, каждая из многочисленных граней которых означает свой час. Потолок туннеля под ним просел от времени, и циферблат накренился так, словно сам сделался гномоном, тень коего вычерчивала течение короткого зимнего дня на белом, ровном снегу...

Летом здесь явно был сад, но не такой, как у нас в некрополе, с полудикими деревьями и лужайками на пологом склоне. Здесь в кратерах, расставленных на мозаичной мостовой, цвели розы, а вдоль стен, огораживавших двор, стояли скульптуры, изображавшие зверей, смотревших в сторону солнечных часов. Здесь были неуклюжие барилямбды; цари зверей арктотеры; глиптодоны; смилодоны с клыками-глефами... Все статуи припорошил снег. Я огляделся в поисках следов Трискеля, но обнаружил, что пес сюда не забегал.

В стенах, ограждавших двор, имелись узкие, высокие окна, но за ними не было видно ни света, ни движения. Над стенами со всех сторон высились островерхие башни – значит, я не вышел из Цитадели, а, наоборот, забрался в самое ее сердце, где никогда прежде не бывал.

Трясаясь от холода, я подошел к ближайшей двери и постучал. Было ясно, что в туннелях я могу бродить вечно, но так и не найду еще одного выхода наверх. В крайнем случае лучше разбить одно из окон, чем снова спускаться под землю...

Изнутри, сколько я ни стучал, не доносилось ни звука.

Пожалуй, ощущение того, что за тобой наблюдают, невозможно описать. Некоторые говорят, что при этом волосы на затылке встают дыбом либо кажется, будто где-то рядом палят в воздухе чьи-то глаза, но со мной так не бывало ни разу. Было что-то наподобие беспричинного смущения вкупе с чувством, что нельзя оглядываться назад, так как реагировать на призывы беспочвенных предчувствий – глупо... Но

оглянуться все же рано или поздно приходится, и я наконец оглянулся, испытывая смутное впечатление, будто кто-то вылез из дыры у основания солнечных часов следом за мной.

Однако вместо этого я увидел молодую женщину, закутанную в меха. Она стояла у двери на противоположной стороне двора. Я помахал рукой и поспешно (так как жутко замерз) зашагал к ней. Она тоже двинулась вперед, и мы встретились у дальнего края циферблата. Она спросила, кто я такой и что здесь делаю, и я объяснился, как мог. Лицо ее, обрамленное мехом капюшона, было прекрасно, а сам капюшон, и пальто, и подбитые мехом сапожки выглядели мягкими и теплыми, и потому я, говоря с ней, никак не мог забыть, что на мне – заплатанные штаны и рубаха, а ноги перепачканы илом.

Ее звали Валерией.

– У нас нет твоего пса, – сказала она, выслушав меня. – Можешь поискать, если не веришь.

– Нет, я ничего такого не думал. Я только хотел бы вернуться к себе, обратно в Башню Матачинов, не спускаясь снова под землю.

– Ты очень храбрый. Я помню эту дыру с детства, но забраться в нее не отваживалась никогда.

– Можно мне войти? – попросил я. – То есть туда, в дом.

Она отворила дверь, через которую вышла во двор, и ввела меня в комнату с обитыми тканью стенами и высокими старинными креслами, казалось стоявшими на своих местах

столь же незыблемо, как статуи в скованном морозом дворе. В камине пылали дрова. Мы подошли к камину, и Валерия начала снимать пальто, а я протянул к огню озябшие руки.

– Разве там, под землей, не было холодно?

– Теплее, чем снаружи. Кроме того, я бежал, да и ветра там не было.

– Понимаю. Как странно, что эти туннели ведут сюда, в Атриум Времени...

На вид она была младше меня, но из-за прекрасного платья старинного фасона и тени темных волос на лице временами казалась старше мастера Палемона, обитателя забытого прошлого.

– Как ты сказала? Атриум Времени? Наверное, это из-за солнечных часов.

– Нет, это часы поставили здесь из-за названия. Ты любишь древние языки? На них есть много красивых высказываний. Вот: *Lux dei vitae viam monstrat*. Это значит: «Луч Нового Солнца освещает путь жизни». Или: *Felicibus brevis, miseris hora longa* – «Люди ждут счастья долго». *Aspice ut aspiciar...*

Я смутился. Пришлось признаться, что я не знаю ни одного языка, кроме того, на котором мы говорим, – да и то не очень.

Прежде чем я ушел, мы проболтали целую стражу – и даже больше. Я узнал, что семья Валерии всегда жила в этих башнях: сначала ее родные ждали возможности покинуть

Урд вместе с автархом той эпохи, а после в их жизни просто не осталось ничего, кроме ожидания. Из ее рода происходили многие кастеляны Цитадели, но последний из них умер много поколений тому назад; семья обеднела, и башни их теперь лежали в руинах. Валерия ни разу не поднималась выше первого этажа.

– Некоторые из башен долговечнее прочих, – сказал я на это. – Вот Башня Ведьм – тоже вся прогнила изнутри...

– А разве такая действительно есть? Няня рассказывала о ней, когда я была маленькой, чтобы попугать, но я думала, это только сказки... И будто бы есть еще Башня Мук. Всякий, кто попадет в нее, умирает в страшных мучениях.

Я сказал, что последнее – уж наверняка сказки.

– Мне гораздо более сказочными кажутся дни величия наших башен, – ответила Валерия. – Теперь никто из нашей семьи не защищает Содружество с мечом в руке, и наших заложников нет в Кладезе Орхидей...

– Возможно, кого-нибудь из твоих сестер скоро призовут туда.

Мне почему-то не хотелось думать, что Валерия отправится в Кладезь Орхидей сама.

– Все мои сестры – это я сама, – ответила она. – И все братья – тоже.

Старый слуга принес нам чай и мелкое, твердое печенье. Чай – не настоящий, а мате с севера, каким мы из-за его дешевизны иногда поим клиентов.

– Видишь, – улыбнулась Валерия, – ты нашел здесь тепло и уют. Ты тревожишься о своей собаке, потому что она хрома. Но и пес мог где-нибудь найти гостеприимство! Если его полюбил ты, то может полюбить и кто-нибудь другой! А ты, если полюбил его, полюбишь и другого...

Я согласился, но про себя подумал, что никогда больше не заведу себе собаки, и это оказалось правдой.

После этого я не видел Трискеля почти неделю. А потом однажды нес в барбакан письмо, и он, хромая, подбежал ко мне. Выучился бегать без четвертой лапы, держа равновесие, как акробат, стоящий на руках на гладкой поверхности шара.

После этого, пока не стоял снег, я видел его раз или два в месяц. Я так и не узнал, кто кормил его и заботился о нем. Но вспоминать о том, что этот кто-то по весне забрал его с собой – быть может, на север, к палаточным городам и сражениям на горных перевалах, – почему-то приятно до сих пор.

V

Чистильщик картин и прочие

День святой Катарины для нашей гильдии – величайший из праздников. В этот день мы вспоминаем все, что унаследовали от прошлых времен, в этот день подмастерья становятся мастерами (если вообще становятся ими когда-либо), а ученики – подмастерьями. Описание церемониала я отложу до тех пор, пока не представится случай рассказать о моем собственном возвышении; в год же, о котором я пишу сейчас, в год схватки на краю могилы, до подмастерьев возвысились Дротт и Рох, а я стал капитаном учеников.

Вся тяжесть этой должности легла на меня только тогда, когда ритуал почти завершился. Я сидел в разрушенной часовне, наслаждаясь окружавшим меня великолепием, и вдруг, с тем же удовольствием, с каким воспринимал весь церемониал, понял, что по завершении праздника стану старшим над всеми учениками.

Однако постепенно мной овладевало беспокойство. Настроение испортилось прежде, чем я осознал это, а бремя ответственности согнуло еще до того, как я окончательно понял, что оно возложено на меня. Я вспомнил, как трудно было Дротту поддерживать среди нас порядок. Теперь на его месте – я сам, но без его силы и без помощника, сверстника-лейтенанта, каким для него был Рох...

Последние ноты финального гимна смолкли, мастер Гюрло с мастером Палемоном в шитых золотом масках величаво покинули часовню, и старшие подмастерья подняли на плечи Дротта с Рохом, новоиспеченных подмастерьев, уже путавшихся в висящих на поясах ташках с принадлежностями для фейерверка, который должны были устраивать снаружи. К этому времени я взял себя в руки и даже успел разработать предварительный план действий.

Мы, ученики, прислуживали за праздничными столами, и специально для этого нам перед празднеством выдавалась относительно новая и чистая одежда. Сразу после того, как разорвалась последняя шутиха, а Башня Величия (ежегодный жест доброй воли) сотрясла небо из самого крупного калибра, я согнал своих подчиненных – уже (хотя мне, может быть, просто показалось) поглядывавших на меня с затаенной злобой – в дормиторий, закрыл дверь и задвинул ее койкой.

После меня самым старшим был Эата, с которым я, к счастью, был дружен достаточно, чтобы он ничего не заподозрил, прежде чем сопротивляться станет слишком поздно. Взяв его за горло, я раз пять приложил его головой о переборку, а после подсечкой сбил с ног.

– Ну, – спросил я, – будешь моим помощником? Отвечай!

Говорить он не мог и поэтому утвердительно кивнул.

– Хорошо. Я беру Тимона, а ты – следующего по силе.

За время, достаточное для сотни довольно быстрых вдо-

хов-выдыхов, ученики были приведены в подчинение. Прошло три недели, прежде чем кто-то осмелился выказать неповиновение, да и после мне ни с какими массовыми бунтами – ни с чем серьезнее попыток увильнуть от работы – столкнуться не довелось.

Капитанская должность подразумевала не только новые функции, но и личную свободу, какой я не пользовался никогда прежде. Именно я следил за тем, чтобы дежурным подмастерьям доставляли еду горячей, и командовал мальчишками, пыхтевшими под штабелями подносов, предназначенных для клиентов. Именно я расставлял своих подчиненных по местам в кухне и помогал им лучше усваивать уроки в классной комнате. Порой меня даже привлекали к гильдейским делам и посылали с письмами в отдаленные части Цитадели. Таким образом, я вскоре познакомился со всеми ее главными артериями и побывал во многих редко посещаемых местах – в зернохранилище с полными закромами и демоническими кошками; на выметенных ветром зубчатых стенах, возвышающихся над грязными, гнилыми трущобами; в огромном зале пинакотеки со сводчатым потолком, устланном коврами каменным полом и арками, ведущими в анфилады комнат, как и сам зал, увешанных бесчисленным множеством картин.

Многие из этих картин так потемнели от времени и копоти светильников, что я ничего не мог разобрать. Значе-

ние некоторых других было просто непонятно – кружащийся в танце человек, к плечам которого будто бы присосались длинные пиявки; женщина, безмолвно склонившаяся над посмертной маской, сжимая в руке кинжал с двумя лезвиями... Однажды, отшагав около лиги среди этих загадочных картин, я увидел старика, пристроившегося на верхней перекладине высокой стремянки. Хотел было спросить дорогу, но старик так увлекся работой, что я не решился беспокоить его.

На картине, которую он очищал от копоти, был изображен человек в доспехах на фоне пустынной земли, безоружный, сжимающий в руках древко странного, будто застывшего в воздухе знамени. В золотом забрале его шлема, глухом, без каких-либо прорезей для обзора или вентиляции, отражалось смертоносное солнце пустыни, а более ничего.

Этот воин из мертвого мира произвел на меня глубочайшее впечатление, хоть я и не мог бы сказать, что именно чувствовал, глядя на него. Отчего-то захотелось снять картину со стены и унести – нет, не в некрополь, но в один из тех горных лесов, образ коих, поэтизированный и извращенный (это я понимал уже в те времена), был в нем воплощен. Такому полотну следовало стоять среди деревьев, на мягкой, зеленой траве...

– ...и все они сбежали, – сказал кто-то за моей спиной. – Добился своего этот Водал.

– А ты что здесь делаешь?! – зарычал другой голос.

Обернувшись, я увидел двоих армигеров, весьма — насколько хватило смелости — похожих одеждой на экзультантов.

— У меня дело к архивариусу, — ответил я, выставив напоказ конверт.

— Хорошо, — сказал армигер, первым заговоривший со мной. — Тебе известно, где расположены архивы?

— Я как раз собирался спросить, сьер.

— Если так, ты для доставки письма гонец неподходящий. Дай его сюда; я перешлю с пажом.

— Невозможно, сьер. У меня приказ.

— Оставь, Рашо, — вмешался другой армигер. — Не будь так строг к молодому человеку.

— Ты ведь не знаешь, кто он таков, верно?

— А ты знаешь?

Армигер по имени Рашо кивнул.

— Скажи-ка, гонец, откуда ты послан?

— Из Башни Матачинов. От мастера Гюрло к архивариусу.

Лицо другого армигера окаменело.

— Значит, ты — палач.

— Пока — всего лишь ученик, сьер.

— Тогда понятно, отчего моему другу хочется, чтобы ты убрался с глаз долой. Ступай по галерее и сверни в третью дверь направо. Пройдешь сотню шагов, поднимешься по лестнице на следующий этаж, а там иди к югу, до двустворчатой двери в конце коридора.

– Спасибо.

Я сделал было шаг в указанном направлении.

– Подожди. Если пойдешь сейчас, мы будем обязаны сопровождать тебя.

– Ну нет уж, – сказал Рашо. – Мне такого счастья не требуется.

Остановившись и опершись на перекладину стремянки, я подождал, пока они свернут за угол.

Точно один из тех бесплотных покровителей, что порой обращаются к нам во сне с облаков, старик заговорил:

– Значит, палач? Не бывал, не бывал у вас...

Из-за подслеповатых, близоруких глаз он здорово напоминал черепаху из тех, что мы порой ловили на отмелях Гьелля – тем более что нос с подбородком тоже подходили как нельзя лучше.

– Желаю не попадать к нам и впредь, – вежливо ответил я.

– Теперь-то уже бояться нечего. Что вы можете сделать с таким стариком? Сердчишко остановится вмиг! – Бросив губку в ведро, он беззвучно прищелкнул пальцами. – Однако я знаю, где это. Где-то за Башней Ведьм, верно?

– Да, – подтвердил я, слегка удивившись тому, что ведьм знают лучше, чем нас.

– Так я и думал. Хотя о вас обычно не говорят. Ты зол на этих двоих армигеров, и я тебя понимаю. Но и ты должен их понять: они совсем как экзультанты, только все же не экзультанты. Боятся смерти, боятся боли, всего-то они боят-

ся... Нелегкая у них жизнь.

– Так пусть покончат с ней, – сказал я. – Водал им охотно поможет. Они – всего лишь пережиток давно ушедших эпох. Какая от них теперь польза миру?

Старик склонил голову набок.

– Вот как? А какая польза для мира была от них прежде? Ты можешь сказать?

Я сознался, что не могу. Тогда он слез со стремянки вниз. Длинные – не меньше моей ноги – руки, скрюченные пальцы, бугрящиеся синеватыми венами, и морщинистая шея делали его очень похожим на состарившуюся обезьяну.

– Я – Рудезинд, смотритель музея. Похоже, ты знаком со старым Ультаном, верно? Хотя нет, конечно же, нет; тогда бы ты знал дорогу в библиотеку...

– Я никогда прежде в этой части Цитадели не бывал.

– Никогда? Но ведь это лучшая ее часть – живопись, музыка, книги... У нас есть Фехин – три девушки, убирающие цветами четвертую, и цветы – прямо-таки живые, даже ждешь, что из какого-нибудь вот-вот выберется пчела... Есть у нас и Квартильоса. Он теперь непопулярен, иначе бы его здесь не было. Однако он – с самого дня своего рождения – был рисовальщиком куда лучшим, чем те мазилки и пачкуны, по которым сходит с ума нынешняя публика. Здесь, понимаешь ли, собрано все то, от чего отказалась Обитель Абсолюта. Это означает всех стариков, а они-то в большинстве своем и есть лучшие. Прибывают к нам, грязнящие от дол-

того висения на стенах, а я чищу их. Порой чищу и по второму разу – уже после того, как повисят здесь некоторое время. Подумать только – подлинный Фехин!.. Или взять хоть эту. Нравится она тебе?

Признание, похоже, не сулило недоброго.

– Ее я чищу в *третий* раз. Когда она поступила, я был учеником старого Бранвалладера, он обучал меня чистке полотен. И начал вот с этого, сказав, что оно все равно ничего не стоит. Начал вот с этого уголка, вычистил кусочек размером в твою ладонь и отдал мне, а уж я чистил дальше. Второй раз мне довелось чистить его еще при жизни жены, сразу после рождения второй нашей дочки. Картина тогда еще не так уж закоптилась – просто одолели меня тяжелые мысли, хотелось чем-нибудь заняться... А вот сегодня взялся чистить ее снова. Она в этом нуждается – видишь, насколько ярче здесь краски? Ваша голубая Урд снова видна над его плечом, свеженькая, точно рыбка для Автарха...

Все это время в моей голове эхом отдавалось имя Водала. Я был уверен, что старик спустился со стремянки только потому, что я упомянул о нем. Хотелось расспросить старика о Водале, но я никак не мог найти зацепки для поворота беседы в нужное русло. Когда молчание слегка затянулось, я, боясь, что старик снова взберется наверх и продолжит чистку, смог только спросить:

– А это луна? Мне говорили, она плодороднее...

– Теперь-то да. А эта картина была написана до того, как

там устроили ирригацию. Видишь коричневато-серый оттенок? Именно такой была луна в то время. Не зеленой, как сейчас. И не такой большой, потому что до нее было дальше – так говаривал старик Бранвалладер. А теперь на ней деревьев хватит, чтобы, как говорится, спрятать самого Ниламмона.

Этой возможности я не упустил.

– Или Водала.

Рудезинд кашлянул.

– Верно, или его... Ваши-то небось руки потирают, поджидая его? Уже и что-нибудь особенное для него изобрели?

Если у гильдии и имелись особые процедуры для определенных лиц, мне о таковых ничего не было известно, однако я постарался скроить многозначительную мину и ответил:

– Мы подумаем.

– Уж вы-то придумаете, это верно. Хотя совсем недавно я считал, что ты – за него... В любом случае, если он спрятался в Лунных Лесах, придется тебе малость повременить... – С явным удовольствием окинув взглядом картину, Рудезинд снова повернулся ко мне. – Я и позабыл – ты же хотел видеть нашего мастера Ультана. Стало быть, пройди обратно под ту арку, откуда пришел...

– Я знаю дорогу, – сказал я. – Тот армигер указал...

Старый смотритель отмел эти объяснения единственным горьким вздохом.

– Если пойдешь, как он объяснил, попадешь только в Чи-

тальный Зал. Оттуда ты будешь добираться до Ультана целую стражу, если вообще доберешься. Ступай обратно, до самого конца вон того зала. Там спустишься по лестнице и увидишь дверь. Дверь заперта – стучи, пока кто-нибудь не откроет. Это будет нижний ярус книгохранилища; Ультанов кабинет – там.

Запертая дверь не очень-то пришлась мне по вкусу, но старик не спускал с меня глаз, и мне пришлось последовать его совету. Спускаясь по лестнице, я подумал, что, может быть, приближаюсь к тем самым подземельям, где заблудился в поисках Трискеля.

В целом я чувствовал себя далеко не так уверенно, как в знакомых частях Цитадели. Я уже знал, что приезжих до глубины души поражает ее величина, и все же Цитадель – лишь малая часть раскинувшегося вокруг города, а когда мы, выросшие за ее серыми каменными стенами и заучившие около сотни ориентиров, необходимых, чтобы не заплутать, оказываемся в незнакомом месте, все эти знания только сбивают с толку.

Так и случилось со мной, стоило лишь ступить под арку, указанную стариком. Арка, как и все остальные, была сложена из матово-красного кирпича, но опиралась на две колонны, капители которых изображали лица спящих. Их безмолвные уста и бледные сомкнутые веки показались мне куда ужаснее масок боли, нарисованных на металлических стенах нашей башни.

На каждой картине в этом зале присутствовала книга. Иногда книг было много или они сразу бросались в глаза; некоторые картины приходилось долго разглядывать, чтобы заметить уголок переплета, выглядывающий из кармана женской юбки, или что на странно выписанный клубок вместо нити намотаны слова.

Ступени лестницы оказались крутыми и узкими. Перил не было вовсе. Уходя вниз, лестница закручивалась винтом, поэтому свет из зала перестал освещать мне путь уже шагов через тридцать. Чтобы не разбить голову, наткнувшись на дверь, пришлось выставить вперед руки и идти ощупью.

Вот только пальцы мои все никак не находили двери. Лестница просто внезапно кончилась, причем, ступив на несуществующую ступеньку, я едва не упал. Оставалось лишь пробираться вперед по неровному полу и в абсолютной темноте.

– Кто здесь? – окликнули меня.

Голос звучал странно – словно кто-то ударил в колокол, висящий под сводом пещеры.

VI

Мастер Архивариус

– Кто здесь? – эхом раскатилось во тьме.

– Я прислан с известием, – ответил я, стараясь не выказать страха.

– Что ж, я тебя слушаю.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и я смог различить очень большую темную фигуру, движущуюся ко мне.

– Это письмо, сьер, – объяснил я. – Вы – мастер Ультан, архивариус?

– Никто иной.

Он остановился передо мной. То, что я поначалу принял за какую-то светлую деталь одежды, оказалось седой бородой, доходившей ему до пояса. Вдобавок, хоть я уже сравнивался ростом со многими из тех, кого считают взрослыми мужчинами, мастер Ультан был на целых полторы головы выше меня – настоящий экзультант!

– Тогда примите письмо, сьер, – сказал я, протягивая конверт.

Но он не взял письма.

– Чей ты ученик?

В его голосе вновь зазвучала колокольная бронза. Мне вдруг почудилось, будто мы оба мертвы, тьма вокруг – кладбищенская земля, залепившая наши глаза, а колокол призы-

вает нас в некий подземный храм. На светлом фоне бороды архивариуса будто бы появилось посиневшее лицо женщины, которую при мне вытаскивали из могилы...

– Чей ты ученик? – снова спросил архивариус.

– Ничей. То есть я – ученик гильдии, сьер. Письмо – от мастера Гюрло, а обучает нас большей частью мастер Палемон.

– И явно не грамматике...

Рука его медленно потянулась к конверту.

– Отчего ж, и грамматике тоже. – Я вдруг почувствовал себя совсем маленьким – этот человек был стариком уже тогда, когда я родился. – Мастер Палемон говорит, что мы должны уметь писать, читать и считать, потому что в свое время станем мастерами, и тогда нам придется вести переписку с канцеляриями судов, вести учет...

– И посылать к другим мастерам учеников с письмами наподобие этого, – перебил меня архивариус.

– Да, сьер. Совершенно верно.

– Что же в нем написано?

– Не могу знать, сьер. Письмо запечатано.

– Если я распечатаю письмо... – Послышался негромкий треск крошащегося воска. – Ты сможешь прочесть его мне?

– Но здесь темно, сьер, – неуверенно сказал я.

– Тогда придется звать Киби. Извини... – Во мраке я едва мог разглядеть, как он, отвернувшись, приставил к губам сложенные раструбом ладони.

– Ки-би! *Ки-би!!!*

На этот раз голос архивариуса грохотал так, точно я оказался внутри колокола после того, как звонарь раскачал тяжелый язык.

Откуда-то издали донесся ответный крик. Некоторое время мы стояли молча.

Наконец в узком проходе меж двух (как мне тогда показалось) грубо отесанных каменных стен блеснул свет. К нам приближался плотно сбитый человек лет сорока, с плоским бледным лицом и неестественно прямой осанкой. В руках он держал пятилапый подсвечник.

– Наконец-то, Киби, – проворчал архивариус. – Ты принес свет?

– Да, мастер. Кто это?

– Гонец с письмом. А это – мой ученик, Киби, – церемонно сказал мастер Ультан. – Кураторы также объединены в гильдию, к которой принадлежат и архивариусы. Я здесь единственный мастер-архивариус, а, согласно нашим обычаям, у каждого ученика есть наставник из старших членов гильдии. Последнее время при мне состоит Киби.

Я сказал Киби, что считаю честью знакомство с ним, и – немного застенчиво – спросил, какой праздник гильдия кураторов считает своим. Подразумевалось, что Киби, без сомнения, видел великое множество этих празднеств, однако так и не был возвышен до подмастерья.

– В этом году он уже прошел, – ответил мастер Ультан.

Говоря, он повернулся ко мне, и в свете свечей я увидел его прозрачные, водянистые глаза. – Ранней весной... Это прекрасный день. Именно в эту пору на деревьях обычно распускается новая листва...

На Большом Дворе не было ни единого дерева, но я кивнул – и тут же, сообразив, что он не видит меня, сказал:

– Да. И теплый весенний бриз...

– Совершенно верно. Ты пришелся мне по сердцу, юноша... – Рука куратора легла на мое плечо – я не мог не заметить, что его пальцы темны от пыли. – Вот и Киби – еще один юноша, пришедшийся мне по сердцу... После меня он станет здесь главным библиотекарем. Знаешь, мы, кураторы, устраиваем шествие – по улице Иубар. Он шел рядом со мной, оба мы были одеты в серое... Кстати, каков цвет твоей гильдии?

– Цвет сажи, – ответил я. – Тот, что чернее черного.

– По обеим сторонам улицы Иубар и на эспланадах высятся тенистые деревья – дубы, сикоморы, каменные клены, утиные лапы... Говорят, это древнейшие деревья Урд. Лавочники выходят на порог посмотреть на мудрых кураторов, и, конечно же, книготорговцы с антикварами приветствуют нас тоже. Наверное, мы в своем роде одна из весенних примет Несса.

– Наверное, все это очень впечатляюще, – заметил я.

– В самом деле, в самом деле. И собор, к которому направляется наша процессия, тоже прекрасен. Частоколы свечей, сверкающих, словно отражение ночного солнца в глади мор-

ской, шандалы из синего стекла, символизирующего Коготь, и мы, озаренные этим великолепием, свершаем ежегодный церемониал перед главным престолом... Скажи, ваша гильдия тоже устраивает шествие к собору?

Я объяснил, что мы пользуемся часовней в Цитадели, и вслух удивился тому, что библиотекари с прочими кураторами покидают ее стены.

– По праву положения, видишь ли. Подобно самой библиотеке – верно, Киби?

– Воистину так, мастер.

Лоб Киби был высок и угловат; седеющие волосы заметно отступали к затылку, отчего лицо его казалось совсем маленьким и чуточку младенческим. Понятно, почему Ультану, наверняка время от времени проводящему пальцами по его лицу, как мастер Палемон, по моему, он до сих пор кажется мальчишкой...

– Значит, вы поддерживаете тесную связь со своими городскими коллегами, – сказал я. Старик огладил бороду.

– Теснейшую, так как мы и есть они. Эта библиотека является и городской библиотекой, и, кстати, библиотекой Обители Абсолюта. И заодно многими другими...

– Выходит, всему этому городскому сброду разрешено приходить в Цитадель и пользоваться вашей библиотекой?!

– Нет, – отвечал Ультан. – Просто сама библиотека простирается за стены Цитадели. И, думаю, не она одна. Дело в том, что содержимое нашей крепости гораздо обширнее,

чем она может вместить.

С этими словами он взял меня за плечо и повел вдоль одного из длинных, узких проходов меж уходящих вверх полок с книгами. Кибби последовал за нами, подняв подсвечник повыше – наверное, не столько ради меня, сколько для собственного удобства, однако и я мог видеть достаточно хорошо, чтобы не наткнуться на стеллажи из потемневшего от времени дуба.

– Глаза еще не подводят тебя, – сказал мастер Ультан через некоторое время. – Видишь ли ты что-нибудь впереди, в проходе?

– Нет, сьер.

Я и в самом деле не видел впереди ничего. Колеблющееся пламя свечей выхватывало из темноты лишь бесчисленные шеренги книг – от пола до потолка. Кое-какие полки были разорены, другие – набиты до отказа; раз или два я замечал присутствие крыс, угнездившихся на полках, устроивших себе из книг жилища в два и даже три этажа и собственным пометом изобразивших на обложках буквы своего грубого языка.

Книги были повсюду – ряды корешков из пергамента, сафьяна, холста, бумаги и сотни прочих, неизвестных мне материалов. Одни сверкали золотыми обрезами, на других просто чернели буквы печатного шрифта, а некоторые были снабжены бумажными ярлыками, пожелтевшими от времени, точно засохшие листья.

– Несть конца из чернильницы начатому, – пояснил мастер Ультан. – По крайней мере, так сказал один мудрец. Он жил очень давно – что он сказал бы, увидев нас сейчас? Другой же утверждал, что за возможность перерыть хорошую библиотеку не жаль и жизни. Хотел бы я посмотреть на человека, способного «перерыть» нашу – хотя бы один тематический раздел!

– Я разглядываю переплеты, – сказал я, чувствуя себя крайне глупо.

– Как повезло тебе! Хотя я рад. Я больше не могу видеть их, но хорошо помню наслаждение, с которым смотрел на них когда-то. Это было сразу после того, как я стал мастером-архивариусом. Мне было тогда около пятидесяти... Видишь, сколь долго длилось мое ученичество!

– Неужели, сьер?

– Да-да! Моим наставником был мастер Гербольд, и многие десятки лет мне казалось, что он не умрет никогда. Год за годом, год за годом, и все это время я читал. Пожалуй, немногим удалось прочесть столько! Начал я, как все юноши, с книг, доставлявших удовольствие. Со временем выяснилось, что большую часть моего времени отнимают поиски таковых. Тогда я разработал для себя план и в соответствии с ним принялся проследить развитие абстрактных наук – от начала знания до настоящего времени. В конце концов я исчерпал даже это и принялся за огромный эбеновый шкаф, стоящий посреди зала, который триста лет собирали к воз-

вращению автарха Сульпиция... и который, как следствие, так и не дождался посетителей. Я прочел собранное там от начала до конца за пятнадцать лет. Успевал закончить по две книги в день!

– Поразительно, сэр! – пробормотал за моей спиной Кибби, явно слышавший эту историю далеко не в первый раз.

– А потом нежданно-негаданно, как снег на голову, умер мастер Гербольд. Тридцатью годами раньше я в силу природной склонности, образования, опыта, молодости, семейных связей и личных амбиций был бы идеальным кандидатом на его место. Когда же я и в самом деле занял сей пост, нельзя было найти никого менее для него подходящего! Я ждал так долго, что не знал ничего, кроме ожидания, и тяжкий груз никчемных фактов задушил мой разум. Но я заставил себя принять назначение и провел невероятное количество времени, вспоминая планы и максимы, разработанные мной к вступлению в эту должность много лет назад...

Умолкнув, он вновь углубился в себя. Сознание старика показалось мне еще более темным и обширным, чем хранимая им библиотека.

– Но старая привычка к чтению по-прежнему не давала мне покоя. Я проводил за книгами дни и даже недели, вместо того чтобы управлять тем, что возглавил. А затем – внезапно, словно бой часов – ко мне, оттеснив старую, пришла новая страсть. Ты уже догадываешься, о чем я говорю?

Я сознался, что нет.

– Я читал – или, по крайней мере, полагал, будто читаю – сидя у того стрельчатого окна на сорок девятом этаже, что выходит на... Надо же, забыл. Кибби, куда выходит это окно?

– В сад обойщиков, сьер.

– Да, припоминаю: такой маленький, зеленый садик – по моему, они сушат там розмарин, которым набивают подушки мебели... Словом, я просидел у этого окна несколько страж и вдруг обнаружил, что вовсе не читаю. Некоторое время я просто не мог понять, что делал до этого. Пытаясь облечь это в слова, я вспоминал лишь определенные запахи, ощущения и цвета, не имевшие, казалось бы, никакого отношения к обсуждавшимся в моей книге вопросам. Наконец я осознал, что не читал книгу – я наблюдал ее, как обычный физический объект. Воспоминания о красном шли от красной ленты, пришитой к корешку для того, чтобы закладывать нужную страницу. Шероховатость, ощущаемая пальцами, – от шероховатой бумаги, на которой был напечатан том. А запах был запахом старой кожи вкупе с почти выветрившимся ароматом переплетного клея. Вот тогда-то я, впервые увидев книгу саму по себе, понял, *что* есть забота о книге.

Рука его сильнее сжала мое плечо.

– У нас здесь имеются книги, переплетенные в кожу ехидн, кракенов и животных, вымерших так давно, что следы их существования дошли до ученых нашего времени лишь в виде окаменелостей. Есть книги в переплетах из совершенно неизвестных нам металлических сплавов и книги,

переплеты которых сплошь усыпаны драгоценными камнями. Есть книги в футлярах из ароматической древесины, попавшей к нам сквозь неизмеримые пространства, разделяющие миры, – и книги эти драгоценны вдвойне, ибо никто на всей Урд не может прочесть их.

– У нас есть книги, отпечатанные на бумаге, изготовленной из растений, выделяющих необычные алкалоиды, отчего читателем, переворачивающим страницы, вдруг овладевают причудливые фантазии и видения. Есть книги, отпечатанные не на бумаге, но на тончайших пластинах белого нефрита, слоновой кости и перламутра или же на листьях неизвестных растений. Есть и книги, с виду на книги не похожие вовсе, – свитки, таблички и прочие записи на сотнях всевозможных материалов. Здесь есть – хотя я уже не вспомню, где именно он лежит, – хрустальный куб размером с твой ноготь, содержащий книг больше, чем собрано во всей библиотеке. Как-нибудь шлюха могла бы украсить им ухо, как серьгой, – но во всем мире не достало бы томов, чтобы адекватно украсить другое! И вот, осознав все это, я посвятил жизнь заботе о книгах.

– Семь лет занимался я этим, и тут, стоило нам решить явные и косвенные проблемы, связанные с хранением, и вплотную подойти к началу первой со времен основания библиотеки генеральной ревизии фондов, глаза мои истаяли, точно свеча. Тот, кто вверил моему попечению все эти книги, ослепил меня, чтобы я понимал, кто печется о самих попе-

читателях...

– Если вы не можете прочесть письма, сьер, – сказал я, – я буду рад прочесть его вам вслух.

– Верно, – пробормотал мастер Ультан, – я и забыл... Киби прочтет – он хорошо читает. Возьми, Киби.

Я вызвался держать канделябр, а Киби развернул хрустящий пергамент, торжественно, точно воззвание, поднял его и начал читать для нас троих, стоявших в крохотном круге света среди огромного скопища книг:

– «От Гюрло, мастера Ордена Взыскующих Истины и Покаяния...»

– Что? – удивился мастер Ультан. – Так ты – палач, юноша?

Я ответил, что да. Воцарилась тишина, затянувшаяся настолько, что Киби принялся было читать снова:

– «От Гюрло, мастера Ордена Взыскующих...»

– Подожди, – велел мастер Ультан.

Киби снова умолк, а я продолжал стоять с канделябром в руках и чувствовал, как к щекам моим приливает кровь. Наконец мастер Ультан заговорил, и голос его звучал так же ровно и обыденно, как в тот раз, когда он сообщил мне, что Киби хорошо читает.

– Не припоминаю, чтобы я имел какое-либо отношение к вашей гильдии. Впрочем... Ты, безусловно, знаком с нашим методом пополнения рядов?

Я признался, что незнаком.

– В каждой библиотеке, согласно древним заповедям, имеется особый зал для детей. В нем собраны книги с яркими картинками, какие нравятся детям, и некоторые простенькие повествования о чудесах и приключениях. Дети посещают эти залы во множестве, но ни для кого не представляют интереса, пока не выходят за их пределы.

Тут он запнулся, и, хоть лицо его не выражало ничего особенного, у меня создалось впечатление, будто он опасается, как бы не причинить боли Киби.

– Однако порой библиотекари замечают ребенка, все еще в нежном возрасте, который мало-помалу выбирается за пределы детского зала и вскоре забрасывает его совсем. Такое дитя в конце концов обнаруживает на одной низкой, но неприметной полке «Золотую Книгу». Ты никогда не видел этой книги и уже не увидишь, так как вышел из возраста, коему она соответствует.

– Прекрасная, должно быть, книга, – заметил я.

– Воистину так. Если меня не подводит память, переплет ее – из черного клееного холста, должным образом поблекшего на сгибах. Несколько тетрадок вываливаются из блока, несколько гравюр вырвано, но это удивительно красивая книга. Ах, если б я мог найти ее снова... хотя теперь книги для меня закрыты.

Одним словом, этот ребенок в свою пору находит «Золотую Книгу». Тогда являются библиотекари – точно вампиры, по словам одних, или же, по мнению прочих, словно добрые

крестные. Они заговаривают с ребенком, и тот присоединяется к ним. С этих пор он – в библиотеке, где бы ни находился, и вскоре родители больше не узнают его... Я полагаю, примерно так же заведено и у вас, палачей?

– Мы, – объяснил я, – берем на воспитание детей из тех, что попадают в наши руки еще совсем маленькими.

– Мы делаем то же, – пробормотал Ультан, – и потому вряд ли имеем право осуждать вас... Читай, Киби.

– «От Гюрло, мастера Ордена Взыскующих Истины и Покаяния – Архивариусу Цитадели. Приветствую тебя, брат! Волею суда на нашем попечении состоит персона возвышенного положения, именуемая шатленой Теклой; его же волею заключение означенной персоны должно быть комфортабельным настолько, насколько это не выходит за рамки здравого смысла и благоразумия. Дабы могла она коротать время до завершения своего пребывания у нас – или же, как мне было указано передать, пока сердце Автарха, чья снисходительность не знает ни стен, ни глубин моря, не смиляется над ней, – просит она, чтобы ты, согласно должности своей, снабдил ее определенными книгами, а именно...»

– Названия можешь пропустить, – перебил его мастер Ультан. – Сколько их, Киби?

– Четыре, сьер.

– Значит, никаких препятствий... Продолжай.

– «...за что мы были бы тебе весьма обязаны». Подписано: «Гюрло, мастер Ордена Взыскующих Истины и Покаяния, в

просторечии именуемого Гильдией Палачей».

– Известны ли тебе книги, перечисленные мастером Гурло, Кибби?

– Три из них, сьер.

– Очень хорошо. Найди и принеси. А четвертая?

– «Книга чудес Урд и Неба», сьер.

– Все лучше и лучше – экземпляр имеется меньше чем в двух чейнах отсюда. Найдя остальные тома, ты можешь встретить нас у двери, через которую этот юноша – боюсь, мы уже слишком долго его задерживаем – вошел в хранилище.

Я хотел было вернуть Кибби подсвечник, но он показал жестом, чтобы я оставил его себе, и удалился рысцой по узкому проходу меж книжных полок. Ультан, ступая уверенно, точно зрячий, направился в противоположную сторону.

– Я хорошо помню ее, – сказал он. – Переплет коричневой дубленой кожи, золотой обрез, раскрашенные вручную гравюры Гвинока; стоит на третьей снизу полке, прислоненная к фолио в переплете из зеленой ткани – по-моему, это «Жизнь Семнадцати Мегатерианов» Блайтмака.

Больше частью для того, чтобы показать, что я не отстал (хотя его острый слух, несомненно, улавливал мои шаги позади), я спросил:

– А про что она, сьер? Я хочу сказать – книга об Урд и Небе.

– Ну и ну! Ты задаешь такой вопрос не кому иному, как

библиотекарю? Наша забота, юноша, есть сами книги, а не их содержание.

Судя по тону, он посмеивался надо мной.

– Я думал, вы, сэр, знаете содержание всех этих книг...

– Навряд ли. Но «Чудеса Урд и Неба» – стандартная работа трех-четырёхсотлетней давности. Сборник общеизвестных древних легенд. Из них, на мой взгляд, наиболее интересна легенда об Историках, повествующая о временах, когда любая легенда могла быть прослежена до полузабытого факта, ее породившего. Я полагаю, ты сам видишь парадокс. Существовала ли в те времена и эта легенда? Если нет, как она могла возникнуть?

– А про каких-нибудь гигантских змеев или крылатых женщин там нет, сэр?

– О да, – ответил мастер Ультан. – Но не в легенде об Историках... – Он наклонился, тут же выпрямился и триумфально показал мне небольшую книгу в растрескавшемся кожаном переплете. – Взгляни-ка, юноша. Посмотрим, не ошибся ли я.

Пришлось поставить канделябр на пол и присесть возле него. Книга в моих руках была такой старой и заплесневелой, словно за последние сто лет ее ни разу не раскрывали, но название на титульном листе подтверждало правоту старика. Подзаголовок же гласил: «Почерпнуто из печатных источников эпохи столь давней, что суть их навеки скрыта от нас во мраке времен».

– Итак, – спросил мастер Ультан, – не ошибся ли я?

Раскрыв книгу наугад, я прочел: «...при помощи каких-то изображений могло быть выгравировано столь искусно, что все оно, будучи уничтожено, могло быть воссоздано заново из малого кусочка, каковой мог быть любой частью одного изображения».

Наверное, именно эти повторяющиеся «могло» вдруг живо напомнили мне ту ночь, когда я получил свой хризос, и схватку у вскрытой могилы.

– Феноменально, мастер! – ответил я.

– Вовсе нет. Но ошибаюсь я редко.

– Наверное, кому, как не тебе, простить меня за то, что я замешкался с ответом, чтобы прочесть несколько строк... Мастер, ты, конечно, знаешь о пожирателях трупов. Я слышал, будто они, поедая плоть мертвецов вкупе с определенным снадобьем, обретают способность прожить заново жизнь своих жертв.

– Излишек сведений о практиках такого рода не доведет до добра, – пробормотал архивариус. – Хотя, если проникнуть в сознание историков наподобие Ломана или Гермы...

За долгие годы слепоты он, должно быть, забыл, сколь очевидно лицо может выражать наши сокровеннейшие чувства. Его лицо так исказилось в гримасе мучительного вожделения, что я – из соображений благопристойности – отвернулся. Но голос мастера оставался ровным и безмятежным, точно размеренный колокольный звон:

– Да, исходя из того, что мне однажды довелось прочесть, ты прав. Хотя не припоминаю, чтобы в книге, которую ты держишь в руках, что-либо говорилось об этом.

– Мастер, – заговорил я, – даю слово, что и в мыслях не имел подозревать тебя в подобных вещах... но скажи. допустим, могилу вскрывают двое, одному достанется правая рука мертвеца, другому – левая. Выходит, тот, кто съест правую руку, получит только половину жизни покойника, а остальное достанется съевшему левую? И если так, что достанется тому, кто придет третьим и возьмет себе ногу?

– Как жаль, что ты – палач, – заметил мастер Ультан. – Ты мог бы стать философом... Нет, насколько я понимаю в этих злодеяниях, каждому из троих достанется целая жизнь.

– Значит, вся жизнь человека, целиком, заключена и в правой руке, и в левой. Быть может, и в каждом пальце?

– По-моему, чтобы добиться эффекта, каждый из участников должен съесть не менее пригоршни. Но – по крайней мере в теории – ты прав. Вся жизнь – в каждом пальце.

Мы уже возвращались туда, откуда пришли. Проход был слишком узок, чтобы разминуться двоим, поэтому теперь я шел впереди с канделябром, и кто-нибудь, увидев нас со стороны, наверняка решил бы, что я освещаю старику путь.

– Мастер, – спросил я, – но как же это может быть? В силу того же аргумента жизнь должна содержаться и в каждой фаланге каждого пальца, а уж это-то никак невозможно.

– А сколь велика человеческая жизнь?

– Не могу сказать. Но разве она не больше, чем...

– Ты отсчитываешь жизнь сначала, у тебя еще многое впереди. Я же веду ей счет до конца, который наступит вскоре. Наверное, поэтому и те извращенные твари, что пожирают трупы, ищут ее продления. Позволь спросить: известно ли тебе, что сын зачастую разительно похож на своего отца?

– Да, так говорят. И я верю в это.

В голову помимо воли пришла мысль: похож ли я на своих родителей, о которых так никогда ничего и не узнаю?

– Тогда ты, безусловно, согласишься и с тем, что каждый сын может быть похожим на своего отца, и потому одно и то же лицо может воплотиться во многих поколениях. Таким образом, если сын похож на отца, а его сын похож на своего отца, а сын этого сына – на своего, то можно утверждать, что представитель четвертого поколения будет похожим на своего прадеда.

– Да, – согласился я.

– Однако же семя всех четверых заключено всего лишь в драхме клейкой жидкости. В самом деле, откуда же они взялись, если не из этого семени?

Не зная, что на это ответить, я промолчал. Вскоре мы добрались до двери, сквозь которую я вошел в нижний ярус хранилища. Здесь нас ждал Кибби с остальными книгами, значившимися в письме мастера Гюрло. Я забрал у него книги, поклонился на прощание мастеру Ультану и с превеликой радостью покинул затхлое хранилище. Впоследствии

мне еще несколько раз доводилось бывать в верхних ярусах библиотеки, но никогда больше не попадал я в этот огромный склеп. Даже желания вернуться туда снова ни разу не возникало.

Один из трех принесенных Кибби томов превосходил размерами столешницу небольшого столика – кубит в ширину и почти эль в длину. Судя по гербу, вытисненному на сафьяновом переплете, это была история какого-то древнего и знатного рода. Остальные были гораздо меньше. Зеленая книжница – вряд ли больше моей ладони и не толще среднего пальца – оказалась собранием историй о праведниках, с множеством эмалевых изображений аскетических пантократоров и ипостасей в сверкающих ризах, с черными нимбами над головами. Я остановился на время в маленьком заброшенном садике с чашей фонтана, залитой ярким зимним солнцем, чтобы посмотреть.

Но прежде чем раскрыть одну из оставшихся книг, я почувствовал давление времени – возможно, главный признак того, что детство оставлено позади. Я уже затратил самое меньшее две стражи на выполнение простого поручения, и скоро должно было стемнеть. Подхватив книги поудобнее, я, хоть еще и не знал этого, поспешил навстречу своей судьбе в лице шатлены Теклы.

VII

Изменница

Вернувшись в Башню Матачинов, я принялся разносить еду подмастерьям, дежурившим в подземных темницах. На первом ярусе дежурил Дротт; его я навестил последним, потому что хотел поговорить с ним, прежде чем вернуться наверх. Голова моя все еще кружилась от мыслей, навеянных визитом к архивариусу, и мне хотелось рассказать о них Дротту.

Но Дротта нигде не было видно. Поставив поднос вместе с четырьмя книгами на столик, я окликнул его и тут же услышал ответ из камеры неподалеку. Подбежав к ее двери, я заглянул в зарешеченное оконце на уровне глаз. Дротт был внутри – он склонился над расprostертой на койке клиенткой, изнуренной женщиной средних лет. Пол камеры был забрызган кровью.

– Севериан, ты? – спросил, не оборачиваясь, Дротт.

– Я. Принес твой ужин и книги для шатлены Теклы. Тебе нужна помощь?

– Нет, все в порядке. Сорвала повязки, чтобы умереть от потери крови, да я заметил вовремя. Оставь поднос на столе, ладно? И, если есть время, закончи за меня раздачу еды.

Я колебался: вообще-то ученикам не положено иметь дело с теми, кто отдан на попечение гильдии.

– Давай-давай! Всех-то дел – рассовать подносы по кормушкам.

– Я принес еще книги.

– Просунь сквозь кормушку и их.

Какой-то миг я еще смотрел на него, склонившегося над мертвенно-бледной женщиной на койке, затем взял оставшиеся подносы и принялся выполнять просьбу Дротта. Большинству клиентов еще хватало сил подняться и принять передаваемую еду, но кое-кто не мог, и их подносы я оставлял у дверей – Дротт внесет после. По пути я видел нескольких женщин аристократического облика, но ни одна из них, похоже, не была шатленой Теклой, недавно доставленной к нам экзультанткой, с которой – по крайней мере пока – обращались почтительно. Она оказалась в последней камере – о чем я мог бы догадаться и раньше. Камера эта в дополнение к обычной обстановке – кровати, стулу и маленькому столику – была застлана ковром, а клиентка вместо обычного тряпья оказалась облачена в белое платье с широкими рукавами. Края рукавов и подол были здорово испачканы, однако платье до сих пор сохраняло особую элегантность, чуждую для меня так же, как и для самой камеры. Она сидела, неотрывно глядя на огонек свечи, отраженный в серебряном зеркальце, но, должно быть, почувствовала мой взгляд. Теперь я был бы рад сказать, что на лице ее не было страха, но, сказав так, солгал бы. Лицо ее было исполнено ужаса, который она изо всех сил старалась скрыть.

– Ничего, ничего, – сказал я. – Я принес еду.

Кивком поблагодарив меня, она поднялась и подошла к двери. Она оказалась даже выше, чем я думал, – голова ее едва не касалась потолка, а ее лицо – пусть скорее треугольное, чем округлое, – сразу напомнило мне лицо той женщины, что была в некрополе с Водалом; наверное, из-за огромных темно-синих глаз, окруженных голубоватой тенью, и длинных черных волос, очень похожих на капюшон плаща... Как бы там ни было, я полюбил ее сразу – полюбил со всей силой, с какой способен любить глупый мальчишка, но, будучи всего-навсего тем самым глупым мальчишкой, не понял этого. Ее рука – бледная, холодная, слегка влажная и невообразимо узкая – коснулась моей, когда она принимала поднос.

– Еда – обычная, – сказал я. – Пожалуй, ты можешь получить кое-что получше, если попросишь.

– Ты не носишь маски... – проговорила она. – Первое человеческое лицо здесь...

– Я – лишь ученик. Маску на меня возложат только через год.

Она улыбнулась, и я почувствовал себя совсем как тогда, в Атриуме Времени, только-только войдя в теплую комнату с чашкой чаю и печеньем. Рот ее был широк, а зубы – узки и очень белы; ее глаза, глубокие, точно резервуар под сводом Колокольной Башни, заблестели.

– Извини, – сказал я. – Я не расслышал тебя.

Вновь улыбнувшись, она склонила набок прекрасную го-

ловку.

– Я хотела сказать, как рада видеть твое лицо, и спросила, буду ли и впредь иметь удовольствие принимать еду от тебя. Кстати, что это?

– Я здесь только сегодня, потому что Дротт занят.

Затем я хотел восстановить в памяти, что было на ее подносе (она поставила его на столик, так что сквозь решетку не разглядеть), но не смог, хоть напряг мозг до предела, и наконец неуверенно сказал:

– Наверное, тебе лучше съесть ужин. Я думаю, если ты попросишь Дротта, то сможешь получить что-нибудь получше.

– Люди всегда осыпали комплиментами мою стройную фигуру, но, поверь, я ем, словно дикий волк! Съем и это!

Взяв со столика поднос, она повернулась ко мне, точно поняла, что без посторонней помощи мне не разгадать тайны его содержимого.

– Вот это, зеленое, – лук-порей, шатлена, – сказал я. – Коричневые зернышки – чечевица. И хлеб.

– Шатлена? Зачем эти формальности, ведь ты – мой тюремщик и можешь называть меня как захочешь.

Теперь ее глубокие глаза просто лучились весельем.

– У меня нет желания оскорбить тебя, – сказал я. – Ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя по-другому?

– Зови меня Теклой – это мое имя. Титулы – для формального общения, имена – для неформального; наша встреча – как раз из неформальных... Хотя, когда придет время моей

казни, все формальности будут соблюдены?

– Да, с экзультантами, как правило, поступают именно так.

– Тогда, надо думать, будет присутствовать экзарх – если только вы впустите его сюда – в пурпурной мантии. И еще некоторые – возможно, войт Эгино... Это на самом деле хлеб?

Она ткнула в кусок пальчиком – таким белым, что мне показалось, будто хлеб может испачкать его.

– Да, – ответил я. – Шатлене, конечно же, приходилось есть хлеб и раньше, не правда ли?

– Но не такой. – Взяв тонкий ломтик, она откусила немного. – Хотя и этот неплох. Ты говоришь, мне могут принести еду получше, если я попрошу?

– Думаю, да, шатлена.

– Текла. Я просила книги – два дня назад, когда меня привезли. Но не получила их.

– Они здесь, – сказал я. – Со мной.

Сбежав к Дроттову столу, я принес книги и просунул в кормушку самую маленькую.

– О, чудесно! А остальные?

– Еще три.

Книга в коричневом переплете тоже прошла сквозь кормушку. Но две другие – зеленая и фолио с гербом на обложке – оказались слишком широки.

– Позже Дротт откроет дверь и передаст их тебе, – сказал

я тогда.

– А ты не можешь? Так ужасно – видеть их сквозь эту штуку и не иметь возможности даже дотронуться...

– Вообще-то мне не положено даже кормить тебя. Этим надлежит заниматься Дротту.

– Но все же ты передал мне еду. И, кроме того, это ты принес книги. Разве тебе не полагалось вручить их мне?

Я смог лишь неуверенно возразить, потому что, в принципе, она была права. Правила, запрещающие ученикам работать в темницах, направлены на предотвращение побегов; но ведь этой хрупкой, несмотря на высокий рост, женщине ни-почем не одолеть меня, и, таким образом, беспрепятственно выйти наружу она не сможет. Я пошел к камере, где Дротт все еще приводил в чувство клиентку, пытавшуюся покончить с собой, и принес ключи.

Оказавшись в камере Теклы и закрыв за собой дверь, я обнаружил, что не в силах вымолвить ни слова. Я пристроил книги на столике, где из-за подсвечника, подноса и графина с водой почти не оставалось места, и остановился в ожидании. Я знал, что должен идти, но не мог сделать этого.

– Может быть, сядешь?

Я присел на кровать, предоставив ей стул.

– Будь мы в моих покоях в Обители Абсолюта, я смогла бы предложить тебе куда больший уют. К несчастью, в то время тебя туда не вызывали.

Я покачал головой.

– Сейчас мне нечем угостить тебя, кроме этого. Тебе нравится чечевица?

– Я не стану есть этого, шатлена. Скоро время моего ужина, а здесь вряд ли достаточно и для тебя одной.

– Действительно... – Взяв с подноса перышко лука, она, будто не совсем понимая, что с ним делать, проглотила его, как ярмарочный фигляр глотает гадюку. – А что дадут на ужин тебе?

– Лук-порей с чечевицей, хлеб и баранину.

– Ах, вот в чем разница – палачи получают еще и баранину... Как же тебя зовут, мастер палач?

– Севериан. Но это не поможет, шатлена. Не будет никакой разницы.

– В чем? – улыбнулась она.

– Ну... если ты подружишься со мной. Я не могу выпустить тебя на свободу. И не стал бы делать этого, даже если бы ты была моим единственным во всем мире другом.

– Но я и не думала, что это в твоих возможностях, Севериан.

– Тогда зачем же беседами со мной утруждать?

Она вздохнула, и радость исчезла с ее лица – так солнечный свет покидает камень, на котором пристроился погреться нищий.

– С кем же мне еще беседовать, Севериан? Вот я поговорю с тобой некоторое время – несколько дней или пару недель, – а после умру. Я понимаю, ты думаешь о том, что,

будь я в своих покоях, не удостоила бы тебя и взглядом. Но ты ошибаешься. Конечно, со всеми не поговоришь, их слишком много вокруг, но за день до того, как меня привезли сюда, я разговаривала с конюхом, державшим мне стремя. Заговорила с ним оттого, что пришлось ждать, но услышала от него много интересного...

– Но ты больше не увидишь меня. Еду будет приносить Дротт.

– Вот как? Спроси, не позволит ли он тебе делать это?

Она взяла меня за руки. Ее руки были холодны как лед.

– Попробую... – неуверенно проговорил я.

– Попробуй! Пожалуйста, попробуй! Скажи ему, что мне нужна еда получше и что я хочу, чтобы приносил ее ты. Хотя я попрошу об этом сама. Кому он подчинен?

– Мастеру Гюрло.

– Я скажу ему – Дротту, правильно? – что хочу говорить с мастером Гюрло. Ты прав, они не откажут – ведь как знать, Автарх может и освободить меня!

Глаза ее заблестели.

– Я передам Дротту, что ты хочешь его видеть, – сказал я, поднимаясь.

– Подожди. Разве ты не хочешь спросить, почему я здесь?

– Я знаю, почему ты здесь, – ответил я, прежде чем закрыть дверь. – Потому, что тебя рано или поздно надлежит подвергнуть пытке, как и всех прочих.

Да, жестоко, но я сказал это без всякой задней мысли –

как любой юнец. Ляпнул первое, что пришло в голову... но это было правдой, и, поворачивая ключ в замке, я был даже рад тому, что сказал это.

Экзультанты попадают к нам часто. И первое время почти все понимают ситуацию правильно, так же как сейчас – шатлена Текла. Но проходит несколько дней, а пыток что-то не видать, и тогда надежды берут верх над здравым смыслом. Клиенты начинают говорить об освобождении, рассуждать о том, что предпримут ради них друзья и родные и что сделают они сами после того, как выйдут на волю.

Один хочет уехать в свои владения и больше не показываться при дворе Автарха, другой – собрать отряд ландскнехтов и во главе его отправиться на север... И на дежурящих в подземельях подмастерьев градом сыплются рассказы об охотничьих псах, далеких вересковых пустошах, местных потехах, нигде более не известных, устраиваемых под сенью древних рощ. Женщины в большинстве своем мыслят много практичнее, но и они со временем заговаривают о высокопоставленных любовниках (получивших отставку за месяцы или годы до сего момента), которые никогда не оставят их в беде, а потом – о вынашивании ребенка или воспитании приемыша. После того как для всех этих детей, которые так никогда и не появятся на свет, придуманы имена, как правило, наступает черед одежды: после освобождения непременно нужен новый гардероб; старое тряпье – сжечь. Часами обсуждают оттенки, изобретение новых фасонов, возвращение

хорошо забытых старых...

Но в конце концов и для мужчин, и для женщин неизменно наступает день, когда в камеру вместо дежурного с едой входит мастер Гюрло в сопровождении троих-четверых подмастерьев и, может быть, следователя с фульгуратором. Поэтому мне хотелось по возможности оградить шатлену Теклу от бесплодных надежд. Я повесил связку ключей на гвоздь, где та обычно висела, и, проходя мимо камеры, где Дротт заканчивал отмывать кровь с пола, сказал ему, что шатлена желает с ним говорить.

Через день меня вызвали к мастеру Гюрло. Обыкновенно ученикам положено стоять против его стола, заложив руки за спину, но он велел мне сесть и, сняв шитую золотом маску, подался ко мне, что должно было означать частную беседу накоротке.

– С неделю назад я посылал тебя к архивариусу, – начал он.

Я кивнул.

– И, насколько понимаю, вернувшись с книгами, ты доставил их клиентке сам. Так?

Я объяснил, как все вышло.

– Ну ничего страшного. Не бери в голову; я не стану назначать тебе внеочередные наряды и уж тем более – раскладывать тебя на кресле и драть. Ты уже, можно сказать, подмастерье; мне в твои годы и с альтернативатором доверяли рабо-

тать... Понимаешь ли, Севериан, штука-то в том, что клиентка – лицо высокопоставленное. – Голос его понизился до шепота. – Со связями на самом верху.

Я сказал, что все понимаю.

– Высоких кровей, не из каких-нибудь там армигеришек... – Повернувшись к полкам позади кресла, он порылся в беспорядочной груде бумаг и книг и извлек увесистый том. – Имеешь представление, сколько на свете экзультантских семейств? В этой книге перечислены лишь те, чей род еще продолжается. А чтобы счесть и тех, чей род прервался, наверное, понадобилась бы целая энциклопедия! И несколько экзультантских династий прерваны мной лично! – Тут мастер Гюрло захохотал, и я засмеялся тоже. – Здесь каждому семейству отведено по полстраницы. А всего страниц – семьсот сорок шесть.

Я понимающе кивнул.

– Большинство этих семейств не представлено при дворе никем – не могут себе позволить либо боятся. Эти все – мелочь. Но большие семейства обязаны: Автарху нужны конкубины, которые в случае чего станут заложницами. Но Автарх уже не может крутить кадрили с пятью сотнями женщин. Наложниц поэтому всего около двадцати; остальные проводят время в танцах и болтовне друг с дружкой, а Автарха видят раз в месяц, и то – издали.

Я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, спросил, вправду ли Автарх делит ложе со всеми этими конкубинами.

Мастер Гюрло закатил глаза и подпер подбородок огромной ручищей.

– Ну, ради соблюдения приличий нанимаются хабиты – их еще называют тенями. Это – обычные девчонки, внешне похожие на нанимающих их шатлен. Уж не знаю, где их берут, но их обязанность – этих шатлен подменять. Конечно, ростом-то они поменьше, – хмыкнул он. – Впрочем, лежа, видимо, разница в росте незаметна. Однако говорят, будто частенько случается наоборот. Хозяйки этих девчонок-теней сами берутся выполнять их обязанности. Но нынешний Автарх, каждое деяние коего, можно сказать, слаще меда на устах нашей почтенной гильдии, о чем ты никогда не должен забывать... Так вот, в его случае, как я понимаю, вряд ли хоть одна из наложниц доставляет ему удовольствие.

– Этого я не знал, мастер, – сказал я, едва сдержав вздох облегчения. – Очень интересно.

Мастер Гюрло склонил голову в знак того, что и он считает это интересным, и сцепил пальцы на животе.

– Быть может, когда-нибудь ты сам станешь во главе гильдии и тебе понадобится знать такие вещи. Будучи в твоём возрасте – или, может, малость помладше, – я воображал себе, будто родом из экзультантов. Ну бывает с некоторыми.

Мне – далеко не в первый раз – вдруг пришло в голову, что мастер Гюрло (и мастер Палемон тоже) все знают о происхождении любого ученика и подмастерья: ведь именно они решали, кого брать на воспитание.

– Конечно, точно сказать не могу. Но по всем физическим данным во всадники я явно гожусь, да и ростом выше среднего, несмотря на тяжелое детство. Сорок лет назад, должен тебе заметить, ученикам приходилось гораздо тяжелее, чем нынче.

– Мне рассказывали, мастер.

Мастер Гюрло вздохнул – такой звук иногда издают кожаные подушки, когда сядешь на них.

– Но с течением времени я понял, что Предвечный, избрав для меня карьеру в нашей гильдии, действовал мне во благо. А ведь я вряд ли заслужил его благоволение в прежней жизни. Быть может, заслужу в этой...

Мастер Гюрло замолчал, опустив взгляд (как мне казалось) книзу, к груде бумаг – судебных отношений и досье клиентов – на столе. Наконец, когда я уже приготовился спросить, нужен ли ему еще, он заговорил снова:

– За всю свою жизнь я ни разу не слышал, чтобы член нашей гильдии – а ведь их на свете наберется около тысячи – был подвергнут пытке.

Я ввернул в разговор общую фразу насчет того, что лучше быть жабой, прячущейся под валуном, чем бабочкой, на оном раздавленной.

– Ну мы, принадлежащие гильдии, пожалуй, есть нечто большее, чем жабы. Но нельзя не отметить и вот чего: я видел в наших камерах более пятисот экзультантов, но никогда прежде не держал в заключении особ, принадлежащих к уз-

кому кругу конкубин, приближенных к самому Автарху.

– А шатлена Текла принадлежит к нему? Ты только что намекнул на это, мастер.

Он мрачно кивнул.

– Подвергни мы ее пытке немедленно, все было бы не так уж плохо. Однако – нет. Могут пройти годы... А может, и вовсе никогда...

– Ее могут освободить, мастер?

– Она – пешка в игре Автарха с Водалом, уж это-то известно даже мне. Ее сестра, шатлена Тея, бежала из Обители Абсолюта, чтоб стать любовницей Водала. Текла – по крайней мере некоторое время – будет одним из доводов в переговорах. Пока это так, мы должны содержать ее хорошо. Но тут важно не перестараться.

– Понимаю, – сказал я.

Мне было здорово не по себе – ведь я не знал, что шатлена Текла сказала Дротту, а Дротт – мастеру Гюрло.

– Она просила о лучшей еде, и я уже отдал необходимые распоряжения. Просила она и о компании, а узнав о недопущении к заключенным посетителей, настаивала на том, чтобы ей позволили иногда беседовать хотя бы с одним из нас.

Мастер Гюрло сделал паузу, чтобы отереть блестящее от пота лицо полой плаща.

– Я понимаю.

Я был уверен, что в самом деле понимаю, что последует за этим.

– Она видела твое лицо и посему попросила, чтобы это был ты. Я ответил, что ты будешь сидеть при ней, пока она принимает пищу. Твоего согласия не спрашиваю – не только потому, что ты подчинен мне, но и потому, что уверен в твоей лояльности. Прошу лишь соблюдать осторожность и не послужить причиной ее неудовольствия. Равно как и источником чрезмерного удовольствия.

– Сделаю все, что смогу. – Я сам подивился твердости своего голоса. Мастер Гюрло улыбнулся так, словно я снял с его плеч тяжкий груз.

– Ты умен, Севериан, умен, несмотря на молодость. У тебя уже были женщины?

В обычае учеников было, беседуя между собой, сочинять на этот счет разные небылицы, но я разговаривал с мастером и потому отрицательно покачал головой.

– Ни разу не был у ведьм? Ну, может, оно и к лучшему. Сам-то я в твои годы всем этим вещам уже выучился, но, пожалуй, не стал бы посылать к ведьмам кого-то еще наподобие меня в то время. Возможно, шатлена захочет, чтобы ты согрел ее постель. Не вздумай делать этого. Ее беременность может надолго отодвинуть применение пытки и принести бесчестье гильдии. Понимаешь?

Я кивнул.

– Мальчишки твоих лет всегда озабочены на этот счет. Я распоряжусь, чтобы кто-нибудь свел тебя туда, где такие хвори вылечиваются мигом.

- Как пожелаешь, мастер.
- Что? Ты даже не благодаришь?
- Благодарю тебя, мастер, – сказал я.

Гюрло был одним из самых сложных людей, которых я знал, – то есть сложным человеком, который старается быть простым. То есть не обычным простым человеком, а каким представляет себе простого человека сложный. Как придворный вырабатывает для себя обличье блестящее и таинственное, нечто среднее между мастером танцев и тонким дипломатом с налетом бретерства в случае нужды, так и мастер Гюрло старательно лепил из себя мрачное, неповоротливое создание, какое ожидает увидеть персевант или бейлиф, вызывая к себе главу гильдии палачей, однако на свете нет качеств, присущих настоящему палачу в еще меньшей мере. В целом же, хотя все составляющие характера мастера Гюрло были такими, какими и должны быть, ни одна из них не подходила к прочим. Он крепко пил, так как по ночам его мучили кошмары, но кошмары эти приходили именно тогда, когда он пил, как будто вино, вместо того чтобы наглухо запереть двери его сознания, распахивало их настежь, заставляя его весь остаток ночи провести на ногах в ожидании первых проблесков солнца, которое изгонит призраки из его огромной каюты, позволит ему одеться и разослать по местам подмастерьев. Порой он поднимался на самый верх башни, на артиллерийскую платформу, и ждал первых лучей солнца там,

разговаривая с самим собой и глядя вдаль сквозь стекло, которое, говорят, тверже кремня. Он, единственный в гильдии (считая и мастера Палемона), не боялся обитающих там сил и невидимых уст, говорящих порой с людьми или с иными невидимыми устами в других башнях. Он любил музыку, однако, слушая ее, прихлопывал ладонью по подлокотнику и притопывал ногами в такт, причем тем сильнее, чем больше нравилась ему музыка (а особенной его любовью пользовались сложнейшие, тончайшие ритмы). Ел он помногу, но очень редко; читал только тогда, когда полагал, что его никто не видит; навещал некоторых клиентов, включая одного с третьего яруса, и беседовал с ними о материях, в которых никто из нас, подслушивавших в коридоре, не мог понять ни аза. Глаза его блестели ярче, чем у любой женщины. Он делал ошибки в произношении самых обычных слов: уртикарный, фаллопиев, бордеро. Я не в силах описать, сколь плохо он выглядел, когда я не так давно вернулся в Цитадель, и сколь плохо выглядит он сейчас.

VIII

Собеседник

На следующий день я в первый раз понес шатлене Текле ужин и почти стражу сидел при ней, причем Дротт частенько заглядывал в камеру сквозь решетчатое окошко. Мы поиграли в слова (и она неизменно выигрывала), после поговорили о том, что, по рассказам вернувшихся, якобы ждет нас за гранью смерти, а потом она пересказала мне сведения, заключенные в самой маленькой из принесенных мной книг – не только общепринятые точки зрения иерофантов, но и разнообразные экзотические и даже еретические теории.

– Вот выйду на свободу, – сказала она, – и заведу собственную секту. Заявлю во всеуслышание, что во время пребывания среди палачей мне открылась высшая мудрость. К этому прислушаются.

Я спросил, в чем будет состоять учение ее секты.

– В том, что не существует никакого агатодемона и жизни после смерти. Что сознание после смерти исчезает – так же как во время сна, только навсегда.

– А кого ты объявишь вестником, открывшим тебе эту мудрость?

Она покачала головой и подперла рукой подбородок. Поза эта восхитительно подчеркивала совершенство линий ее шеи.

– Пока не решила. Быть может, ледяной ангел. Или призрак. Что, по-твоему, лучше?

– Но разве здесь нет противоречия?

– Совершенно верно! – Тон ее был исполнен удовольствия, доставленного моим вопросом. – И в этом противоречии будет заключена вся привлекательность нашей новой веры. Новая теология не может быть основана на пустом месте, и ничто так не помогает основать ее, как противоречие. Вспомни великих, что добились успеха в прошлом, – их божества неизменно объявлялись властителями и создателями всех мирозданий, однако же всех, вплоть до дряхлых старух, призывали защищать этих богов, точно детей, испугавшихся петуха. Или взять хотя бы утверждение, будто владыка, не карающий никого, пока у людей есть малейший шанс стать лучше, покарает всех, хоть никто от этого не сможет измениться в лучшую сторону.

– Для меня это слишком сложно, – сказал я.

– Вовсе нет. По-моему, ты так же разумен, как и большинство других юношей. Но у палачей, наверное, нет никакой веры? Клятвенно отречься от прежней тебя не заставляли?

– Нет. У нас есть своя небесная покровительница и свои праздники, как в любой другой гильдии.

– А вот у нас – нет, – сказала она, словно на миг огорченная этим. – Так бывает только в гильдиях да еще в армии, которая – тоже своего рода гильдия. Хотя... пиршества, всеобщие бдения, зрелища, возможность показаться в новых

нарядах... Тебе нравится это?

Поднявшись, она развела руки в стороны, демонстрируя мне испачканное платье.

— Очень красиво, — отважился заметить я. — И узор, и вышивка с жемчужинками...

— Здесь у меня есть только это — в нем я была, когда за мной пришли. Вообще-то, это обеденное платье — его следует носить между обедом и наступлением вечера.

Я сказал, что мастер Гюрло наверняка пошлет кого-нибудь за остальными, если она попросит о том.

— Я уже просила, и он сказал, что посылал людей в Обитель Абсолюта за моими платьями, но они не смогли отыскать ее. Это означает, что в Обители Абсолюта стараются сделать вид, будто меня не существует. Хотя, возможно, все мои платья отосланы в наше шато на севере или на одну из вилл. Он собирался отдать своему секретарю распоряжение выписать их.

— А ты не знаешь, кого он посылал? — спросил я. — Обитель Абсолюта, должно быть, не меньше нашей Цитадели — вряд ли ее так уж нелегко обнаружить.

— Напротив, довольно трудно. Поскольку ее нельзя увидеть, ты можешь находиться в самом ее центре, но так и не узнаешь об этом. Кроме того, учитывая, что дороги перекрыты, требуется всего-навсего отдать соглядатаям распоряжение указывать определенным путникам неверный путь — а соглядатаи у них повсюду.

Я хотел было спросить, как Обитель Абсолюта, которую я всегда представлял себе огромным дворцом со сверкающими башнями и куполами, может быть невидимой, но Текла уже думала о чем-то другом, разглядывая свой браслет в форме кракена с глазами из неограниченных изумрудов, оплетшего щупальцами ее тонкое, белое запястье.

– Мне позволили оставить браслет, а он очень дорогой. Это ведь не серебро, а платина. Я была крайне удивлена.

– Здесь никого нельзя подкупить.

– Его можно продать в Нессе и купить платья... Севериан, ты не знаешь, кто-нибудь из моих друзей пытался увидаться со мной?

Я покачал головой:

– В любом случае у них ничего бы не вышло.

– Я понимаю. Но кто-нибудь мог бы попробовать... А ты знаешь, что в Обители Абсолюта многие даже не подозревают о существовании этого места? Вижу, ты мне не веришь!

– Не подозревают о существовании Цитадели?

– Нет, о Цитадели известно всем – некоторые ее части открыты для свободного доступа, а башен просто нельзя не заметить, если находишься на любом берегу Гьёлля в южной части города. Они не знают об *этом* – по крайней мере, подавляющее большинство будет отрицать существование ваших темниц, – пояснила она, хлопнув по металлической переборке камеры.

Да, она была великой шатленой, а я – даже ниже, чем раб (конечно, в глазах обычных людей, не понимающих по-настоящему функций нашей гильдии). Однако когда пришло время и Дротт с грохотом отворил дверь камеры, именно я вышел в коридор и поднялся по лестнице наверх, навстречу свежему вечернему воздуху, а Текла осталась внизу, среди стонов и криков других заключенных. (Ее камера находилась в некотором отдалении от лестницы, но когда ей не с кем было беседовать, безумный хохот с третьего яруса доносился и туда.)

Перед сном, в dormitorio, я спросил, не знает ли кто-нибудь имен подмастерьев, которых мастер Гюрло посылал в Обитель Абсолюта. Никто не знал, однако вопрос послужил началом оживленной дискуссии. Никто из мальчишек не видел дворца и даже не встречался с кем-либо из видевших его, но рассказы о нем каждый слышал во множестве. В большинстве своем эти истории повествовали о сказочной роскоши – золотых блюдах, шелковых попонах и прочем в том же роде. Куда интереснее были описания Автарха, который, если б они все соответствовали истине, оказался бы настоящим чудовищем – огромного (вровень со средним человеком, когда сидит) роста, старым, совсем молодым, женщиной в мужском платье и так далее. Однако еще фантастичнее оказались байки о его визире, достойном Отце Инире, похожем на обезьянку, – самом старом человеке на свете.

Но стоило нам как следует разойтись, в дверь постучали. Самый младший из нас открыл ее, и я увидел Роха, одетого не в предписываемые уставом гильдии бриджи и плащ цвета сажи, а в самые обычные (хотя новые и прекрасно сидящие) брюки, рубашку и пиджак. Он кивнул мне, а когда я подошел к двери, знаком пригласил следовать за ним.

Как только мы оказались достаточно далеко от дверей в dormitorio, он заговорил:

– Боюсь, я здорово перепугал этого мальчика. Он же не знает, кто я.

– В этой одежде он тебя вправду не узнал, – сказал я. – А если увидит в обычном облачении – вспомнит сразу.

Он довольно захохотал.

– Знаешь, так странно стучаться в эту дверь! Сегодня у нас какое число? Ну что ж, еще три недели – и восемнадцатое. Как у тебя дела?

– Нормально.

– Похоже, ты в этой банде навел порядок. Эата – твой помощник, верно? Ему до подмастерьев еще четыре года, и три из них он будет после тебя капитанствовать. А пока опыта поднаберется – жаль, что тебе в свое время не так повезло. Я стоял у тебя на пути, хоть тогда и не задумывался об этом.

– Рох, а куда мы идем?

– Сначала – ко мне в каюту, чтобы тебя переодеть. Как, Севериан, небось ждешь не дожدهшься, когда сам в подмастерья выйдешь?

Последние слова были брошены через плечо, а затем Рох, не дожидаясь ответа, затопотал вниз по лестнице.

Мой костюм оказался таким же, как у него, только цвета другие. Кроме того, для нас обоих были приготовлены пальто и шляпы.

– Пригодится, – сказал он, когда я надел свою. – Снаружи холодно, да и снег пошел.

Подав мне шарф, он велел снять мои башмаки и надеть сапоги.

– Это ведь для подмастерьев сапоги, – возразил я, – как я в них пойду?

– Давай-давай, обувь у всех черная, никто не заметит. Подходят?

Сапоги оказались великоваты, и Рох дал мне пару носков, чтобы натянуть поверх моих собственных.

– Ну вот. Кошелек должен бы быть у меня, но раз уж не исключено, что разделимся, тебе тоже неплохо иметь в кармане несколько азими. – Он высыпал монеты в мою ладонь. – Готов? Двинулись. Я бы хотел вернуться так, чтобы еще осталось время малость поспать.

Мы вышли на двор, путаясь в непривычной одежде, обогнули Башню Ведьм и ступили на крытую дорожку, ведущую мимо Мартелло к Разбитому Двору. Рох оказался прав: снаружи шел густой снег; огромные – в целый ноготь – хлопья кружили в воздухе так медленно, что казалось, будто снег идет уже целую вечность. Ветра не было, и новое облачение

знакомому, привычного мира явственно поскрипывало под сапогами.

– Везет тебе, – заметил Рох. – Не знаю, как ты это устроил, но все равно – спасибо.

– Что устроил?

– Поездку в Эхопраксию и по женщине каждому. Я думал, ты знаешь – мастер Гюрло сказал, что уже уведомил тебя.

– Я и забыл. И вообще не думал, что он это всерьез. Пешком пойдем? Это, должно быть, недалеко.

– Ну не так уж и далеко, но средства у нас, как я уже говорил, имеются. У Горьких Врат стоят фиакры – они там всегда стоят, потому что постоянно кто-нибудь приезжает и уезжает, хотя, сидя в нашем укромном уголке, как-то и не скажешь...

Ради поддержания беседы я рассказал ему то, что слышал от шатлены Теклы, – будто в Обители Абсолюта тьма народу даже не знает о нашем существовании.

– А что, очень похоже на правду. Это для нас, выросших в гильдии, она – пуп земли. Вот станешь немного постарше (я сам это в свое время обнаружил и знаю, что ты не станешь трепать языком) и увидишь, что палачество – вовсе не чика в колесе мироздания, а просто хорошо оплачиваемая и очень непопулярная работа, которой по воле случая придется заниматься тебе.

Рох оказался прав – на Разбитом Дворе действительно стояли три экипажа. Один был экзультантским, с нарисован-

ными на дверцах гербами и ливрейными лакеями на запятках, а два других – маленькими, простенькими фиакрами. Возницы в низких меховых шапках склонились над костерком, разведенным на булыжной мостовой. Издали, сквозь густой снег, огонь казался не больше искры.

Рох махнул им рукой, крикнул; один из возниц вскочил на сиденье, щелкнул кнутом, и фиакр с грохотом подкатил к нам. Оказавшись внутри, я спросил у Роха, знает ли кучер, кто мы такие.

– Мы – двое оптиматов, – ответил Рох. – Приезжали в Цитадель по делам, а теперь направляемся в Эхопраксию, чтобы приятно провести вечер. Вот все, что он может и должен знать.

Я подумал, вправду ли Рох гораздо более моего опытен в развлечениях такого рода, и решил, что вряд ли. Надеюсь выяснить, бывал ли он прежде там, куда мы направляемся, я спросил, в какой стороне находится Эхопраксия.

– В квартале Мучительных Страстей. Слышал о таком?

Я кивнул и сказал, что мастер Палемон однажды говорил, будто это один из древнейших кварталов города.

– На самом-то деле – нет. Дальше на юг есть кварталы еще древнее, но там живут одни омофаги. Цитадель ведь раньше была чуть севернее Несса, знаешь?

Я покачал головой.

– Город до сих пор понемногу ползет вверх по реке. Армигерам и оптиматам нужна чистая вода – не для питья, а

для рыбных прудов, купален и всего такого. Да еще любой, кто живет слишком близко к морю, как-то не внушает доверия. И нижние кварталы, где вода была хуже всего, в конце концов сдаются. С тех пор как вышел тот закон, оставшиеся там боятся даже разводить огонь – чтобы по дыму их не отыскиали.

Я повернулся к окну. Мы уже миновали какие-то неизвестные мне ворота, прогрехотав мимо стражей в шлемах, но все еще находились внутри Цитадели. По обеим сторонам узкого проезда тянулись ряды разбитых окон.

– Станешь подмастерьем – сможешь выходить в город когда угодно, если только ты не на дежурстве.

Я, конечно, знал об этом, но спросил Роха, считает ли он все это приятным.

– Ну не то чтобы очень... Я, честно говоря, был там всего два раза. Оно не то чтобы приятно, но интересно. Только всем вокруг известно, кто ты такой.

– Ты же сказал, что кучер этого не знает.

– Он-то, наверное, не знает... Эти фиакры разъезжают по всему Нессу; кучер может жить где угодно, а в Цитадель попадать раз в году. Но местные знают. Солдаты рассказывают. Им-то что, они могут выходить в город в своей форме.

– Ни в одном из окон нет света. Похоже, в этой части Цитадели вообще никого нет.

– Что ж, все мельчает, с этим ничего не поделать. Еды меньше – значит, и людей будет меньше, пока не придет Но-

вое Солнце.

В фиакре, несмотря на холод, было душно.

– Далеко нам еще? – спросил я.

Рох хмыкнул.

– А ты вроде как беспокоишься?

– Вовсе нет.

– Наверняка да. Ничего, это естественно. Так что не беспокойся насчет своих беспокойств!

– Да я совершенно спокоен.

– Если захочешь, можно все провернуть по-быстрому. С женщиной можно даже не разговаривать – ей все равно. Конечно, она с тобой и побеседует, если захочешь, ведь ты платишь. То есть в данном случае плачу я, но принцип тот же. Она сделает все, чего ты пожелаешь, в пределах разумного. Если ударишь ее или еще что-нибудь в этом духе, цена возрастет.

– А что, люди и вправду так делают?

– Находятся любители. Тебе-то наверняка не захочется, да и из наших, гильдейских, вряд ли хоть кто-нибудь так развлекается – ну разве что выпьет лишку. – Он помолчал. – Вообще-то, эти женщины нарушают закон и поэтому не могут жаловаться...

Фиакр с грохотом свернул в другой проезд, еще уже прежнего. Теперь мы мчались на восток.

IX

Лазурный дом

Конечным пунктом нашей поездки оказалась одна из тех причудливых построек, какие часто встречаются в старых районах города, где некогда отдельные здания «срастаются» воедино, превращаясь в дикую мешанину пристроек, крыльев и переходов, выполненных в самых разнообразных архитектурных стилях, со шпилями и башнями там, где изначально не планировалось ничего сложнее обыкновенных крыш. Здесь снега было еще больше – а может, он просто успел накопиться, пока мы были в пути. Снег укрывал окружающий здание портик, мягкими подушками лежал на подоконниках, застелил ковром ступени у входа и одел в плащи с капюшонами поддерживавших карнизы деревянных кариад, словно бы обещавших посетителям тишину, безопасность и соблюдение полной тайны.

За окнами нижнего этажа мерцал неяркий желтоватый свет, другие же были темны. Несмотря на снегопад, кто-то внутри, должно быть, услышал наши шаги. Огромная, выдававшая виды дверь распахнулась прежде, чем Рох успел постучать. Войдя, мы оказались в маленькой, узкой прихожей, со стенами и потолком, обитыми голубым атласом, отчего помещение казалось очень похожим на футляр для дорогих украшений. Человек, впустивший нас, был одет в желтый ха-

лат и башмаки на толстой подошве; его короткие светлые волосы были зачесаны назад, открывая широкий покатый лоб над гладким, безбородым лицом. Проходя мимо него, я заглянул в его глаза и обнаружил, что словно бы смотрю в окно. Глаза его, блестящие и ровные, точно небо засушливым летом, и вправду вполне могли быть сделаны из стекла.

– Фортуна благосклонна к вам, – сказал человек, подавая нам по бокалу. Голос его мог быть и мужским тенором, и женским контральто. – Сегодня здесь нет никого, кроме вас.

– И девочки наверняка соскучились, – заметил Рох.

– Воистину! О, ты улыбаешься... я вижу, ты не веришь мне, но это – сущая правда. Да, они жалуются, когда у нас много гостей, но и скучают, если к ним не приходит никто. И каждая постарается приятно удивить вас сегодня вечером, вот увидите. И после того как вы покинете нас, будут хвастать перед другими тем, что вы выбрали именно их. Кроме этого, оба вы – юноши симпатичные. – Он сделал паузу, во время которой окинул Роха быстрым взглядом. – Ты бывал у нас и прежде, не так ли? Такие ярко-рыжие волосы трудно забыть. Точно такими дикари далеко на юге изображают своих огненных духов. А у твоего друга – лицо экзюльтанта... такие нашим девушкам нравятся больше всего! Я понимаю, отчего ты привел его к нам.

Он отворил другую дверь, со стеклянной вставкой, изображающей Искушение. За дверью начинался зал, несомненно, в силу контраста с прихожей, казавшийся много простор-

нее самого здания. Высокий потолок был украшен белыми, похоже, шелковыми фестонами, отчего помещение напоминало огромный роскошный шатер. Вдоль двух из четырех стен тянулись колоннады – конечно, фальшивые, так как колонны на самом деле были всего лишь полукруглыми пилястрами, укрепленными на стенах, выкрашенных в синий цвет, а архитрав – всего-навсего лепным карнизом, однако, пока мы оставались в центре зала, эффект был почти полным.

В дальнем конце зала, напротив окон, стояло кресло с высокой, точно у трона, спинкой. Человек в желтом халате уселся в него, и я тут же услышал, как где-то в глубине здания зазвенел колокольчик. Устроившись в двух других креслах, поменьше, мы с Рохом ждали в тишине, нарушаемой лишь эхом мелодичного перезвона. Снаружи не доносилось ни звука, но я просто-таки физически ощущал падавший снег. Вино согревало, и, сделав несколько глотков, я увидел дно бокала. Я чувствовал себя словно бы в ожидании начала церемонии в нашей разрушенной часовне, только на сей раз она была куда менее реальной и одновременно куда более серьезной.

– Шатлена Барбея, – объявил хозяин.

В зал вошла высокая женщина, державшаяся так благородно и одетая так вызывающе, что я далеко не сразу понял, что ей никак не больше семнадцати лет. Лицо ее – округлой, совершенной формы, с ясными глазами, небольшим прямым

носом и крохотным ртом, подведенным так, чтоб казался еще меньше, – было прекрасно, а волосы, отливавшие золотом, вполне могли бы оказаться париком из настоящей золотой проволоки.

Остановившись в паре шагов от нас, она медленно повернулась, едва уловимо, с необыкновенной грацией меняя позу в движении. До этого я никогда не видел профессиональных танцовщиц и ни разу после не встречал столь прекрасной. Не могу и передать, что я чувствовал, глядя на нее!

– Все придворные красавицы – здесь, к вашим услугам! – воскликнул хозяин. – Сюда, в Лазурный Дом, явились они в эту ночь, покинув свои золотые стены ради счастья доставить вам наслаждение!

Я, наполовину загипнотизированный танцем, решил, что это фантастическое утверждение высказано совершенно серьезно, и сказал:

– Это не может быть правдой.

– Но ты пришел к нам за наслаждением, не так ли? И если мечта также послужит ему, что в том плохого?

Все это время девушка с золотыми волосами продолжала свой медленный танец без музыки.

Мгновения летели одно за другим.

– Она тебе нравится? – спросил хозяин. – Ты выбираешь ее?

Я хотел было сказать – точнее, закричать, чувствуя желание всем своим существом, – что нравится, но, прежде чем

успел сделать вдох, меня опередил Рох:

– Давай посмотрим и других.

Танец тут же прекратился, девушка сделала реверанс и покинула зал.

– Можешь выбрать и нескольких – по одной или всех вместе. У нас есть очень большие кровати! – Дверь, закрывшаяся за золотоволосой девушкой, отворилась снова. – Шатлена Грация!

Вошедшая девушка казалась совершенно иной, однако во многом напоминала предыдущую, «шатлену Барбею». Волосы ее были белы, словно хлопья снега, кружащиеся за окном, и от этого ее юное лицо казалось еще свежее, а смуглая кожа – темнее. Груды и бедра ее были (или же казались) пышнее, но все же она вполне могла оказаться той же самой женщиной, успевшей за несколько секунд до второго своего появления сменить одежду и парик и слегка затемнить кожу лица при помощи косметики. Мысль, разумеется, была абсурдной, но, подобно многим абсурдным мыслям, заключала в себе элемент истины. Что-то совпадало во взгляде, выражении лица, походке и плавности их движений. Все это напоминало о чем-то, уже виденном мною (хотя я не мог вспомнить, когда и где), но тем не менее было внове, причем то, прежнее, казалось как-то предпочтительнее.

– Эта мне подойдет, – сказал Рох. – Теперь нужно подыскать что-нибудь для моего друга.

Темнокожая девушка (эта не танцевала, а просто стояла

перед нами) подошла к Роху, присела на подлокотник его кресла и что-то прошептала ему на ухо.

Дверь отворилась в третий раз.

– Шатлена Текла, – объявил хозяин.

Казалось, в зал и вправду вошла шатлена Текла, каким-то непонятным образом выбравшаяся из темницы. Не наблюдательность, но лишь разум в конце концов убедил меня в том, что я ошибаюсь. Не знаю, заметил бы я разницу, если бы передо мной бок о бок стояли они обе, или нет. Хотя эта девушка, несомненно, несколько ниже ростом...

– Значит, тебе нравится эта? – спросил хозяин. Не помню, чтобы я что-либо ответил, но Рох шагнул вперед с кошельком в руке и объявил, что платит за нас обоих. Я проследил за вынимаемыми из кошелька монетами, ожидая увидеть блеск хризоса, но на свет появились лишь несколько азими.

«Шатлена Текла» коснулась моей руки. Надушена она была крепче, чем настоящая Текла, однако аромат оказался точно тем же – мне он напоминал запах сжигаемой в огне розы.

– Идем, – сказала она.

Я последовал за ней. За дверью оказался грязноватый, тускло освещенный коридор, приведший нас к узкой лестнице. Я спросил, много ли здесь еще придворных дам, и она приостановилась, искоса взглянув на меня через плечо. Возможно, ее лицо выражало удовлетворенное тщеславие, или

влюбленность, или то смутное ощущение, какое испытываешь, когда состязание становится игрой.

– Сегодня – лишь несколько, из-за снегопада. Мы с Грацией приехали в одних санях.

Я кивнул. Она наверняка явилась сюда из какого-нибудь темного переулочка поблизости и, скорее всего, пешком, с шляпкой на голове и в старых, насквозь пронизываемых холодом туфлях, и все же перед моими глазами тут же возникла отчетливая картина: взмыленные дестриэ быстрее любой машины несутся галопом сквозь снегопад, и ветер свистит в ушах юных, прекрасных, пресыщенных дам в соболиных и рысьих шкурах, темнеющих на фоне красного бархата сидений...

– Ну ты идешь?

Она уже поднялась до верхней площадки и почти скрылась из виду. Ее окликнули, назвав «дражайшей сестрицей», и, поднявшись парой ступеней выше, я увидел женщину, очень похожую на прекрасную спутницу Водала. Она не обратила на меня никакого внимания и, как только я догадался посторониться, стремительно сбежала вниз по лестнице.

– Вот видишь, что можно получить, если только чуть-чуть подождешь!

На губах моей куртизанки мелькнула улыбка, которую я явно видел где-то прежде.

– Я бы все равно выбрал тебя.

– Ну вот потеха так потеха! Идем, идем – не стоять же

вечно на этом сквозняке. Да, ты ничуть не изменился в лице, но проводил ее таким воловьим взглядом!.. Что ж, она и впрямь мила, спору нет.

С этими словами женщина, так похожая на Теклу, отворила дверь, и мы оказались в крохотной спальне с огромной кроватью. К потолку была подвешена погасшая кадильница на блестящей серебристой цепочке; в углу на высокой подставке стоял светильник под розовым колпаком. Между маленьким туалетным столиком с зеркалом и узким платяным шкафчиком оставалось как раз достаточно места, чтобы пройти внутрь.

– Хочешь раздеть меня?

Кивнув, я потянулся к ней.

– Тогда будь аккуратен. – Она повернулась ко мне спиной. – Застежки – там. Если разорвешь что-нибудь в возбуждении, придется платить отдельно – не говори потом, будто тебя не предупредили.

Пальцы мои нащупали крошечную застежку и расстегнули ее.

– Но я полагал, что у шатлены Теклы множество платьев.

– Так оно и есть. Но как я вернусь в Обитель Абсолюта в разорванном?

– У тебя здесь, несомненно, имеются и другие.

– Да, пара. Много здесь держать нельзя – кто-нибудь унесет, пока меня нет.

Выглядевшее дорогим и роскошным в комнате с фальши-

выми колоннадами, на поверку ее платье оказалось сшитым из тонкой дешевой ткани.

– Ни атласа, – сказал я, распуская следующую застежку, – ни соболей, ни бриллиантов...

Я отступил от нее на шаг (при этом упершись спиной в дверь). Теперь в ней не было ничего от Теклы. Чуть внешнего сходства, кое-какие жесты да еще одежда – ничего более. Передо мною в крохотной, холодной комнатухе стояла с обнаженными плечами и шеей бедная молодая женщина, чьи родители, скорее всего, с благодарностью примут скудное серебро из кошелька Роха и сделают вид, будто не знают, где бывает их дочь по ночам...

– Ты – вовсе не шатлена Текла, – сказал я. – Что я здесь делаю...

Вышло, наверное, гораздо многозначительнее, чем предполагалось. Она повернулась ко мне лицом, и тонкая ткань платья соскользнула с ее груди. В глазах ее, точно пущенный зеркалом «зайчик», мелькнул страх. Должно быть, она и прежде попадала в такое положение, и это выходило ей боком.

– Я – Текла, – сказала она, – если тебе хочется, чтобы я была ею.

Я поднял руку.

– Здесь есть кому защитить меня, – поспешно добавила она. – Мне стоит только закричать. Во второй раз ударить уже не успеешь.

– Неправда, – сказал я.

– А вот и правда. Трое мужчин...

– Ни единого. Весь этаж пуст и холоден – думаешь, я не заметил, как здесь тихо? Рох со своей девушкой остался внизу и, наверное, получил комнату получше – платит-то он. А женщина, которую мы встретили на лестнице, просто уходила и хотела прежде переговорить с тобой. – Я взял ее за талию и поднял в воздух. – Кричи. Никто не придет.

Она молчала. Я бросил ее на кровать и присел рядом.

– Ты зол оттого, что я – не Текла. Но я хотела стать ею для тебя – и стану, если захочешь. – Стянув с моих плеч чужое непривычное пальто, она бросила его на пол. – Ты очень сильный.

– Вовсе нет.

Я отлично знал, что некоторые из трепетавших передо мной мальчишек уже гораздо сильнее меня.

– Очень! Но разве тебе, такому сильному, не под силу одолеть реальность – хотя бы ненадолго?

– Что ты хочешь сказать?

– Слабые верят, во что вынуждены верить. А сильные верят, во что хотят, и воплощают свою веру в жизнь. Кто есть Автарх, как не человек, верящий в то, что он – Автарх, и силой собственной веры заставляющий верить в это всех прочих?

– Но ты – не шатлена Текла, – ответил я.

– Как и она сама. Шатлена Текла, которую ты вряд ли и ви-

дел хоть раз... Хотя нет, здесь я ошибаюсь. Ты бывал в Обителе Абсолюта?

Ее маленькие, теплые ладони легли мне на плечо и потянули вниз. Я покачал головой.

– Некоторые клиенты говорят, что бывали там. И мне всегда нравилось слушать их.

– Они и вправду бывали в Обителе Абсолюта? На самом деле?

Она пожала плечами.

– Я хотела сказать, что шатлена Текла – вовсе не шатлена Текла. То есть не та шатлена Текла, что живет в твоём воображении – единственная, до которой тебе есть дело. И я – тоже не она. Какая же тогда между нами разница?

– Наверное, никакой.

Я принялся раздеваться.

– Однако ж все мы хотим знать, что же реально на самом деле. Отчего? Наверное, потому, что всех нас притягивает к теоцентру. Иерофанты говорят, что только он воистину реален.

Она поцеловала мое бедро, зная, что одержала верх.

– Ты в самом деле готов искать истину? Не забывай: для этого ты должен быть облечен фавором, иначе попадешь в руки палачей. И это тебе не понравится!

– Нет, – согласился я, кладя ладонь ей на затылок.

X

Последний год

Думаю, мастер Гюрло намеревался почаще устраивать мне поездки в этот дом, чтобы меня не слишком влекло к Текле. Я же позволил Роху прикарманивать отпускаемые на это деньги и больше ни разу не ездил туда. Боль оказалась такой приятной, а наслаждение таким болезненным, что я боялся перестать понимать себя самого.

К тому же, перед тем как мы с Рохом покинули этот дом, беловолосый человек, встретившись со мною взглядом, извлек из-за пазухи нечто — я вначале решил, что это иконка, но вещица оказалась крошечным флакончиком в форме фаллоса. При этом он улыбнулся, и улыбка его испугала меня — в ней не было ничего, кроме дружелюбия.

Прошли дни, прежде чем из моих мыслей о Текле изгладись впечатления от той фальшивой Теклы, введшей меня в мир анакреонтических развлечений и благ, что дарят друг другу мужчины и женщины. Возможно, это должно было возыметь эффект, как раз обратный тому, которого добивался мастер Гюрло, но нет. Менее всего я был склонен к любви с этой несчастной женщиной, пока в сознании моем свежи были воспоминания о том, как я невозбранно наслаждался ею. В действительности меня влекло (хотя в то время я не понимал этого) не к ее женскому естеству, но к миру

древнего знания и привилегий, который она представляла.

Книги, которые я доставил ей, стали моим университетом, а сама она – моим оракулом. Я не из образованных; мастер Палемон научил меня всего лишь читать, писать и считать, преподавал скудный набор сведений о физическом мире и, конечно же, все секреты нашего ремесла. И если образованные люди порой ну не то чтобы принимают меня за равного, но хотя бы водить компанию со мной не стесняются – этому я обязан единственно до сей поры живущей в моих мыслях Текле да еще этим четырём томикам.

Не стану пересказывать, что мы читали вместе и о чем беседовали – описание самого краткого разговора займет всю эту недолгую ночь без остатка. Всю зиму, пока на Старом Подворье не стоял снег, я неизменно поднимался из темниц наверх, словно бы пробуждаясь ото сна, и только тут начинал замечать окружающий мир – следы собственных ног позади, свою тень на снегу... Текла очень тосковала в ту зиму, но с удовольствием рассказывала мне о тайнах прошлого, о слухах из высших сфер, о гербах, о героях, умерших тысячи лет назад.

С приходом весны в некрополе расцвели пурпурные и белые лилии. Я принес их ей, и она сказала, что вскоре так же стремительно вырастет и моя борода, и тогда синева моих щек будет гуще, чем у большинства обычных мужчин, а на следующий день попросила за это прощения, так как пред-

сказание ее запоздало. Тепло весны и (по-моему) принесенные мной цветы подняли ей настроение. В беседе о знаках отличия древних семейств она заговорила о своих подругах, об их браках, удачных и неудачных, и как такая-то пожертвовала своим будущим ради разрушенного замка, потому что видела его во сне, а еще одна, с которой они в детстве играли в куклы, сделалась хозяйкой многих тысяч лиг земли.

– Когда-нибудь, Севериан, непременно будет новый Автарх, а может быть, и новая Автархиня. Все может оставаться без перемен очень долго. Но не вечно.

– Я мало осведомлен о придворных делах, шатлена.

– Чем меньше ты знаешь о них, тем лучше для тебя. – Она помолчала, покусывая изящно изогнутую нижнюю губу. – Когда моя мать была в тягостях, она велела слугам отнести ее к Пророческому фонтану, который вещает грядущее, и он предсказал, что я воссяду на трон. Тея всегда завидовала мне из-за этого. Однако Автарх...

– Что?

– Пожалуй, мне лучше не болтать слишком много. Автарх не таков, как другие люди. Что бы я ни говорила порой, на Урд нет человека, который мог бы сравниться с ним.

– Я знаю это.

– И этого для тебя достаточно. Взгляни. – Она подала мне книгу в коричневом переплете. – Здесь говорится: «Фалалей Великий сказал, что демократия – сиречь Народ – желает, чтобы ею управляла сила, превосходящая ее, а Ирьеры Муд-

рый – что простолюдины никогда не позволят кому-либо, отличному от них, занять высокий пост. Невзирая на это, и тот и другой именуются Совершенными».

Не поняв, что она хочет сказать, я промолчал.

– Все это к тому, что никто не может знать наверное, как поступит Автарх. Или же Отец Инире. Когда я только-только прибыла ко двору, мне, точно великую тайну, поведали, что фактически политику Содружества определяет Отец Инире. Через два года один очень высокопоставленный человек – я даже не могу назвать тебе его имени – сказал, что правит сам Автарх, хотя из Обители Абсолюта и может показаться, будто это Отец Инире. А в прошлом году одна женщина, суждениям которой я доверяю гораздо больше, чем суждениям любого из мужчин, поведала мне, что на самом деле это абсолютно все равно, так как оба они непостижимы, точно океанические глубины, и, если б один из них правил, когда прибывает луна, а другой – когда ветер дует с востока, никто не заметил бы разницы. И я считала это суждение мудрым, пока не поняла, что она всего-навсего повторила то, что я говорила ей за полгода до этого.

Текла умолкла и опустилась на кровать, разметав волосы по подушке.

– По крайней мере, – заметил я, – ты не ошиблась, доверяя ей. Она черпала свои суждения из достоверных источников. Точно не слыша меня, она прошептала:

– Но все это так, Севериан. Никто не может предсказать

заранее их действия. Меня могут освободить хоть завтра. Это вполне возможно. Теперь-то им уж точно известно, что я здесь. Не смотри так! Мои друзья поговорят с Отцом Инире. Быть может, кто-нибудь даже упомянет обо мне в разговоре с Автархом. Тебе ведь известно, почему я здесь?

– Из-за чего-то связанного с твоей сестрой.

– Моя единокровная сестра Тея сейчас с Водалом. Говорят, будто она – его любовница, и это, по-моему, очень даже вероятно.

Я вспомнил прекрасную женщину на лестнице Лазурного Дома и сказал:

– Пожалуй, я однажды видел твою сестру. В некрополе. С ней был экзультант – вооруженный мечом, упрятым в трость, и очень красивый. Он сказал мне, что его имя – Водал. Лицо той женщины было правильной, округлой формы, а голос – словно у голубки. Похожа?

– Пожалуй, да. Они хотят, чтобы она предала Водала ради моего спасения, но она ни за что не сделает этого. И, когда они убедятся в этом, почему бы им не освободить меня?

Я заговорил о чем-то другом и продолжал, пока она не рассмеялась.

– Ты так умен, Севериан, что, сделавшись подмастерьем, будешь самым *церебральным* палачом в истории! Ужасно!

– Но у меня было впечатление, будто шатлене доставляют удовольствие такие беседы.

– Только сейчас, потому что не могу выйти отсюда. Мо-

жет быть, это окажется для тебя потрясением, но на свободе я редко уделяла время метафизике. Предпочитала танцевать или охотиться на пекари со сворой пятнистых гончих. А восхищающую тебя ученость приобрела еще в детстве, под угрозой палки учителя.

– Если шатлена захочет, мы можем не говорить о таких вещах.

Поднявшись, она зарылась лицом в принесенный мною букет.

– Теология цветов лучше теологии фолиантов, Севериан. Как, должно быть, прекрасно в некрополе, где ты сорвал их! Это ведь не могильные цветы, верно? Принесенные кем-то, чтобы почтить память покойного?

– Нет. Они были посажены там давным-давно. И каждый год расцветают.

В дверное окошко заглянул Дротт.

– Время! – Я поднялся.

– Как ты думаешь, может быть, ты увидишь мою сестру, шатлену Тею, еще раз?

– Думаю, вряд ли, шатлена.

– Но, Севериан, если увидишь, расскажешь ей обо мне? Возможно, они просто не могут связаться с ней. В этом не будет никакой измены – ты сделаешь для Автарха то, чего хочет он сам!

– Хорошо, шатлена.

Я шагнул за порог.

– Я знаю, она не предаст Водала, но возможен же какой-нибудь компромисс...

Дротт закрыл дверь и повернул ключ в скважине. От меня не укрылось, что Текла не спрашивала, как ее сестра с Водалом оказались в нашем древнем, давно забытом такими людьми, как они, некрополе. После освещенной светильником камеры коридор с рядами металлических дверей и отсыревшими стенами казался темным и мрачным. Дротт завел рассказ о том, как они с Рохом ездили на тот берег Гьёлля смотреть львов, но я все же расслышал последние слова Теклы:

– Напомни ей, как мы шили куклу для Жозефы!

Лилии, как и положено цветам, со временем отцвели; следом за ними распустились бутоны темных роз смерти. Нарвав фиолетовых, почти черных цветов, я также отнес их Текле. Она улыбнулась и процитировала:

Вот покоится Грации – не Целомудрия – Роза,
И ароматы ее розам не свойственны вовсе...

– Если шатлене неприятен запах...

– Вовсе нет, он очень мил. Я просто цитировала одну из любимых присказок моей бабушки. В юности она пользовалась дурной славой – по крайней мере, так говорила сама бабушка, – но, когда она умерла, все дети декламировали

этот стишок. А на самом деле он, наверное, гораздо старше, и корни его, подобно всему – хорошему ли, плохому – затеялись во времени. Скажи, Севериан, ведь мужчины желают женщин? Так почему же они презируют тех, коими обладают?

– Не думаю, что так поступают все мужчины, шатлена.

– Та прекрасная Роза отдала себя всю, без остатка, и за это была осмеяна так, что даже мне известно об этом, хотя и мысли, и плоть ее давно превратились в прах. Иди, сядь со мной рядом.

Я выполнил ее просьбу, и руки ее, скользнув под подол моей рубахи, стащили ее с меня через голову. Я хотел было протестовать, но противиться тому, что она делает, не мог.

– Чего тебе стесняться – ведь у тебя нет даже грудей, которые следует прятать! Никогда не видела такой белой кожи при таких темных волосах... Как ты думаешь – а у меня кожа белая?

– Белее не бывает, шатлена.

– И прочие думали так же, но все же она темна по сравнению с твоей. Когда станешь палачом, Севериан, избегай солнца. Иначе оно страшно обожжет тебя.

Сегодня ее волосы, которые она обычно оставляла распущенными, были обернуты вокруг головы наподобие темного нимба. Никогда еще она не была более похожа на свою сестру Тею, и я почувствовал такое желание, что силы начали покидать меня с каждым ударом сердца, будто я истекаю кровью.

– Зачем ты стучишь в мою дверь?

Ее улыбка показывала, что ответ ей хорошо известен.

– Я должен идти.

– Только прежде надень рубашку – твоему другу незачем видеть тебя таким.

Вечером я ушел в некрополь и несколько страж бродил среди безмолвных обитателей мертвых, хотя знал, что из этого ничего не выйдет. На завтра я вернулся туда, и следующим вечером – тоже, а на четвертый Рох взял меня с собой в город, и там, в одном питейном заведении, кто-то, казалось, знающий, что говорит, обмолвился, будто Водал сейчас далеко на севере – прячется среди скованных морозами лесов, нападая на кафилы.

Шли дни. Проведшая столько времени в полной безопасности, Текла уже твердо уверилась, что никогда не будет подвергнута пытке, и попросила Дротта доставить ей принадлежности для письма и рисования, при помощи которых намеревалась составить план своей новой виллы на южном берегу озера Диутурна, известного как самый отдаленный и прекрасный уголок Содружества. Я водил группы учеников купаться, полагая это своей обязанностью, хотя меня самого при одной мысли о том, чтобы нырнуть в воду, охватывал страх.

Затем – как всегда, внезапно – погода сделалась слишком холодной для купаний, однажды утром истертые булыжники Старого Подворья оказались покрыты инеем, а за обедом на

наших тарелках появилась свинина – верная примета того, что мороз добрался до холмов, лежащих ниже по течению Гьелля. Наконец я был вызван к мастеру Гюрло с мастером Палемоном.

– Вот уже не первый квартал, – начал мастер Гюрло, – мы получаем о тебе, Севериан, только положительные отзывы, и ученичество свое ты почти выслужил.

– Детство позади, – почти шепотом добавил мастер Палемон, – впереди – жизнь зрелого мужчины. – В голосе его слышалась искренняя симпатия.

– Именно, – подтвердил мастер Гюрло. – Праздник нашей святой покровительницы близок. Ты, без сомнения, уже подумал о будущем?

Я кивнул.

– Да. После меня капитаном станет Эата.

– А ты?

Я не понял, что он хочет сказать, и мастер Палемон, увидев это, мягко спросил:

– Кем будешь ты, Севериан? Палачом? Ведь ты можешь оставить гильдию, если будет на то твоя воля.

Я – твердо, будто даже слегка шокированный – ответил, что никогда и не помышлял о таком, но это было неправдой. Как и все ученики, я знал, что ни один из нас не является членом гильдии окончательно и бесповоротно, пока не даст на это согласия по достижении совершеннолетия. Более того, гильдию я любил, но в то же время ненавидел ее

всей душой. Нет, не из-за боли и мук, порой причиняемых невинным либо, по малости содеянного, не заслужившим столь строгого наказания. Я полагал бесполезным и ненужным служение власти не только неэффективной, но и безмерно далекой. Пожалуй, лучше всего выразить чувства, которые я питал к гильдии, так: я ненавидел ее за унижительную и изнурительную жизнь, любил за то, что она была моим домом, а разом любил и ненавидел потому, что она была древней и слабой и, казалось, должна была существовать вечно.

Конечно, я не стал высказывать всего этого мастеру Палемону, хотя мог бы, не будь с нами мастера Гюрло. Да, мне лично казалось невероятным, что моя облаченная в отрепья верность может быть принята всерьез; но все же это было так.

– Обдумывал ты возможность ухода или нет, – сказал мастер Палемон, – этот выбор для тебя открыт. Многие сказали бы, что только глупец способен, выслужив тяжкий срок ученичества, отказаться стать подмастерьем. Но все же ты вправе поступить так, если пожелаешь.

– Но куда же я пойду?

Вот что, хоть я и не мог сказать им этого, являлось настоящей причиной, побуждавшей меня остаться здесь. Я знал, что за стенами Цитадели – или даже за стенами нашей башни – простирается огромный мир, но не мог представить себе, какое место мог бы занять в нем. Оказавшись перед необходимостью выбирать между рабством и зияющей пустотой

свободы, я испугался, что получу ответ на свой вопрос, и добавил:

– Я вырос здесь...

– Да, – сказал мастер Гюрло самым официальным тоном, на какой был способен. – Но ты еще не палач. В одежды цвета сажи ты еще не облечен.

Сухая, морщинистая рука мастера Палемона пошарила в воздухе и отыскала мою.

– Посвящаемым в сан священника обычно говорят: «Да будешь ты эпоптом навеки!» Здесь имеется в виду не только приобщение к знанию, но и принятие помазания, которого не снять, не стереть, хотя оно и незримо. Каково наше помазание, тебе известно.

Я снова кивнул.

– Стереть его – невозможнее невозможного. Уйди ты сейчас, люди будут говорить о тебе только: «Его вырастили палачи». Но когда ты примешь помазание, люди скажут: «Он – палач!» Идя за плугом, маршируя под барабанную дробь, ты все равно будешь слышать: «Он – палач!» Ты понимаешь это?

– Я и не желал бы слышать ничего иного.

– Вот и хорошо, – сказал мастер Гюрло, и оба внезапно улыбнулись, причем мастер Палемон обнажил в улыбке редкие, кривые зубы, а зубы мастера Гюрло оказались квадратными и желтыми, точно у дохлой клячи. – Тогда настало время посвятить тебя в главную, окончательную тайну. – (Да-

же сейчас, когда я пишу это, мне отчетливо слышна торжественность в его голосе.) – До церемонии тебе неплохо было бы подумать над ней.

Затем они с мастером Палемоном открыли мне тайну, заключенную в самом сердце гильдии и еще более сокровенную, ибо в честь нее – той, что лежит обнаженной на коленях самого Вседержителя, – не служат литургий.

После этого я дал клятву не раскрывать этой тайны никогда и никому – кроме тех, кто, подобно мне, сейчас принимает посвящение в гильдию. И клятвы этой наряду с множеством прочих впоследствии не сдержал.

XI

Празднество

День нашей святой покровительницы приходится на самый конец зимы, и в этот день мы веселимся вовсю. Во время шествия подмастерья представляют танец мечей с фантастическими прыжками и пируэтами; мастера возжигают в разрушенной часовне Большого Двора тысячу ароматических свечей; мы же накрываем столы для пиршества.

В нашей гильдии прошедший год считается *изобильным*, если в этот день хотя бы один подмастерье возвышается до звания мастера, *урожайным*, если хотя бы один ученик становится подмастерьем, и *скудным*, если никаких возвышений не происходит. Поскольку в тот год, когда я стал подмастерьем, ни один из подмастерьев не поднялся до мастера (что неудивительно – такое случается реже чем раз в десятилетие), церемония возложения маски на меня завершала урожайный год.

Даже в этом случае приготовления к празднеству заняли не одну неделю. Я слышал, будто в стенах Цитадели трудятся члены не менее ста тридцати пяти гильдий. Некоторые из них (наподобие кураторов) слишком немногочисленны, чтобы праздновать день своего святого в часовне, и потому вынуждены присоединяться к своим городским собратьям. Те, кто числом поболе, стараются изо всех сил – пышность

празднеств служит репутации гильдии. Солдаты – на Адриана, матросы – на Варвару, ведьмы – в день святой Мэг и так далее. И все стараются при помощи убранства, представлений и дарового угощения привлечь на церемонию как можно больше стороннего людa.

Все – кроме гильдии палачей. Ни один посторонний не ужинал с нами в день святой Катарины более трехсот лет. Последним, отважившимся явиться к нашему столу, был, говорят, некий лейтенант стражи, сделавший это на пари. Существует множество пустопорожних баек, повествующих о том, как с ним обошлись, – например, будто его усадили за праздничный стол в кресло из раскаленного докрасна железа. Но все они лгут. В соответствии с обычаями гильдии, он был принят с почетом и угощен на славу. Однако оттого, что мы за мясом и праздничным пирогом отнюдь не хвастались друг перед другом причиненными клиентам муками, не изобретали новых методов пытки и не проклинали тех, кто умер под пыткой слишком быстро, он испугался еще сильнее – вообразил, будто мы усыпляем его бдительность с тем, чтобы впоследствии захватить врасплох. С этими мыслями он много пил, мало закусывал, а вернувшись в казармы, пал наземь и принялся биться головой об пол, словно в одночасье потерял все, во что верил, и пережил великие страдания. Через некоторое время он сунул в рот ствол своего оружия и нажал на спуск, но уж в том нашей вины не было ни грана.

После этого в часовне на святую Катарину не бывало ни-

кого, кроме палачей. Но все же каждый год (зная, что на нас смотрят из-за высоких стрельчатых окон) мы готовимся к празднику, подобно всем прочим, и даже усерднее. И в этот раз на столах у входа в часовню наши вина сверкали в свете сотни свечей, словно рубины; жареные быки не жились в лужах подливки, дымясь и вращая глазами из цельных лимонов; агути и капибары в шкурах из хрустящего поджаренного кокоса, будто живые, резвились на бревнах из ветчины и каменных россыпях из свежее выпеченного хлеба.

Мастера, каковых в тот год, когда я стал подмастерьем, было всего двое, прибыли на праздник в паланкинах с занавесками, сплетенными из цветущих ветвей, и ступили на ковры, выложенные из разноцветного песка, – картины эти, повествующие о традициях гильдии, подмастерья выкладывали по зернышку в течение многих дней, чтобы стопы мастеров разметали их в один миг.

Внутри ждали своего часа огромное шипастое колесо, дева и меч. Колесо это я знал отлично, так как раз десять за время ученичества помогал устанавливать и убирать его. В обычные дни оно хранилось в башне, под артиллерийской площадкой. Меч, шагов с двух выглядевший совсем как настоящее орудие палача, был простой деревяшкой, насаженной на старый эфес и выкрашенной блестящей серебряной краской.

Вот о деве не могу сказать ничего. Во время первых праздников, которые могу вспомнить, я по малолетству просто не

задумывался о ней. Когда стал постарше (капитаном в те годы был Гильда, вышедший в подмастерья задолго до того дня, о котором я пишу сейчас) – считал, что это, должно быть, одна из ведьм, но еще через год или два понял, сколь крамольной была эта мысль.

Возможно, она была служанкой из какой-то отдаленной части Цитадели. Возможно, жительницей города, за плату либо в силу неких старых связей с нашей гильдией согласившейся играть эту роль. Не знаю. Знаю только, что эта женщина – насколько я могу судить, одна и та же – участвовала в нашем празднике каждый год. Была она высокой и стройной, хотя и не такой высокой и стройной, как Текла, смуглой, черноглазой, жгучей брюнеткой. Подобного лица я больше не видел никогда и нигде – оно казалось чистым, глубоким озером среди лесной чащи.

Пока мастер Палемон, как старший из мастеров, рассказывал нам об основании гильдии и жизни наших предшественников в доледниковые времена (эта часть повествования каждый год, по мере продвижения ученых изысканий мастера Палемона, менялась), она стояла между мечом и колесом. Молча стояла она и тогда, когда мы запели Песнь Страха – исполнявшийся лишь раз в году гимн гильдии, который каждый ученик должен знать назубок. Молчала она и тогда, когда мы преклонили колени для молитвы.

После вознесения молитв мастер Гюрло и мастер Палемон, при помощи десятка старших подмастерьев, начали ее

легенду. Иногда декламировал кто-то один, иногда – все вместе, а порой двое возглашали каждый свое, в то время как прочие играли на флейтах, выточенных из бедренных костей, и трехструнных ребеках, визжавших совсем по-человечьи.

Когда они достигли той части повествования, в которой Максентий приговаривает нашу святую к смерти, четверо подмастерьев в масках бросились к деве и схватили ее. Она, столь молчаливая и безмятежная прежде, с криком рванулась прочь. Тщетно! Но стоило подмастерьям подтащить ее к колесу, как оно внезапно зашевелилось. При свете свечей поначалу казалось, будто из обода наружу выбралось множество змей – зеленых питонов с алыми, лимонно-желтыми и белыми головами. Но это были не змеи, это были всего-навсего цветы – бутоны роз. Вот деву отделяет от колеса всего один шаг – и бутоны (я прекрасно знал, что они сделаны из бумаги и упрятаны до времени в сегменты обода) распускаются! Подмастерья отступают, изображая страх, но судьи – мастер Гюрло, мастер Палемон и прочие, хором декламирующие слова Максентия, – гонят их вперед.

Тогда вперед выступил я – все еще без маски и в одежде ученика.

– Сопротивление не принесет пользы. Ты будешь изломана на колесе, однако не претерпишь дальнейшего бесчестья.

Дева молча потянулась к колесу и коснулась его, отчего розы исчезли, и оно разом распалось на куски, с грохотом

рухнувшие на пол.

– Обезглавь ее, – велел Максентий.

Я взялся за меч. Он оказался очень тяжел.

Дева опустилась передо мной на колени.

– Ты – посланница Всеведущего, – сказал я. – И, хоть тебе предстоит погибнуть от моей руки, я молю тебя пощадить мою жизнь.

Тут дева впервые отверзла уста, сказав:

– Рази и не страшись ничего.

Я поднял меч. Помню, что на миг испугался, как бы его тяжесть не заставила меня потерять равновесие.

Когда я вспоминаю те времена, этот момент всплывает в сознании прежде всего. Именно он остается точкой отсчета, откуда приходится двигаться вперед или же возвращаться назад, чтоб вспомнить большее. В воспоминаниях я всегда стою так – в серой рубаше и рваных штанах, с мечом, занесенным над головой. Поднимая его, я был учеником, а когда клинок опустится – сделаюсь подмастерьем Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Есть правило, согласно которому экзекутор должен находиться между своей жертвой и источником света; таким образом, плаха, на которой лежала голова девы, была почти полностью скрыта в тени. Я знал, что удар не причинит ей вреда – мне следовало направить клинок чуть вбок и привести в действие хитроумный механизм, который высвободит из тайника в плахе восковую голову, вымазанную кровью,

тогда как дева незаметно спрячет свою собственную под капюшон цвета сажии. Знал, однако с ударом все-таки медлил.

Дева заговорила снова. Голос ее звоном отдался в ушах:
– Рази и не страшись ничего.

И тогда я изо всех сил обрушил вниз поддельный клинок. На миг показалось, будто он противится этому. Затем деревяшка врезалась в плаху, тут же распавшуюся надвое, и окровавленная голова девы покатилась к ногам моих собратьев, наблюдавших за казнью. Мастер Гюрло поднял ее за волосы, а мастер Палемон подставил горсть под струю крови, хлынувшей на пол.

– Сим помазую тебя, Севериан, – заговорил он, – и нарекаю братом нашим навеки.

Его средний палец коснулся моего лба, оставив на нем кровавый след.

– Да будет так! – провозгласили мастер Гюрло и все подмастерья, кроме меня.

Дева поднялась на ноги. Мне было отлично известно, что ее голова всего-навсего скрыта под капюшоном цвета сажии, и все же впечатление ее отсутствия было полным. Казалось, усталость и головокружение вот-вот свалят с ног.

Забрав у мастера Гюрло восковую голову, дева сделала вид, будто водружает ее обратно на плечи, но на самом деле просто ловко и незаметно спрятала под капюшон – и встала перед нами, живая, здоровая, ослепительная. Я преклонил перед нею колени, а остальные отступили назад.

Подняв меч, которым я до этого якобы обезглавил ее (лезвие от соприкосновения с восковой головой тоже было в крови), она провозгласила:

– Отныне принадлежишь ты палачам!

Я почувствовал, как меч касается моих плеч, и тут же нетерпеливые руки надели на меня гильдейскую маску и подняли в воздух. Еще прежде, чем понял как следует, что происходит, я оказался на плечах двух подмастерьев – только потом узнал, что это были Дротт с Рохом, хотя мог бы сразу догадаться. Под приветственные крики они пронесли меня по главному проходу часовни.

Как только мы оказались снаружи, начался фейерверк. Под ногами и даже в воздухе, над самым ухом, трещали шутихи, под тысячеletними стенами часовни рвались петарды, зеленые, желтые и красные ракеты взмывали ввысь. Ночное небо разорвал пополам пушечный выстрел с Башни Величия.

Выше я уже описывал все великолепие, ждавшее нас на столах во дворе. Меня усадили во главе стола, между мастером Гюрло и мастером Палемоном, в мою честь возглашались тосты и здравицы, и я выпил чуть больше, чем следовало (для меня даже самая малость всегда оказывалась чуточку большей, чем следовало бы).

Что было дальше с девой, я не знаю. Она просто исчезла, как и в любой другой день святой Катарины, который я могу вспомнить. Больше я не видел ее никогда.

Как я оказался в кровати – не имею ни малейшего представления. Те, кто пьет помногу, рассказывали, что порой забывают все, что случилось с ними под конец ночи, – возможно, так же произошло и со мной. Но скорее, я (я ведь никогда ничего не забываю и даже, признаться, хоть это выглядит чистой похвалой, не понимаю, что именно имеют в виду другие, говоря, будто забыли что-то, ибо все, пережитое мной, становится частью меня самого) просто заснул за столом и был отнесен туда.

Как бы там ни было, проснулся я не в знакомой комнате с низким потолком, служившей нам dormitorio, но в маленькой – в высоту больше, чем в ширину, – каютке подмастерья. Поскольку я был из подмастерьев младшим, каюта мне досталась самая худшая во всей башне – крохотная, не больше камеры в подземных темницах, комнатенка без окон.

Казалось, кровать раскачивается подо мной. Ухватившись за ее края, я сел, и качка прекратилась, чтобы начаться вновь, едва я опять коснусь головой подушки. Я почувствовал себя полностью проснувшимся, а затем – будто проснулся снова, проспав какое-то мгновение. Я знал, что в крохотной каютке со мной был кто-то еще, и по какой-то причине, которую не могу объяснить, полагал, будто это была та молодая женщина, игравшая роль нашей святой покровительницы.

Я опять сел на качающейся кровати. Комната была пуста,

лишь тусклый свет сочился внутрь из-за дверей.

Когда я лег снова, комната наполнилась ароматом духов Теклы. Значит, здесь побывала та, фальшивая, Текла из Лазурного Дома! Я выбрался из постели и, едва не упав, распахнул дверь.

Коридор за дверью был пуст.

Под кроватью в ожидании своего часа стоял ночной горшок. Вытащив его, я склонился над ним, и меня обильно вырвало жирным мясом и вином пополам с желчью. Из глаз покатились слезы. Отчего-то казалось, будто я совершаю предательство, будто, извергнув все, что накануне даровала мне гильдия, я отвергаю и самую гильдию. Наконец я смог начисто утереться и снова лечь в постель.

Несомненно, я снова заснул. Я увидел нашу часовню, однако она больше не лежала в руинах. Крыша ее была совершенно целой, с острым высоким шпилем и рубиновыми лампами, подвешенными к карнизу над входом. Отполированные до блеска, плиты пола сверкали, совсем как новые, а древний каменный алтарь был убран златотканой парчой. Стену позади алтаря украшала чудесная мозаика, изображавшая пустое голубое пространство, словно на нее наклеили вырезанный кусок неба без единой тучки или звездочки.

Я направился вдоль главного прохода к алтарю и по дороге был поражен тем, насколько это небо светлее настоящего, синева коего даже в самый ясный день почти черна. Сколь же прекраснее настоящего было это мозаичное небо! Глядя

на него, я невольно затрепетал. Его красота вознесла меня ввысь, а алтарь с чашей багряного вина, хлебами предложения и старинным кинжалом остался внизу. Опустив взгляд к алтарю, я улыбнулся...

...и открыл глаза. Во сне я слышал доносившиеся из коридора шаги и даже узнал их, хотя теперь не мог вспомнить, кому они принадлежали. С некоторыми усилиями я все же вспомнил звук – то были не человеческие шаги, а всего лишь мягкая поступь лап и еле уловимое поцокивание когтей.

И вдруг звук шагов донесся до меня снова – столь слабо, что мне показалось, будто я спутал воспоминания с реальностью, но звук, вполне настоящий, то удалялся по коридору, то вновь приближался к дверям. Однако стоило мне чуть приподнять голову, к горлу опять подступила волна тошноты. Я опустился на подушку, сказав себе, что тот, кто расхаживает по коридору взад-вперед, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Запах духов исчез, и я, хоть чувствовал себя ужасно, понял, что нереального больше не нужно бояться, ибо я снова вернулся в мир незыблемых вещей и ясного света. Дверь чуть приотворилась, и в комнату, точно желая удостовериться, что со мною все в порядке, заглянул мастер Мальрубий. Я помахал ему рукой, и он закрыл дверь. Далеко не сразу я вспомнил, что мастер Мальрубий умер, когда я был еще совсем мал.

XII

Изменник

Весь следующий день меня мучила тошнота и головная боль. Но в силу давних традиций от уборки Большого Двора и часовни я, в отличие от большинства братьев, был освобожден. Меня поставили дежурить в темницах. Утренняя тишина коридоров успокаивала, однако вскоре примчались ученики (в их числе и тот малец, Эата, со вспухшей губой и победным блеском в глазах), принесшие клиентам завтрак – в основном холодное мясо, оставшееся от праздничного пира. Пришлось объяснять десятку клиентов, что мясо они получают только сегодня, в этот единственный в году день, и, кроме того, сегодня не будет никаких пыток, ибо день праздника и следующий за ним – особые, и даже если режим заключения требует применения в эти дни пыток, процедура откладывается. Шатлена Текла все еще спала. Я не стал будить ее – просто отпер дверь и поставил ее поднос на столик.

Примерно в середине утра я вновь услышал шаги и, подойдя к лестнице, увидел двоих катафрактов, анагноста, читающего молитвы, мастера Гюрло и молодую женщину. Мастер Гюрло спросил, имеется ли в ярусе свободная камера, и я принялся описывать пустующие.

– Тогда прими заключенную. Я за нее уже расписался.

Кивнув, я взял женщину за плечо; катафракты выпусти-

ли ее и четко, точно два сверкающих серебристым металлом механизма, развернувшись, удалились.

Судя по хорошему атласному платью (уже кое-где испачканному и порванному), женщина была оптиматой. Платье армигеты было бы скромнее, но дороже, а из классов победнее так одеваться не может позволить себе никто. Анагност хотел было последовать за нами, но мастер Гюрло не позволил. По лестнице сталью гремели шаги солдат.

– А когда меня...

В ее высоком голосе отчетливо слышался страх.

– ...отведут в комнату для допросов?

Она вцепилась в мою руку, как будто я был ее отцом или возлюбленным.

– Меня в самом деле отведут туда?

– Да, госпожа.

– Откуда тебе знать?

– Туда попадают все, госпожа.

– Все? Разве никогда никого не выпускают?

– Изредка.

– Значит, могут выпустить и меня, ведь так?

Надежда в ее голосе напоминала расцветший в тени цветок.

– Возможно, но очень маловероятно.

– И ты даже не хочешь знать, что я такого сделала?

– Нет, – ответил я.

Случайно камера по соседству с Теклой была свободна;

какое-то мгновение я размышлял, не поместить ли эту женщину туда. С одной стороны, у Теклы будет собеседница (через окошки в дверях при желании можно было переговариваться), с другой же – вопросы этой женщины и звук отпирающейся двери могут потревожить ее сон. Наконец я решил, что наличие компании компенсирует нарушение сна.

– Я была обручена с одним офицером и узнала, что он содержит какую-то шлюху. Он отказался бросить ее, и я наняла бандитов, чтобы подожгли ее хижину. Сгорела пуховая перина, кое-что из мебели да кое-какая одежда. Неужели это – такое уж преступление, за которое следует подвергать пыткам?

– Не могу знать, госпожа.

– Меня зовут Марселлина. А тебя?

Поворачивая ключ в замке, я размышлял, стоит ли ей отвечать. Текла, уже зашевелившаяся в своей камере, скажет ей в любом случае.

– Севериан, – сказал я.

– И ты зарабатываешь свой хлеб, ломая чужие кости. Хорошие, должно быть, тебе снятся сны!

Текла уже глядела сквозь окошко в своей двери. Глаза ее были огромны и глубоки, как два колодца.

– Кто это был с тобой, Севериан?

– Новая заключенная, шатлена.

– Женщина? Я слышала ее голос... Из Обители Абсолюта?

– Нет, шатлена.

Я не знал, когда им еще представится случай поглядеть друг на дружку, и потому подвел Марселлину к дверям камеры Теклы.

– Еще одна женщина... разве не удивительно? Сколько у вас здесь женщин, Севериан?

– На нашем ярусе сейчас восемь, шатлена.

– Можно подумать, что обычно бывает и больше!

– Нет, шатлена, их крайне редко бывает более четырех.

– И долго ли мне придется оставаться здесь? – спросила Марселлина.

– Нет, госпожа. Надолго задерживаются лишь немногие.

– Меня, видишь ли, вот-вот освободят, – с какой-то нездоровой серьезностью в голосе сказала Текла. – Севериан знает об этом.

Новая клиентка разглядывала Теклу с возрастающим интересом, насколько позволяло окошко.

– Тебя в самом деле освободят, шатлена?

– Он знает. Он отослал для меня письма – ведь так, Севериан? Пройдет несколько дней, и я распрощаюсь с ним. Он – в своем роде очень милый мальчуган.

– Теперь ты должна идти в камеру, госпожа, – сказал я. – Можете продолжать беседу, если желаете.

После раздачи клиентам ужина меня сменили. Дротт, встретив меня на лестнице, сказал, что мне стоило бы пойти прилечь.

– Это все из-за маски, – возразил я. – Ты еще не привык видеть меня в ней.

– Я вижу твои глаза, и этого достаточно. Разве ты не можешь узнать по глазам любого из братьев и сказать, зол ли он или же в шутливом настроении? Ты уже должен идти спать.

Я объяснил, что прежде должен сделать еще кое-что, и отправился в кабинет мастера Гюрло. Как я и надеялся, его не оказалось на месте, а среди бумаг на столе лежал – не могу объяснить отчего, но я был уверен, что найду его там, – приказ о применении к шатлене Текле пытки.

После этого я уже не мог просто лечь и заснуть. Я направился (в последний раз, хоть и не знал этого тогда) к мавзолею, где играл мальчишкой. Саркофаг моего старого экзультанта совсем потускнел, сухих листьев на полу поприбавилось, но в остальном ничего не изменилось. Однажды я рассказывал Текле об этом месте и теперь представил себе, что она – со мной; будто я устроил ей побег, пообещав, что здесь ее никто не найдет, а я буду приносить ей еду и, когда минует опасность, помогу уплыть на купеческой дау вниз по течению, к дельте Гьёлля, к морскому побережью.

Да, будь я героем наподобие тех, о которых мы вместе читали в старинных романах, – освободил бы ее в тот же вечер, одолев или подпоив чем-нибудь братьев, стоящих на страже. Увы, я не был героем старинного романа, да и ни снотворного, ни оружия серьезнее украденного с кухни ножа под рукой не имел.

И если уж быть до конца честным, между моим сокровеннейшим «я» и этим отчаянным поступком стояли слова, сказанные ею в то утро – первое после моего возвышения. Шатлена Текла назвала меня «очень милым в своем роде мальчуганом», и какая-то уже созревшая часть моего естества сознавала, что я, даже преуспев в столь отчаянном предприятии, все равно останусь для нее всего лишь «очень милым в своем роде мальчуганом». В те времена подобные вещи для меня значили многое.

На следующее утро мастер Гюрло назначил меня ассистировать при исполнении процедуры. Третьим с нами пошел Рох.

Я отпер ее камеру. Вначале она не понимала, зачем мы явились, и даже спросила, не допущен ли к ней посетитель и не освобождают ли ее наконец, но к тому времени, как мы добрались до места назначения, поняла все.

Многие мужчины в этот момент теряли сознание, но она устояла. Мастер Гюрло любезно осведомился, не желает ли шатлена получить объяснения относительно разнообразных механизмов, находившихся в комнате для допросов.

– То есть тех, которые будут применены ко мне?

– Нет, нет, зачем же! Я говорю обо всех тех любопытных машинах, которые мы увидим по пути. Некоторые изрядно устарели, а большую часть вообще вряд ли когда-либо использовали.

Прежде чем дать ответ, Текла огляделась вокруг. Комната для допросов – наше рабочее помещение – не поделена на камеры. Это довольно обширный зал, потолок коего подпирают, точно колонны, трубы древних двигателей, а пол загроможден принадлежностями нашего ремесла.

– И то, что будет применено ко мне, тоже устарело?

– Ну этот аппарат – самый почитаемый из всех!

Сделав паузу, мастер Гюрло подождал, не последует ли ответная реплика, и, не дождавшись ответа, продолжил:

– «Воздушный змей» знаком тебе наверняка, его знают все, а вот за ним... сюда, пожалуйста, так будет видно лучше... за ним – то, что в нашем кругу зовется «Аппаратом». Он предназначен для впечатывания любого требуемого лозунга в плоть клиента, но постоянно ломается. Я вижу, ты смотришь на тот старый столб – в нем нет никаких секретов. Просто столб для обездвиживания рук плюс тринадцатихвостая плеть, посредством коей производится процедура. Раньше он стоял на Старом Подворье, но ведьмы жаловались, и кастелян заставил нас перенести его сюда. Это случилось около ста лет тому назад.

– Кто такие ведьмы?

– Боюсь, сейчас у нас нет времени вдаваться в подобные материи. Севериан объяснит тебе, когда ты вернешься в камеру.

Она взглянула на меня, словно спрашивая: «Я в самом деле вернусь туда?», и я, пользуясь тем, что мастер Гюрло не

видит, на миг сжал ее ледяную ладонь в своей.

– А вон там...

– Подожди. У меня есть выбор? Существует ли способ уговорить вас... применить одно приспособление вместо другого?

Голос ее звучал по-прежнему твердо, но несколько тише и глуше.

Мастер Гюрло отрицательно покачал головой.

– В этом мы не вольны, шатлена. Как и ты сама. Мы приводим в исполнение присланный нам приговор. Ни более, ни менее. – Он смущенно кашлянул. – Вот это, пожалуй, окажется интересным – «Ожерелье Аллоуина», как мы его называем. Клиента привязывают к этому креслу, причем на грудь ему накладывается эта подушечка. Каждый вдох, сделанный после этого, ту же затягивает вон ту цепочку; таким образом, чем больше клиент дышит, тем меньше воздуха получает с каждым следующим вдохом. Теоретически данная процедура может длиться бесконечно – если вдохи очень неглубоки и натяжение цепочки, соответственно, возрастает понемногу.

– Какой ужас! А как называется та путаница проводов и стеклянный шар над столом?

– О-о, – ответил мастер Гюрло, – это наш «Революционер»! Клиент ложится сюда... не угодно ли шатлене лечь?

Текла застыла на месте. Ростом она была гораздо выше любого из нас, однако невообразимый ужас на лице полно-

стью скрадывал и ее рост, и величественную осанку.

– Иначе, – продолжал мастер Гюрло, – подмастерья будут вынуждены уложить тебя силой. И это тебе, шатлена, безусловно, не понравится.

– Я думала, – прошептала Текла, – что ты покажешь мне все эти механизмы...

– Мне просто нужно было отвлечь чем-либо мысли клиентки перед процедурой. На этом нам придется закончить экскурсию, шатлена. Теперь, пожалуйста, ляг: я не стану повторять просьбы.

Она тут же опустилась на стол – быстро, изящно, как ложилась на свою койку в камере. Ремни, которыми мы с Рохом пристегивали ее к столешнице, оказались такими старыми и растрескавшимися, что я даже засомневался, выдержат ли они.

Из конца в конец комнаты для допросов тянулись провода, подсоединенные к реостатам и динамо-машинам. На пульте управления, точно кроваво-красные глаза, мерцали древние огни. Зал наполнился гулом наподобие жужжания какого-то огромного насекомого. На несколько мгновений древние двигатели башни ожили вновь. Какой-то провод выскочил из гнезда; вокруг бронзовых штырей на его конце мерцали искры – голубые, будто пламя горящего бренди.

– Молния, – объяснил мастер Гюрло, вгоняя штыри в гнездо. – Для этого есть и другое название, но я забыл. Во всяком случае, «Революционер» приводится в действие по-

средством молнии. Конечно же, эта молния не ударит тебя, шатлена, но именно сила, заключенная в ней, заставляет механизм делать свое дело. Севериан, передвинь свою рукоять до этого шпенька.

Рукоять, мгновением раньше холодная, точно гадюка, успела ощутимо нагреться.

– Что же этот механизм делает с клиентами?

– Не могу описать, шатлена. На себе, понимаешь ли, пробовать ни разу не довелось.

Мастер Гюрло коснулся ручки на пульте управления, и распростертую на столе Теклу залил ослепительно-белый, обесцветивший все, чего коснулся, свет. Текла закричала. Я всю свою жизнь слышу крики, однако этот был самым ужасным, хотя и не самым громким из них, ибо обладал размеренностью скрипа плохо смазанного колеса.

Когда ослепительный свет погас, Текла еще пребывала в сознании. Широко раскрытые глаза ее смотрели в потолок, однако руки моей она словно бы не увидела, а прикосновения не почувствовала. Дыхание ее участилось.

– Может быть, подождать, пока она не сможет идти? – спросил Рох, явно представив себе, как неудобно будет нести женщину столь высокого роста на руках.

– Нет, забирайте, – велел мастер Гюрло, и мы взялись за дело.

Покончив с дневными работами, я спустился в темницы навестить Теклу. К тому времени она вполне пришла в себя,

но встать еще не могла.

– Мне следовало бы возненавидеть тебя, – сказала она.

Чтобы расслышать ее, пришлось наклониться к самой подушке.

– Я бы не удивился.

– Но я не стану... Нет, не ради тебя... если я возненавижу последнего своего друга, что мне останется?

На это сказать было нечего, и потому я промолчал.

– Знаешь, каково это? Долгое время я даже думать об этом не могла...

Ее правая рука вдруг медленно поползла вверх, подбираясь к глазам. Я поймал ее и прижал к кровати.

– Я словно увидела своего злейшего врага, сущую дьяволицу. И дьяволица эта – я сама.

Скальп ее кровоточил. Достав чистую корпию, я промокнул ранки, хотя и знал, что вскоре кровь свернется сама. В пальцах левой руки Теклы запутались пряди вырванных с корнем волос.

– После этого я уже не властна над собственными руками... могу управлять ими, только если специально думаю об этом и понимаю, что они намерены сделать. Но это очень тяжело, а я так устала... – Склонив голову набок, она сплюнула на пол кровавой слюной. – Кусаю сама себя – щеки изнутри, язык, губы... Один раз собственные руки хотели задушить меня, и я подумала: «Вот и хорошо, наконец я умру...» Но стоило мне потерять сознание, они, должно быть, тоже утра-

тили силу – я очнулась. Совсем как с тем механизмом, верно?

– Да, как с «Ожерельем Аллоуина», – подтвердил я.

– И даже хуже. Теперь мои руки пытаются ослепить меня, вырвать веки. Я в самом деле ослепну, да?

– Да, – сказал я.

– А долго ли я еще проживу?

– Возможно, с месяц. Эта тварь внутри тебя, подспудная ненависть к себе самой, разбуженная «Революционером», будет слабеть вместе с тобой, ведь ее сила – твоя сила. В конце концов вы умрете вместе.

– Севериан...

– Да?

– Впрочем... Эта тварь от Эреба или Абайи – вполне подходящий для меня компаньон. Водал...

Я наклонился еще ближе к ней, но не смог расслышать ни слова и наконец сказал:

– Я хотел спасти тебя. Украл нож и целую ночь ждал удобного случая. Но заключенного может вывести из камеры только мастер, и мне пришлось бы убивать...

– ...своих друзей.

– Да, своих друзей.

Руки ее вновь зашевелились; из уголка рта потекла кровь.

– Ты принесешь мне этот нож?

– Он у меня с собой.

Я вынул нож из-под плаща – обычный кухонный нож, око-

ло пяди в длину.

– С виду острый...

– И не только с виду. Я знаю, как обращаться с лезвием, и хорошо наточил его.

Больше я ничего не сказал. Просто вложил нож ей в руку и вышел прочь.

Я знал, что на некоторое время ей еще хватит воли, чтобы сопротивляться. Тысячу раз в голове мелькала одна и та же мысль: повернуть назад, отнять нож, и тогда никто ничего не узнает. И я смогу спокойно прожить в гильдии всю свою жизнь.

Если она и захрипела перед смертью, я не услышал этого – лишь через некоторое время увидел багряную струйку, ползущую в коридор из-под двери. Тогда я отправился к мастеру Гюрло и признался во всем.

XIII

Ликтор города Тракса

Следующие десять дней я прожил как клиент в камере верхнего подземного яруса (не так уж далеко от той, где держали Теклу). Поскольку гильдия не имела права держать меня в заточении в обход законных процедур, на замок двери не запирали, однако снаружи дежурили двое подмастерьев с мечами, и я переступал порог лишь единожды, на второй день, когда меня водили к мастеру Палемону, чтобы доложить о происшедшем и ему. Это, если хотите, и было судом надо мной, а оставшиеся восемь дней ушли на вынесение приговора.

Говорят, будто время имеет странное свойство – сохранять в целости факты, делая нашу прошлую ложь истиной. Так вышло и со мной. Я лгал, утверждая, будто люблю нашу гильдию и не желаю для себя иной жизни. Теперь ложь эта обернулась правдой: жизнь подмастерья или даже ученика казалась мне бесконечно привлекательной. Нет, не только от уверенности в скорой смерти – все это тянуло к себе оттого, что было бесповоротно утрачено. Теперь я смотрел на своих братьев глазами клиента, и с этой точки зрения они казались неизмеримо могущественными, воплощенными первоосновами огромного, враждебного, почти безупречного механизма.

Теперь, находясь в совершенно безнадежном положении, я ощутил на себе то, что внушил мне однажды мастер Мальрубий: надежда есть физиологический процесс, не зависящий от реалий внешней среды. Я был молод, я получал достаточно пищи и вволю спал и потому надеялся. Вновь и вновь, засыпая и просыпаясь, я мечтал о том, что в самый последний миг Водал явится мне на выручку – и не один, как в тот раз, в некрополе, но во главе армии, которая сметет с лица Урд тысячелетнюю гниль и снова сделает нас повелителями звезд. Мне часто казалось, будто из коридора доносится грохот шагов этой армии, а порой я даже подносил свечу к дверному окошку, так как думал, будто там, за дверью, мелькнуло лицо Водала.

Я, как уже было сказано, не сомневался, что буду казнен. Больше всего в те дни мои мысли были заняты тем, как именно это произойдет. Я был обучен всем премудростям палаческого искусства и теперь оценивал способы казни – иногда один за другим, в том порядке, в каком их нам преподавали, иногда же – все вкупе, словно впервые открывая для себя сущность боли. Жить день за днем в камере, под землей, и думать о муках мучительно само по себе.

На одиннадцатый день меня вызвали к мастеру Палемону. Я снова увидел яркий солнечный свет и вдохнул воздух, напоенный влагой, принесенной ветром, предвещающим скорую весну. Но чего стоило мне пройти мимо распахнутых

дверей башни и увидеть сквозь нее ворота в стене, возле которых мирно почивал в кресле Брат Привратник!

Кабинет мастера Палемона показался мне огромным и бесконечно – словно все заполнявшие его пыльные книги и бумаги были моими собственными – дорогим. Мастер попросил меня сесть. Он был без маски и казался гораздо более старым, чем прежде.

– Мы с мастером Гюрло обсудили твой поступок, – сказал он. – Пришлось посвятить в происшедшее также и подмастерьев, и даже учеников. Им лучше знать правду. Большинство сошлось на том, что ты заслуживаешь смерти.

Он сделал паузу, ожидая, что я отвечу на это, но я молчал.

– Однако многие высказывались и в твою защиту. Некоторые подмастерья в частных беседах со мной и с мастером Гюрло настаивали на том, чтобы тебе было позволено умереть без боли.

Уж не знаю отчего, но мне вдруг показалось необычайно важным, сколько нашлось таких, кто выступил в мою защиту, и я спросил об этом.

– Более чем двое и более чем трое. Точное количество не имеет значения. Или ты не думаешь, что заслужил смерть в муках?

– Я желал бы казни на «Революционере», – сказал я, надеясь, что, если попрошу о такой смерти как о снисхождении, мне будет отказано.

– Да, пожалуй, это подошло бы. Но...

Он снова сделал паузу. Мгновения тишины тянулись бесконечно долго. Первая бронзовая муха нового лета, жужжа, билась о стекло иллюминатора. Хотелось и прихлопнуть ее, и, поймав, отпустить на свободу, и заорать на мастера Палемона, чтобы он продолжал, и даже убежать прочь из его кабинета, но ничего этого я сделать не мог. Вместо этого я опустил в старое деревянное кресло возле его стола, чувствуя, что уже мертв, хотя смерть была еще впереди.

– Понимаешь ли, мы не можем казнить тебя. Тяжеленько мне было убедить в этом Гюрло, и все же это так. Убей мы тебя без суда, окажемся не лучше, чем ты: ты обманул нас, а мы в этом случае обманем закон. Подобное Инквизитор, безусловно, объявил бы убийством, и на репутацию гильдии легло бы несмываемое пятно.

Он снова умолк, ожидая, что я скажу, и я заговорил:

– Но за то, что я сделал...

– Да. Приговор был бы совершенно справедлив. Однако мы не имеем законного права своевластно лишать тебя жизни. Обладатели этого права охраняют свои прерогативы ревностно. Обратись мы к ним, вердикт был бы однозначен, но дело получило бы нежелательную для гильдии огласку. Наш кредит доверия исчерпался бы раз и навсегда, что повлекло бы за собой строгий сторонний надзор над делами гильдии. Хотелось бы тебе, Севериан, чтобы наших клиентов стерегли солдаты?

Перед внутренним взором моим внезапно встало то же ви-

дение, что и тогда, под водой, когда я едва не утонул. Как и в тот раз, оно влекло к себе – мрачно, неодолимо.

– Я предпочел бы расстаться с жизнью добровольно, – ответил я. – Отплыть подальше от берега, где никто не придет на помощь, и утонуть.

Тень горькой улыбки мелькнула на морщинистом лице мастера.

– Я рад тому, что никто, кроме меня, не слышал твоего предложения. Мастер Гюрло был бы слишком уж рад отметить, что до наступления купального сезона придется ждать не менее месяца, иначе происшествие вызовет толки.

– Но я говорю совершенно искренне! Да, я хочу умереть безболезненно – но именно умереть, а вовсе не оттянуть гибель!

– Твое предложение неприемлемо, даже если бы лето уже было в самом разгаре. Инквизитор все равно мог бы счесть нас причастными к твоей смерти. Поэтому мы – к твоему счастью – сошлись на решении менее радикальном. Известно ли тебе, как обстоят дела с нашим ремеслом в провинции?

Я покачал головой.

– Там оно в полном упадке. Нигде, кроме Несса – кроме нашей Цитадели, – отделений гильдии нет. В провинциальных селениях имеется разве что... скажем так, казнейдей, экзекутор, лишаящий приговоренных жизни тем способом, какой назначают местные судьи. Человека этого неизменно боятся и ненавидят. Понимаешь?

– Эта должность слишком высока для меня, – отвечал я.

Это было сказано от чистого сердца – в тот миг я презирал самого себя гораздо сильнее, чем гильдию. С тех пор я часто вспоминал эти слова, хотя они были моими собственными, – и, будь даже я в беде, на сердце становилось как-то полегче.

– На свете есть город под названием Тракс. Тракс, Град Без Окон. Их архонт – он зовется Абдиесом – прислал в Обитель Абсолюта официальное прошение, оттуда гофмаршал переслал его кастеляну, а тот уж вручил мне. Траксу настоятельно необходим человек на ту должность, которую я описал. Ранее там просто миловали кого-нибудь из приговоренных при условии, что он возьмется выполнить эту работу, теперь же провинция насквозь пропитана ядом измены, и местные власти решили отказаться от своей обычной практики, так как названная должность предполагает определенную степень доверия.

– Понимаю, – сказал я.

– В прежние времена члены гильдии уже дважды отправлялись в удаленные селения, однако были ли их случаи подобны твоему – хроники о том умалчивают. Как бы там ни было, прецедент был создан, и это – выход из сложившегося на сегодняшний день неприятного положения. Ты отправишься в Тракс, Севериан. Я приготовил рекомендательное письмо к архонту и его магистратам. В нем сказано, что ты весьма искушен в нашем ремесле – для подобного городишки это не будет преувеличением.

Я уже успел смириться с тем, что натворил, но, сидя перед мастером Палемоном и старательно изображая подмастерье, единственное желание которого – повиноваться воле старших, вдруг ощутил новый прилив жгучего стыда. Стыд этот был не так силен, как прежний, причиной коему послужило бесчестье, причиненное мною гильдии, однако жег он даже больнее, ибо, в отличие от того, первого, к нему я еще не привык. Я был рад тому, что ухожу – ноги мои уже предвкушали ласку мягкой зеленой травы, глаза – красу незнакомых пейзажей, а легкие – новый, чистый воздух далеких, безлюдных земель. Подумав обо всем этом, я спросил, где находится Тракс.

– Вниз по Гьёллю, – ответил мастер Палемон. – На морском побережье. – Тут он осекся, как часто случается со старыми людьми. – Нет-нет, что я говорю... Вверх по Гьёллю, конечно же.

Сотни лиг морских волн, песчаный берег, протяжные крики морских птиц, на миг представившиеся мне при первых словах мастера, поблекли и исчезли. Мастер Палемон извлек из шкафа карту, развернул ее передо мной и сам склонился к ней так, что линзы, без помощи которых он вовсе ничего не разобрал бы, едва не коснулись пергамента.

– Вот, – сказал он, указывая на точку возле устья небольшой речки, у нижних ее порогов. – Имея деньги, можно было бы нанять лодку. Но тебе, в силу своего положения, придется идти пешком.

– Понятно, – ответил я.

Нет, я не забыл о золотой монете, данной мне Водалом и надежно припрятанной, однако хорошо понимал, что не могу воспользоваться благами, которые можно оплатить ею. Волею гильдии я должен покинуть Цитадель, имея в кармане не более, чем обычный молодой подмастерье. Ради чести и славы гильдии я был должен идти пешком.

Но понимал я и то, что это несправедливо. Не видя той женщины с безупречно прекрасным лицом, не заработав этой монеты, я, скорее всего, ни за что не принес бы Текле нож и сохранил бы свое место в гильдии. В каком-то смысле я продал за эту монету свою собственную жизнь.

Что ж, хорошо. Старая жизнь – позади...

– Севериан! – воскликнул мастер Палемон. – Ты меня не слушаешь. В классе ты никогда не отличался невниманием.

– Прости меня, мастер. У меня столько разного в мыслях...

– Несомненно. – В первый раз за время нашей беседы он действительно улыбнулся и на миг снова стал старым добрым мастером Палемоном из моего детства. – Однако же ты пропустил такой хороший совет на дорогу! Придется тебе идти без него... хотя ты все равно тут же обо всем бы и позабыл. О дорогах тебе известно?

– Я знаю, что ими запрещено пользоваться. Ничего более.

– Дороги закрыл автарх Маруфа – еще во времена моей юности. Свобода движения способствует бунту... и к тому

же он хотел, чтобы товары ввозились и вывозились из города по реке – так легче облагать торговцев налогом. С тех пор этот закон остается в силе, и, как я слышал, через каждые пятьдесят лиг установлены редуты. Но все же дороги сохранились. Говорят, кое-кто пользуется ими по ночам, несмотря на весьма плачевное их состояние.

– Понятно... Дорогой – закрыта она или нет – идти все же легче, чем по бездорожью.

– Сомневаюсь в этом. Я лишь пытался предостеречь тебя от соблазна. Дороги патрулируются уланами, имеющими приказ убивать всех нарушителей. Наделенные вдобавок правом на все имущество последних, они вряд ли очень уж склонны выслушивать оправдания.

– Понимаю, – сказал я, гадая про себя, откуда мастер Палемон так много знает о путешествиях.

– Вот и хорошо. Полдня уже прошло; если хочешь, можешь переночевать в гильдии и отправиться в путь завтра поутру.

– Переночевать в камере?

Мастер Палемон кивнул. Я отлично понимал, что он едва может разглядеть мое лицо, и все же чувствовал, что он каким-то образом внимательно изучает меня.

– Тогда я уйду сейчас.

Я изо всех сил старался вспомнить, что нужно сделать, прежде чем навсегда покинуть нашу башню. В голову ничего не приходило, однако что-то, несомненно, сделать следо-

вало.

– У меня есть стража на сборы? По истечении этого времени я уйду.

– Да, это время я тебе могу даровать легко. Но перед уходом вернись сюда – я хочу дать тебе кое-что. Хорошо?

– Конечно, мастер.

– И будь осторожен, Севериан. В гильдии у тебя немало друзей, но есть и другие, считающие, что ты обманул наше доверие и не заслуживаешь ничего, кроме мучительной смерти.

– Благодарю тебя, мастер, – ответил я. – Эти последние правы.

Скудные мои пожитки уже лежали в камере. Увязав их в узел, я обнаружил, что тот вышел совсем маленьким и его легко можно спрятать в висящую на поясе ташку. Движимый любовью и сожалением о случившемся, я спустился к камере Теклы.

Камера еще пустовала. Кровь была отмыта, но на металлическом полу темнело большое пятно кроваво-красной ржавчины. Платья ее и косметика исчезли, но те четыре книги, принесенные мной год назад, лежали на столике вместе с прочими. Я не смог одолеть соблазна взять одну – в библиотеке их столько, что одного-единственного тома не хватятся ни за что. Рука моя сама собой потянулась к книгам, но тут я понял, что не знаю, какую из них выбрать. Книга о ге-

ральдике была самой красивой, но слишком большой, чтоб брать с собой в дальнюю дорогу. Книга о теологии была самой маленькой – но и та, в коричневом переплете, ненамного превосходила ее размерами... В конце концов ее я и выбрал, предпочтя теологии сказания исчезнувших миров.

После этого я взобрался на самый верх башни – мимо складов, к артиллерийской площадке, где в колыбелях из чистой энергии покоились осадные орудия, и еще выше, в зал со стеклянной крышей, серыми экранами и креслами странной формы, и дальше, по узкому трапу, пока не выбрался, распугав испятнавших небо черных дроздов, на самую крышу.

Здесь я встал у флагштока – так, что наш стяг цвета сажжи трепетал на ветру над самой головой. Отсюда Старое Подворье казалось крохотным и тесным, однако бесконечно, по-домашнему уютным. Брешь в стене была гораздо больше, чем обычно, но справа и слева от нее все так же гордо, непоколебимо высились Красная и Медвежья Башни. Башня Ведьм, ближайшая к нашей, была темна, стройна и высока; порыв ветра донес до моих ушей их дикий хохот, и я вновь ощутил старый страх перед ними, хотя с сестрами нашими, ведьмами, мы, палачи, всегда состояли в самых дружественных отношениях.

За стеной отлого спускался к Гьёллю, гладь коего местами поблескивала меж полуразрушенных зданий на берегу, огромный некрополь. Круглый купол караван-сарая казался

отсюда не больше булыжника, а окружавшие его городские кварталы – лишь россыпью разноцветного песка, разметанного стопой мастера-палача.

Увидев каик под вздувшимся парусом, с высокими, заостренными носом и кормой, плывущий на юг, вниз по течению, я мысленно понесся следом за ним – к болотистой дельте Гёлля, к сверкающим айсбергам моря, где огромный зверь Абайя, в доледниковые дни принесенный волнами с дальних берегов вселенной, нежится в донном иле, пока не придет для него и всего его рода пора пожрать континенты.

Затем я оставил мысли о юге и его скованных льдами морях и повернулся к северу, к горам вверх по реке. Я долго смотрел в ту сторону (уж не знаю, как долго, однако солнце к тому моменту, когда я вновь обратил на него внимание, заметно склонилось к закату). Горы видны были лишь моему мысленному взору; везде, куда достигал взгляд, лежал город – миллионы и миллионы крыш. К тому же обзор наполовину закрывала серебристая громада Башни Величия и окружающие ее шпили. Но мне не было дела до них – их я почти и не замечал: где-то там, на севере, находилась Обитель Абсолюта, и пороги, и Тракс, Град Без Окон, и просторные пампасы, и непроходимые леса, и гнилые джунгли, словно пояс охватившие мир.

Так я стоял, представляя себе все это, пока совсем не ошалел от богатства красок, а после спустился к мастеру Палемону и сказал, что готов.

XIV

«Терминус Эст»

– Я приготовил тебе подарок, – сказал мастер Палемон. – Учитывая твою молодость и силу, ты вряд ли сочтешь его слишком

тяжелым.

– Но я не заслужил никаких подарков.

– Воистину. Однако ты должен помнить, что дар заслуженный есть не дар, но плата. Истинными являются лишь дары, подобные тому, какой ты получишь сейчас. Я не могу простить содеянного тобой, но и не могу забыть, каким ты был прежде. У меня не было лучшего ученика с тех самых пор, как мастер Гюрло был возвышен до подмастерья. – С этими словами он поднялся и проковылял в свой альков. – О, он еще не слишком тяжел и для меня!

Мастер держал в руках нечто... предмет был так темен, что совершенно терялся в тени.

– Позволь помочь тебе, мастер, – сказал я.

– Не стоит, не стоит... Легок на подъем, а в ударе – тяжел, как и надлежит хорошему инструменту...

На стол лег черный ящик длиною с хороший гроб, но гораздо более узкий. Серебряные застежки его зазвенели, точно колокольчики.

– Ларец останется у меня – тебе в дороге он будет только

помехой. Ты же возьми клинок, ножны для защиты от непогоды и перевязь.

Прежде чем я окончательно понял, что дал мне мастер, меч очутился в моих руках. Ножны из атласной человеческой кожи скрывали его почти по самую головку эфеса. Я снял их (они оказались мягкими, точно перчатка) и увидел клинок.

Не стоит утомлять вас долгим перечнем его красот и достоинств – чтобы постичь их, такой меч нужно видеть собственными глазами и держать в собственных руках. Клинок его, длиною в эль, был прямым, без колющего острия, каким и положено быть клинку палаческого меча. Обе режущие кромки могли разделить надвое волос уже в пяди от массивной серебряной гарды, украшенной изображениями двух человеческих голов. Рукоять в две пяди длиной была сделана из оникса, перевита серебряной лентой и увенчана крупным опалом. Украшен меч был богато, Впрочем, без надобности, ибо украшения лишь придают привлекательность и значимость тем вещам, которые, не будь украшены, лишились бы сих качеств вмиг. Вдоль клинка тянулась выполненная прекрасной, затейливой вязью надпись: *Terminus Est*. После визита в Атриум Времени я поднаторел в древних языках достаточно, чтобы понять значение этих слов – «Се Есть Черта Разделяющая».

– Ручаюсь, наточен он безукоризненно, – сказал мастер Палемон, заметив, как я пробую пальцем режущую кром-

ку. — И во имя тех, кто отдан в твои руки, держи его хорошо наточенным всегда. Вопрос лишь в том, не слишком ли он тяжел для тебя. Подними-ка, посмотрим.

Взяв «Терминус Эст» так же, как и тот фальшивый меч на церемонии моего возвышения, я осторожно, чтобы не зацепить потолок, поднял его над головой и едва не выпустил. Клинок в руках вдруг показался живым, точно змея.

— Не трудно?

— Нет, мастер. Но меч шевельнулся, когда я поднял его.

— В клинке его высверлен канал, по которому струится гидраргирум — сей металл тяжелее железа, но может течь подобно воде. Баланс, таким образом, смещается к рукояти при подъеме и к кончику лезвия — при опускании. Тебе частенько придется ожидать завершения последней молитвы или же взмаха руки квестора, но меч не должен дрожать или колебаться... Впрочем, все это ты уже знаешь. Не тебя учить уважению к такому инструменту. Да будет Мойра благосклонна к тебе, Севериан.

Вынув из кармашка в ножнах точильный камень, я бросил его в ташку, туда же положил письмо к архонту Тракса, завернутое в кусок промасленного шелка, и покинул кабинет.

С широким клинком за левым плечом я вышел в обдуваемый ветром некрополь. Часовые у нижних ворот на берегу реки выпустили меня без звука, только долго пялились вслед. Я зашагал узкими улочками в сторону Бечевника — широкой улицы, тянущейся вдоль берега Гьёлля.

А теперь пришло время написать о том, чего я стыжусь до сих пор, даже после всего происшедшего. Стражи этого вечера были счастливейшими в моей жизни. Старая ненависть к гильдии исчезла без следа. Осталась лишь любовь к ней – к мастеру Палемону, к братьям моим, подмастерьям, и даже к ученикам; к традициям ее и обычаям... Любовь эта никогда не умирала во мне, но я покинул – а перед тем обесчестил – все, что любил.

Мне бы заплакать – но нет. Я не шел, я точно парил в воздухе, и впечатление еще усиливалось оттого, что встречный ветер раздувал полы плаща, словно крылья. Улыбаться в присутствии кого бы то ни было, кроме наших мастеров, братьев, клиентов и учеников, нам запрещено, но надевать маску очень уж не хотелось – вместо этого я натянул капюшон и склонил пониже голову, так, чтобы встречные не видели моего лица. Я думал, что в дороге буду убит, – и ошибался. Думал, будто никогда больше не вернусь в Цитадель и не увижу нашей башни, но ошибался и в этом. Со счастливой улыбкой думал я о том, что впереди меня ждет множество дней, подобных этому, – но и тут был не прав.

По незнанию своему я полагал, будто еще до темноты успею оставить город позади и переночую в относительной безопасности под каким-нибудь деревом. На деле же вышло, что, когда западный горизонт, поднимаясь, начал закрывать солнце, я едва-едва миновал самые древние и бедные квар-

талы. Проситься на ночлег в трущобах вдоль Бечевника или попробовать прикорнуть где-нибудь в закоулке было равносильно самоубийству. Посему я шел и шел вперед под яркими звездами в дочиста выметенном ветром небе. Встречные не узнавали во мне палача; для них я был просто мрачновато одетым путником с темной патериссой на плече.

Время от времени по глади задыхавшейся от водорослей воды мимо меня скользили лодки, и ветер приносил с собой скрип уключин и хлопанье парусов. На лодках победнее не было ни единого огонька, и выглядели они лишь немногим лучше обычного плавника, но несколько раз на глаза мне попадались богатые таламегии с носовыми и кормовыми огнями. Эти, страшась нападения, держались по центру фарватера, подальше от берегов, однако пение гребцов далеко разносилось над водой:

Вдарь, братцы, вдарь!
Течение против нас,
Вдарь, братцы, вдарь,
Однако ж Бог за нас!

Вдарь, братцы, вдарь!
И ветер против нас,
Вдарь, братцы, вдарь,
Однако ж Бог за нас!

И так далее. И даже когда огни удалялись более чем на

лигу вверх по течению, песня, несомая ветром, все еще была слышна. Позже я увидел собственными глазами, как гребцы, завершая рефрен, делают мощный гребок, а на прочих строках поднимают весла для замаха и так гребут без отдыха стражу за стражей.

Я шел и шел. Мне уже чудилось, что вот-вот должен наступить новый день, и тут впереди показалась протянувшаяся от берега к берегу цепочка огней, явно не имевших ничего общего с лодками. Это был мост. После долгих блужданий впотьмах я поднялся на него по выщербленной лестнице – и тут же почувствовал себя актером на незнакомой, непривычной сцене.

Мост был ярко освещен – здесь было столь же светло, сколь темно внизу, на Бечевнике. Через каждые десять шагов стояли столбики со светильниками, а через каждую сотню – сторожевые башенки, и окна караулок сверкали в ночи, что твой праздничный фейерверк. По мостовой грохотали кареты с собственными фонариками, и почти каждый из толпившихся на мосту пешеходов нес с собою свет либо имел при себе мальчишку-факельщика. Бесчисленные торговцы наперебой расхваливали свои товары, разложенные на подвешенных к их шеям лотках, экстерны лопотали на своих грубых наречиях, нищие выставляли напоказ увечья, немилосердно терзали флажолеты и офиклеиды и украдкой щипали завернутых в тряпье младенцев, отчего те раздражались громкими воплями.

Признаюсь, все это было ужасно интересно, и только воспитание не позволило мне остановиться посреди мостовой с разинутым ртом. Надвинув капюшон еще ниже и глядя прямо перед собою, я шел сквозь толпу, якобы не обращая ни на что особого внимания. Но тем не менее усталость вскоре как рукой сняло, а каждый шаг казался слишком широким – очень уж хотелось задержаться на мосту подольше.

В сторожевых башенках несли вахту не городские патрульные, но пельтасты с прозрачными щитами и в легких доспехах. Я почти добрался до западного берега, когда двое из них, выступив вперед, загородили мне путь сверкающими копьями.

– Ходить в такой одежде, как у тебя, – серьезное преступление. Если ты затеял пошутить, то рискуешь жизнью ради своей шутки.

– Я всего лишь следую уставу гильдии, к коей принадлежу, – отвечал я.

– То есть ты всерьез заявляешь, будто ты – казней? А это у тебя что, меч?

– Да, но я вовсе не казней. Я – подмастерье Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Вокруг стало тихо. За несколько мгновений, понадобившихся стражам, чтобы задать вопрос и получить на него ответ, вокруг нас собралось около сотни человек, и я заметил, как второй пельтаст переглянулся с первым, точно говоря: «Он и вправду не шутит».

– Войди внутрь. Лохаг желает тебя видеть.

Указав на дверь, стражи пропустили меня вперед. Внутри башенка состояла лишь из одной комнатки со столом и несколькими стульями. Поднявшись наверх по узкой, истертой множеством тяжелых сапог лесенке, я увидел человека в кирасе, что-то писавшего за высокой конторкой. Караульные поднялись следом, и тот, что заговорил со мной первым, сказал:

– Вот, этот самый!

– Вижу, – ответил лохаг, не поднимая взгляда.

– Называет себя подмастерьем гильдии палачей.

Перо в руке начальника караула, до этого безостановочно бегавшее по бумаге, на миг замерло.

– Никогда не думал, что встречу такое где-либо, помимо страниц какой-нибудь книги, но все же возьму на себя смелость предположить, что он говорит чистую правду.

– Значит, мы должны отпустить его? – спросил солдат.

– Не сразу.

Лохаг отер перо, посыпал песком письмо, над которым трудился, и наконец-то поднял взгляд.

– Твои подчиненные, – заговорил я, – задержали меня, усомнившись в моем праве носить этот плащ.

– Они задержали тебя по моему приказу, а я отдал этот приказ потому, что ты, согласно донесениям с восточных постов, возмущаешь спокойствие. Если ты в самом деле из гильдии палачей – которую я, признаться, считал дав-

ным-давно расформированной, – то всю жизнь провел в... как это называется?

– В Башне Матачинов.

Он прищелкнул пальцами, точно происходящее одновременно и забавляло, и раздражало его.

– Я имею в виду то место, где находится ваша башня.

– Цитадель.

– Да, Старая Цитадель. Помнится мне, она где-то на востоке, у реки, чуть севернее квартала Мучительных Страстей. Еще кадетом меня водили туда взглянуть на Донжон. Часто ли тебе доводилось выходить в город?

– Даже очень, – ответил я, вспомнив о наших вылазках на реку.

– И в этой самой одежде?

Я покачал головой.

– Если уж не желаешь тратить слова, откинь хотя бы капюшон. Иначе я ничего не увижу, кроме кончика твоего носа. – Спрыгнув с табурета, лохаг подошел к окну, выходившему на мост. – Как по-твоему, сколько народу в Нессе?

– Понятия не имею.

– И я тоже, палач. И никто не имеет! Любая попытка считать горожан неизменно заканчивалась провалом, как и любая попытка навести порядок в сборе налогов. Город растет и меняется еженощно, как меловые надписи на стенах. Посреди улиц, благодаря умникам, которым хватает смекалки воспользоваться темнотой, захватить кусок мостовой и

объявить землю своей, вырастают дома – известно ли тебе это?! Экзультант Таларикан, чье безумие выражается в нездоровом интересе к ничтожнейшим из аспектов человеческой жизни, утверждает, будто два гросса тысяч – дважды по двенадцать дюжин тысяч человек – питаются единственно обедками, остающимися от прочих! Что в городе насчитывается десять тысяч бродячих акробатов, почти половина которых – женщины! Если бы даже мне было позволено делать вдох лишь тогда, когда какой-нибудь нищий сиганет с моста в реку, я жил бы вечно – город порождает и убивает людей много чаще, чем человек делает вдох! В такой тесноте спасает лишь общественное спокойствие. Возмущения спокойствия допускать нельзя, так как совладать со смутой нам не по силам. Понимаешь?

– Отчего же, есть еще такое понятие, как порядок. Но до тех пор, пока он достижим... в общем, я понимаю тебя.

Лохаг, вздохнув, повернулся ко мне.

– Вот и замечательно. Значит, ты наконец осознал необходимость обзавестись менее вызывающей одеждой?

– Но я не могу вернуться в Цитадель.

– Тогда на сегодня скройся из виду, а завтра купишь что-нибудь. Средства есть?

– Немного.

– Отлично. Купи что-нибудь. Или укради. Или сними со следующего бедолаги, которого укоротишь при помощи этой штуки. Я бы послал кого-нибудь из ребят проводить тебя до

постоялого двора, но это только вызовет больше толков. На реке что-то стряслось, и люди уже вдоволь наслушались всяких ужасов. А тут еще ветер утих, скоро с реки поползет туман, и станет еще хуже. Куда ты направляешься?

– Я получил назначение в Тракс.

– И ты ему веришь, лохаг? – вмешался пельтаст, заговоривший со мной первым. – Он не представил никаких доказательств в подтверждение сказанного.

Лохаг вновь отвернулся к окну. Теперь и я углядел за окном желтоватые пряди тумана, тянущиеся к мосту с реки.

– Если уж не можешь работать головой, – ответил он, – то хоть принюхайся. Что за запахи сопровождают его?

Пельтаст неуверенно улыбнулся.

– Ржавое железо, холодный пот и гниющее мясо! А от путника пахло бы либо новой одеждой, либо тряпьем, выуженным из мусорного ящика. Учись проворнее, Петронакс, иначе у меня живо отправишься на север, с асцианами воевать!

– Но, лохаг... – заговорил пельтаст, метнув в мою сторону столь ненавидящий взгляд, что я решил, будто он обязательно захочет расправиться со мной, стоит лишь мне покинуть караулку.

– Докажи этому парню, что ты действительно из гильдии палачей.

Пельтаст стоял, расслабившись, не ожидая ничего худого, поэтому выполнить просьбу начальника караула оказа-

лось несложно. Я просто-напросто оттолкнул в сторону его щит, левой ступней придавил его правую, дабы обездвижить, и без помех вонзил палец в тот нерв на шее, что вызывает судороги.

XV

Бальдандерс

Город к востоку от моста оказался совсем не таким, как прежний, оставленный мной позади. Здесь светильники стояли на каждом углу, а карет и повозок было не меньше, чем на мосту. Прежде чем покинуть караулку, я спросил лохага, не может ли он подсказать, где мне провести остаток ночи, и теперь шел, преодолевая вновь навалившуюся усталость и оглядываясь в поисках вывески рекомендованного им постоянного двора.

Казалось, темнота вокруг с каждым новым шагом становилась гуще и гуще, и я где-то сбился с пути. Но возвращаться назад и приступить к поискам заново очень уж не хотелось, и потому я просто шел, стараясь держать курс на север, успокаивая себя тем, что пусть я заблудился, но с каждым шагом приближаюсь к Траксу. Наконец я все же наткнулся на маленькую гостиницу. Вывески я не заметил – возможно, ее там не было вообще, – однако учуял запахи кухни, услышал звон бокалов, вошел, распахнув дверь настежь, и рухнул в ближайшее кресло, не обращая внимания на собравшихся.

Не успел я перевести дух и подумать о каком-нибудь местечке, где мог бы снять сапоги (хотя о немедленных поисках такового пока не могло быть и речи), трое выпивавших за угловым столиком поднялись и вышли, а старик хозяин,

увидев, что мое присутствие отнюдь не служит успеху в делах, подошел и спросил, что мне угодно.

Я ответил, что мне нужна комната.

— Свободных комнат нет.

— Ну и хорошо, — сказал я, — мне все равно нечем заплатить.

— Тогда тебе придется уйти.

Я покачал головой.

— Не так сразу. Я очень устал.

(Я слышал, что другие подмастерья уже проделывали в городе такой трюк.)

— Ведь ты — казнедей, так? Головы рубишь?

— Принеси парочку тех рыбин, которые так восхитительно пахнут, — головы как раз останутся тебе.

— Я позову городскую стражу, и тебя выведут!

Тон его ясно говорил, что старик сам не верит своим словам, и потому я сказал, что он может звать кого угодно, но рыбу пусть принесет. Он, ворча, удалился. Я расправил спину и поудобнее пристроил меж колен «Терминус Эст», который снял с плеча, прежде чем сесть. За столами сидело еще пятеро, но все они старательно избегали встречаться со мною взглядом, а вскоре двое из них тоже ушли.

Старик вернулся ко мне с небольшой рыбкой поверх ломтя черствого, грубого хлеба.

— Вот, ешь и уходи!

Пока я ужинал, он стоял возле меня. Покончив с рыбой,

я спросил, где мне можно переночевать.

– Я ведь сказал: все занято!

Если бы в получейне от этой гостиницы меня ждал дворец с распахнутыми настежь воротами, я и тогда не смог бы заставить себя покинуть ее.

– Тогда я буду спать в этом кресле. Посетителей у тебя на сегодня все равно не предвидится...

– Подожди.

Старик снова ушел. Я слышал, как он в соседней комнате разговаривает с какой-то женщиной.

Проснулся я оттого, что он тряс меня за плечо.

– Есть место в кровати с еще двумя постояльцами.

– Кто они?

– Двое оптиматов, клянусь! Очень приятные люди, путешествующие вдвоем.

Женщина из кухни крикнула ему что-то – слов разобрать я не смог.

– Слыхал? – спросил старик. – Один из них даже еще не вернулся! И, скорее всего, сегодня уже не вернется – на дворе глубокая ночь. Целая кровать – вам на двоих!

– Но если эти люди сняли комнату...

– Они не будут возражать, ручаюсь! Сказать тебе правду, господин казнедей, они исчерпали кредит. Три ночи ночуют, а заплатили только за одну.

Мной явно хотели воспользоваться как уведомлением о выселении. Впрочем, мне не было дела до этого. Сложивше-

еся положение даже сулило кое-какие выгоды – если оставшийся тоже уйдет, комната достанется мне одному. С трудом поднявшись, я последовал за стариком наверх, сопровождаемый отчаянным скрипом ступеней.

Дверь оказалась незапертой, но в комнате было темно как в могиле. Темноту сотрясал могучий храп.

– Эй, добрый человек! – крикнул старикашка, видно забыв, что недавно божился, будто его постоялец принадлежит к оптиматам. – Как-бишь-тебя-там? Балда... Бальдандерс! Вот тебе новый сосед! Не платишь в срок – придется примириться с этим!

Ответа не последовало.

– Входи, господин казней, – сказал старик, – я тебе посвечу.

Он принялся раздувать кусочек тлеющего трута, пока тот не разгорелся настолько, чтобы зажечь огарок свечи.

В маленькой комнатухе не было никакой мебели, кроме кровати. В кровати, отвернувшись лицом к стене и вытянув ноги, спал настоящий великан – таких мне не доводилось видеть ни до, ни после.

– Добрый человек! Бальдандерс! Разве ты не хочешь взглянуть, с кем тебе придется разделить постель?

Мне больше всего на свете хотелось поскорее прилечь, поэтому я велел старику оставить нас. Старик пытался возражать, но я вытолкал его из комнаты взащей, а стоило ему убраться, опустился на свободный край кровати и с насла-

ждением стянул с ног сапоги вместе с чулками. Тусклый огонек свечи подтвердил, что я успел натереть с десяток мозолей. Затем я расстелил плащ поверх покрывала и некоторое время размышлял, снять ли и штаны с поясом или спать так. Усталость и чувство собственного достоинства настаивали на последнем, вдобавок я заметил, что великан полностью одет. С невыразимым облегчением задул я свечу и, не в силах более одолевать усталость, лег, чтобы впервые на моей памяти заснуть где-либо вне Башни Матачинов.

– Никогда!

Голос оказался столь звучен и басовит (даже орган вряд ли может звучать ниже), что я не понял, что должно означать это слово и слово ли это вообще.

– Что? – пробормотал я.

– Бальдандерс.

– Знаю, хозяин говорил. А я – Севериан.

Я лежал на спине, а между нами покоился «Терминус Эст», взятый мною в постель ради пущей сохранности. Я не мог разглядеть, повернулся ли великан лицом ко мне, но был уверен, что любое движение этой громадины наверняка почувствую.

– Казнить.

– Так ты слышал, как мы вошли? Я думал, ты спишь.

Я уже хотел было сказать, что я никакой не казней, а подмастерье гильдии палачей, но тут же вспомнил свое бес-

честь и назначение в какой-то захолустный Тракс.

– Да, я – палач, но тебе незачем меня бояться. Я просто делаю работу, которой обучен.

– Завтра.

– Да, завтра у нас будет довольно времени для бесед.

После этого я снова заснул, и мне снился сон... правда, слова Бальдандерса тоже могли быть просто-напросто сном, но это вряд ли. А если и так, это был другой сон.

Я летел – мчался по хмурому небу верхом на огромном звере с перепончатыми крыльями. Держась как раз между несущимися вперед облаками и сумрачной землей, мы будто скользили по склону пологого воздушного холма – сдается мне, крылья зверя не сделали ни единого взмаха. Заходящее солнце неподвижно, хотя мы все неслись и неслись вперед, висело впереди, у самого горизонта, – должно быть, скорость наша была равна скорости вращения Урд.

Но вот земля внизу сделалась иной – вначале я решил, что мы достигли пустыни. Нигде, куда достигал взгляд, не видно было ни городов, ни ферм, ни лесов, ни полей – лишь ровная пурпурно-черная земля, безликая, застывшая в своей неподвижности. Перепончатокрылый тоже заметил перемену или же учуял какой-то новый запах – мускулы его ощутимо напряглись, а крылья совершили три взмаха подряд.

Бескрайний пурпур внизу был испятнан белыми крапинками. Через некоторое время я понял, что эта кажущаяся неподвижность – не более чем обман, порожденный едино-

образием. Пурпурно-черный простор всюду был одинаков, но вместе с тем пребывал в неустанном движении. То была Мировая Река Уроборос, море, в котором, словно в колыбели, покоится Урд.

Тут я впервые оглянулся назад – туда, где осталась поглощенная ночью земля, обитель всего человечества.

Когда она окончательно скрылась из виду и вокруг не осталось ничего, кроме беспокойных волн, зверь обернулся ко мне. Клюв ибиса на острой шучьей морде; костяная митра венчает голову... На какой-то миг взгляды наши встретились, и я, казалось, понял его мысль: «Да, я – твой сон, но стоит тебе пробудиться от бодрствования, я приду».

Зверь сменил курс, точно люгер, идущий в лавировку против ветра. Одно крыло его опустилось вниз, а другое поднялось так, что кончик его указывал прямо в небо. Пальцы мои лишь скользнули по твердой чешуе, и я полетел вниз.

Удар при падении разбудил меня. Вздрогнув всем телом, я услышал, как великан бормочет во сне. Я тоже что-то пробормотал, пощупал, на месте ли меч, и уснул вновь.

Морские воды сомкнулись над моей головой, однако я не утонул. Я чувствовал, что вполне мог бы дышать водой, но не сделал ни единого вдоха. Вода была прозрачна, словно хрусталь; казалось, я падаю в абсолютную, лишенную даже воздуха пустоту.

Вдали виднелись огромные, в сотни раз больше человека, тени – корабли, тучи, человеческая голова без тела, человеческое тело с целой сотней голов... Все они были окутаны голубой дымкой. Внизу, подо мной, лежало изборожденное течениями песчаное дно. Там, прямо на песке, возвышался огромный – куда как больше нашей Цитадели – дворец, но дворец тот лежал в руинах, и покои его лишены были крыш, а внутри обитали огромные существа, бледные, точно кожа прокаженного.

Я приближался к ним, и вскоре они заметили меня, и лица их были такими же, как то, что привиделось мне в Гьёлле. То были женщины – обнаженные, с волосами из зеленой морской пены и коралловыми глазами. Со смехом наблюдали они за моим падением, и смех их, пузырясь, поднимался ко мне. Зубы их оказались белы и остры, и каждый длиною в палец.

Теперь они были совсем близко; руки их потянулись ко мне и принялись гладить, как матери гладят детей. В дворцовых садах буйно росли морские губки, актинии и множество прочих прекрасных растений, коим я не знаю имен. Огромные женщины окружили меня. Рядом с ними я казался всего лишь куклой.

– Кто вы и что делаете здесь? – спросил я.

– Мы – невесты Абайи! Игрушки Абайи! Подружки Абайи! Земля не в силах носить нас. Груды наши – словно тараны, а зады ломают спину даже быку. Здесь мы растем,

пока не сможем возлечь с Абайей – тем, кто однажды пожрет континенты.

– А кто же такой я?

Они засмеялись все вместе, и смех звенел, словно волны, бьющиеся о стеклянные берега.

– Мы покажем тебе! – загомонили они. – Мы покажем тебе!

С этим они подхватили меня под руки, подняли и понесли через сад. Пальцы их, соединенные перепонками, были длинной с мою руку от плеча до локтя.

Вскоре огромные женщины остановились, всколыхнув воду, точно затонувшие каракки, и ноги наши коснулись дорожки. Перед нами была низкая стена, а на ней – крохотный помост с занавесом не больше салфетки, какими порой забавляют детей.

Волна, поднятая нами, всколыхнула занавес, и он поднялся, будто невидимая рука дернула за веревочку. На помосте тотчас же появился деревянный человечек – руки и ноги из веточек с набухшими зеленою почками, проклевывающими-ся сквозь тонкую кору; туловище из ветки потолще, размером с большой палец; голова – деревянный кругляш, завитки коего изображали глаза и рот. Человечек тот двигался, словно живой, и тут же погрозил нам дубинкой, которую держал в руке.

Пока он скакал перед нами и демонстрировал свою ярость, колотя дубинкой о помост, на сцене появилась еще

одна фигурка – мальчик, вооруженный мечом. Искусство, с которым была сделана вторая марионетка, казалось как раз под стать примитивной грубости первой – эта кукла вполне могла бы оказаться настоящим ребенком, уменьшенным до размеров мыши.

Оба поклонились нам и немедля вступили в бой. Деревянный человечек огромными прыжками носился по помосту, и за его палицей было почти не уследить. Мальчик танцевал вокруг него, будто пылинка в солнечном луче, делая выпады своим крохотным клинком.

В конце концов деревянный человечек рухнул наземь. Мальчик, встав над ним, хотел было поставить ногу ему на грудь, но прежде, чем он успел сделать это, деревянная фигурка поплыла, лениво вращаясь, вверх, прочь со сцены, и вскоре скрылась из виду. Мальчик застыл над сломанным мечом и расщепленной палицей. Казалось, где-то за сценой торжественно затрубили игрушечные фанфары (хотя звук этот, без сомнения, был всего-навсего скрипом колес, доносившимся с улицы).

Проснулся я оттого, что в комнате появился кто-то третий. Он оказался невысоким проворным человеком с огненно-рыжей шевелюрой, хорошо – даже щеголевато – одетым. Увидев, что я не сплю, он отдернул шторы, и в комнату хлынул красный солнечный свет.

– Сон моего партнера, – заговорил он, – отличается

необычайной звучностью. Не оглушил ли тебя его храп?

– Я сплю крепко, – ответил я. – Если он и храпел – я не слышал.

Будто обрадовавшийся этому, невысокий человек широко улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

– Еще как храпел! Могу тебя заверить – храп его сотрясает Урд! – Он подал мне изящную, ухоженную руку. – Я – доктор Талос.

– Подмастерье Севериан.

Откинув тонкое покрывало, я поднялся, чтобы пожать его руку.

– Я вижу, ты носишь черное. Что же это за гильдия?

– Это цвет сажи, а принадлежит он гильдии палачей.

– О-о! – Склонив голову набок, он обошел меня кругом, чтоб разглядеть получше. – Ты слишком высок – жаль, жаль... Однако этот цвет сажи, надо заметить, впечатляет!

– Мы находим его практичным, – отвечал я. – Подземелья – место грязное; да и следы крови на подобных плащах незаметны.

– У тебя есть чувство юмора! Прекрасно! Могу засвидетельствовать: небольшое на свете способно принести человеку бóльшую выгоду. Юмор привлекает публику. Юмор в силах утихомирить разъяренную толпу и успокоить целую орду ревущих в три ручья детей. Юмор унижает и возвышает – а уж азами к себе притягивает, что твой магнит!

Я едва понимал, о чем он говорит, но, видя его благодуш-

ное настроение, сказал:

– Надеюсь, я не стеснил вас? Хозяин привел меня сюда, а кровать оказалась достаточно широка для двоих.

– Нет-нет, ничуть! Я вернулся только сейчас – нашел себе ночлег получше. Сплю я мало и, должен признаться, беспокойно, но все же замечательно – чудесно! – провел ночь. Куда ты направляешься сегодня, оптимат?

Я в этот момент шарил под кроватью в поисках сапог.

– Сначала, наверное, подыщу место, где можно позавтракать. После этого покидаю город и иду на север.

– Прекрасно! Завтрак мой партнер, безусловно, оценит и примет его с превеликой радостью! Мы тоже идем на север – домой, понимаешь ли, возвращаемся после успешных гастролей в городе. Шли вниз по течению – представляли на левом берегу, идем вверх – представляем на правом. Быть может, по дороге на север остановимся и в Обители Абсолюта. Это ведь, знаешь ли, наша профессиональная мечта – сыграть во дворце Автарха. Или же вернуться туда еще разок, если уже играл однажды. Хризосов – хоть шляпой греби...

– Одного человека, мечтавшего вернуться туда, я в жизни уже встречал.

– Ладно, не грусти о нем – кстати, если выдастся случай, обязательно расскажешь, кто он был такой. А теперь, раз уж мы идем завтракать... *Бальдандерс!!!* Вставай! Давай-давай, подымайся! Вставай! – Танцующей походкой подойдя к из-

ножью кровати, он ухватил великана за лодыжку. – Бальдандерс! Не хватай его за плечо, оптимат, – (я, впрочем, и не собирався), – может отшвырнуть. БАЛЬДАНДЕРС!!!

Великан зашевелился и что-то пробормотал.

– Бальдандерс! Новый день наступил! И мы еще живы! Пора питаться, испражняться и размножаться! Подымайся, иначе нам с тобой никогда не попасть домой!

Казалось, великан не слышит ни слова. Пожалуй, его бормотание было только протестом против чего-то увиденного во сне, а то и вовсе предсмертным хрипом.

Доктор Талос сдернул с партнера засаленное одеяло, и великан предстал перед нами во всей своей чудовищной красе. Ростом он был даже выше, чем я думал: длины кровати едва хватало, хотя он спал, свернувшись калачиком и поджав колени чуть ли не к самому подбородку. Огромные ссутуленные плечи его достигали по меньшей мере целого эля в ширину. Лицом великан уткнулся в подушку, поэтому лица разглядеть я не смог. Уши и шею гиганта украшали странные шрамы, тянувшиеся под очень густые сальные волосы.

– *Бальдандерс!!!* Прошу прощения, оптимат, нельзя ли на время позаимствовать твой меч?

– Нет, – ответил я. – Ни в коем случае.

– О нет, я вовсе не собираюсь убивать его – ничего подобного! Если и ударю, то только плашмя.

Я покачал головой. Видя мою неуступчивость, доктор Талос принялся шарить по комнате.

– А, трость я оставил внизу... Дурное обыкновение – наверняка украдут. Ох, надо бы приучиться хромать; ох, надо бы!.. Но ведь здесь совсем ничего нет!

Он выскочил вон из комнаты и немедленно вернулся с прогулочной тросточкой из железного дерева, увенчанной блестящим бронзовым набалдашником.

– Ну, Бальдандерс, держись!

Удары посыпались на спину великана, будто крупные капли дождя, предвещающие грозу. Внезапно великан сел.

– Я не сплю, доктор. – Лицо его оказалось широким и грубым, но в то же время трогательно печальным. – Ты что, в конце концов решил убить меня?

– О чем это ты, Бальдандерс? А, этот оптимат... Нет, он не сделает тебе ничего дурного – он разделил с тобой постель и теперь намерен составить нам компанию за завтраком.

– Он спал здесь, доктор?

Мы с доктором Талосом кивнули.

– Тогда понятно, откуда взялся этот сон...

В памяти моей еще свежи были образы великанш на дне моря, поэтому я, хоть вид гиганта и повергал меня в трепет, спросил, что ему снилось.

– Пещеры, где острые каменные клыки сочатся кровью... Отрубленные руки на песчаных дорожках, какие-то твари, лязгающие цепями в темноте...

Спустив ноги на пол, он запустил в рот огромный палец и принялся чистить им редкие, на удивление мелкие зубы.

– Идемте, наконец! – сказал доктор Талос. – Если уж мы собираемся поесть, побеседовать и вообще хоть что-нибудь сегодня успеть, самое время двигаться. Дел у нас предостаточно.

Бальдандерс сплюнул в угол.

XVI

Лавка тряпичника

Вто утро на дремлющей Несской улочке столь часто навещающая меня печаль впервые сжала сердце мое из всех сил. Пока я был заключен в темницу, ее приглушала чудовищность содеянного мною и чудовищность неизбежной и скорой, как мне казалось, расплаты в руках мастера Гюрло, накануне новизна и острота ощущений вовсе прогнали ее прочь, а вот сейчас... Казалось, в целом мире не осталось ничего, кроме смерти Теклы. Любое черное пятнышко тени напоминало о ее волосах; любой проблеск белизны в солнечных лучах – о ее коже. Порой я готов был бежать обратно в Цитадель, чтобы посмотреть, не сидит ли она в своей камере, читая при свете серебряного светильника.

Мы отыскиали кафе с расставленными снаружи, вдоль стены, столиками. Улица была еще почти пуста. На углу, прямо на мостовой, лежал мертвец (наверное, задушенный ламбрекеном – умельцев по этой части в городе имелось достаточно). Доктор Талос обшарил его карманы, но вернулся к нам с пустыми руками.

– Ну что ж, – сказал он, – подумаем. Нужно разработать план.

Официантка принесла нам по чашке мокко, и Бальдандерс подвинул одну доктору. Тот рассеянно помешал в чаш-

ке пальцем.

– Дружище Севериан! Пожалуй, мне следует разъяснить наше положение. Бальдандерс – мой единственный пациент – и сам я пришли сюда с озера Диутурна. Дом наш сгорел, и мы решили попутешествовать, дабы заработать денег на его восстановление. Мой друг – человек удивительной силы. Я собираю публику и, пока он ломает несколько бревен и поднимает разом по десять человек, приторговываю целебными снадобьями. Казалось бы, не так уж много. Но скажу тебе больше: у меня есть пьеса и кое-какой реквизит. Если положение тому благоприятствует, мы представляем некоторые сцены, причем даже вовлекаем в действие кое-кого из публики. Ты, друг мой, идешь на север и, судя по тому, как вчера устроился на ночлег, стеснен в средствах. Могу ли я предложить тебе присоединиться к нашему предприятию?

– Он не совсем сгорел, – медленно проговорил Бальдандерс, похоже понявший лишь начало речи своего компаньона. – Стены-то каменные, толстые. Кое-что сохранилось.

– Совершенно верно. Мы думаем восстановить наш добрый старый дом. Но видишь ли, какая перед нами встала дилемма: мы уже на полпути обратно, а скопленных капиталов все еще недостаточно. Посему я предлагаю...

К нам вновь подошла официантка – хрупкая юная девушка – с миской овсянки для Бальдандерса, хлебом и фруктами для меня и печеньем для доктора.

– Как привлекательна эта девушка! – заметил он.

Девушка улыбнулась доктору.

– Не могла бы ты присесть к нам? Других клиентов пока не видно!

Бросив взгляд в направлении кухни, она пожала плечами и принесла себе стул.

– Угощайся – я слишком занят разговором. Глотни и кофе, если тебе не претит пить после меня.

– Вы ведь думаете, он нас кормит бесплатно? – заговорила девушка. – Нет! Дерет с нас обычную цену!

– О! Значит, ты – не хозяйская дочь. И не супруга. Отчего же он не отщипнет лепесток от такого цветка?

– Я здесь меньше месяца. И зарабатываю только то, что оставляют на столах. Взять хоть вас троих – если вы ничего не дадите мне, выйдет, что я обслуживала вас задаром.

– Вот так так! Но что, если мы предложим тебе роскошный дар, а ты откажешься принять его?

С этими словами доктор Талос склонился поближе к девушке, и я внезапно увидел, что лицом он похож не просто на лисицу (это-то, благодаря его густым рыжим бровям и острому носу, приходило в голову сразу же), но на *изваяние* лисицы. От всех, кому в силу ремесла своего приходится копать землю, я слышал, что нигде в мире не найдется клочка земли, где, копнув пару раз, не вытащишь на свет каких-либо осколков прошлого. Где бы лопата ни вонзилась в почву, штык ее неизменно наткнется на булыжник разрушенной мостовой либо изъеденный коррозией металл. Ученые

пишут, будто тот особый песок, называемый художниками полихромным из-за того, что среди его белизны попадаются все возможные цвета и оттенки, на самом деле вовсе не песок, но древнее стекло, истертое в порошок многими эонами времени и безжалостным морским прибоем. И если реальность столь же многослойна, как и попираемая нашими ногами история, то на некоем глубинном ее уровне лицо доктора Талоса было лисьей маской на стене, и теперь я дивился тому, как маска эта поворачивается и склоняется к девушке, а тени, отбрасываемые бровями и носом, изумительным образом придают ей выражение – осмысленное, живое.

– Итак, ты не откажешься от нашего дара? – спросил доктор.

Я вздрогнул, словно до этого спал и был внезапно разбужен.

– Какого дара? Один из вас – казней. Может, ты говоришь о даре смерти? Наш Автарх, чья мудрость блеском своим затмевает звезды, защищает жизнь своих подданных!

– Дар смерти? О нет! – засмеялся доктор. – Нет, дорогая моя, этот дар ты получила еще при рождении. Равно как и он. Зачем же дарить тебе то, что у тебя есть и без нас? Я предлагаю одарить тебя красотой – красотой, влекущей за собою богатство и славу.

– Если вы что-то продаете, денег у меня все равно нет.

– Продаем? Вовсе нет! Напротив, мы предлагаем тебе новую работу. Я – тавматург, а эти оптиматы – актеры. Неуже-

ли тебе никогда не хотелось выйти на сцену?

– А вы забавные!

– Место инженеру в нашей труппе сейчас вакантно. Если пожелаешь, можешь занять его. Но тогда тебе придется отправиться с нами прямо сейчас – ждать мы не можем, а больше сюда не вернемся.

– Но, сделавшись актрисой, я не стану красивее!

– Я сделаю тебя прекрасной, поскольку ты нужна нам как актриса. Я, среди прочего, властен и над этим. – Он поднялся. – Сейчас или никогда! Идешь с нами?

Официантка тоже встала со стула, не отрывая глаз от лица доктора.

– Мне нужно сходить к себе в комнату...

– Тщета! Я должен наложить заклятье и за день обучить тебя роли! Нет, я не могу ждать!

– Тогда заплатите за завтрак, а я скажу хозяину, что ухожу.

– Вздор! Как член труппы, ты обязана способствовать сбережению наших средств, которые, кстати, потребуются тебе на костюмы. Не говоря уж о том, что это ты съела мое печенье. Плати за него сама!

Какое-то мгновение девушка колебалась.

– Можешь ему поверить, – сказал Бальдандерс. – Доктор, конечно, видит мир по-своему, но лжет куда меньше, чем кажется.

Слова, неспешно произнесенные глубоким, уверенным голосом, убедили ее.

– Хорошо. Я иду.

Вскоре мы вчетвером были уже в нескольких кварталах от кафе и шли мимо лавок, большей частью еще закрытых. Через некоторое время доктор Талос объявил:

– Теперь, друзья мои, нам придется разделиться. Я посвящу свое время просвещению сей сильфиды. Бальдандерс! Ты заберешь наш ветхий просцениум и прочие пожитки из гостиницы, где вы с Северианом провели ночь, – я полагаю, трудностей с этим не предвидится. Севериан! Скорее всего, мы будем представлять у Ктесифонского перекрестка. Знаешь, где это?

Я кивнул, хоть и не имел понятия, где этот Ктесифонский перекресток. Честно говоря, я вовсе не собирался к ним возвращаться.

После того как доктор Талос быстро удалился, сопровождаемый рысившей за ним официанткой, я остался наедине с Бальдандерсом посреди пустынной улицы. Желая, чтобы и он ушел поскорее, я спросил, чем он намерен заняться. Разговаривать с ним было все равно что с каменной статуей.

– Тут у реки есть парк, где можно поспать днем, хотя ночью и запрещают. Как начнет темнеть, я проснусь и пойду за нашими вещами.

– Боюсь, мне-то спать неохота... Поброжу по городу, полюбуюсь окрестностями.

– Значит, встретимся у Ктесифонского перекрестка.

Отчего-то я был уверен, будто Бальдандерс знает, что у

меня на уме. Глаза его потускнели, точно у быка.

– Да, – сказал я. – Конечно.

Бальдандерс побрел в сторону Гьёлля, а я, поскольку его парк лежал на востоке, а доктор Талос увел официантку на запад, вновь повернул на север, продолжив свой путь в Тракс, Град Без Окон.

Но пока что вокруг простирался Несс, Несокрушимый Град, который я, прожив в нем всю жизнь, знал весьма плохо. Идя вдоль широкой улицы, я не имел (впрочем, и не желал иметь) ни малейшего представления, что это за улица – боковая или же главная в квартале. По обеим сторонам мостовой тянулись пешеходные дорожки, а еще одна, третья, отделявшая северное направление от южного, была устроена в центре.

Дома слева и справа теснили друг друга, точно всходы на слишком густо засеянном поле. И что это были за дома! Ни величиной, ни древностью они не могли сравниться с Башней Величия; наверняка не было здесь и металлических стен в пять шагов толщиной, как в нашей башне; но что касается цвета и оригинальности новаторских, фантастических замыслов – тут Цитадели было до них далеко. Каждое здание выделялось на общем фоне по-своему – а ведь их были сотни! Как заведено в некоторых частях города, нижние этажи этих домов были заняты лавками, хотя поначалу там явно задумывались вовсе не лавки, но гильдейские залы, базилики, арены, оранжереи, сокровищницы, часовни, мартелло, бога-

дельни, мануфактуры, молитвенные собрания, странноприимные дома, лазареты, гауптвахты, трапезные, мертвецкие, скотобойни и театры. Архитектура построек отражала все эти функции и, сверх того, еще тысячу самых разнообразных и противоречивых стилей и веяний. В небо яростно вонзались башни и минареты, но купола, фонари и ротонды словно бы сглаживали их ярость; наверх вели пролеты крутых, точно трапы, лестниц, притулившихся к стенам, а балконы, протянувшиеся вдоль фасадов, были засажены цитронами и гранатами, скрывавшими окна от посторонних взглядов.

Не знаю, сколько времени я мог бы дивиться на эти висячие сады среди джунглей розового и белого мрамора, красного сардоникса, серого, кремового и черного кирпича, зеленой, желтой и пурпурной черепицы, если бы вид ландшафта, стоявшего на часах у входа в казармы, не напомнил мне об обещании, данном накануне вечером офицеру пельтастов. Денег у меня было мало, а теплый гильдейский плащ наверняка еще мог пригодиться в дороге, поэтому лучший выход состоял в покупке какой-нибудь просторной накидки из дешевой ткани, которую можно надеть поверх плаща. Лавки в эту пору уже начали открываться, однако все, что продавалось в них, не годилось для моих целей, а цены не соответствовали содержимому моего кошелька.

Мысль о том, чтобы заработать денег при помощи своего ремесла до прихода в Тракс, мне в голову еще не приходила, а если бы и пришла, я бы отринул ее, рассудив, что пала-

ческая работа вряд ли требуется каждый день и потому поиск таковой не принесет выгоды. Полагая, что три азими и несколько орихальков с аэсами придется растягивать до самого Тракса, не имея даже представления о размерах жалования, которое мне там будет предложено, я просто глазел на балмаканы и сюртуки, доломаны и куртки из падесоя, матлассе и сотни прочих дорогих тканей, не заходя в лавки, в витринах коих они были выставлены, и даже не останавливаясь, чтоб разглядеть их получше.

Вскоре внимание мое привлекли другие товары. Тогда я еще не знал, что именно в те дни тысячи наемников подбирали себе снаряжение для летней кампании. В глазах рябило от ярких солдатских плащей и попон, седел с высокой, защищающей пах лукой, красных торб для овса, хетенов на длинных древках, сигнальных вееров из серебристой фольги, замысловато изогнутых кавалерийских луков, наборов из десяти и двадцати стрел, колчанов из дубленой кожи, украшенных блестящими гвоздями и перламутром, щитков, предохраняющих запястье от ударов тетивы... При виде всего этого мне вспомнились слова мастера Палемона насчет марша под барабанную дробь, и, хотя к матросам Цитадели мы всегда относились с некоторым презрением, в ушах моих зазвучали боевые трубы и протяжные строевые команды.

Но стоило мне напрочь забыть о предмете своих поисков, из ближайшей лавки вышла, чтобы поднять жалюзи, стройная женщина лет двадцати с небольшим. Одета она была в

платье из переливчатой парчи, изумительно дорогое, однако изрядно поношенное. Когда я взглянул на нее, солнечный луч как раз забрался в прореху пониже талии, окрасив кожу в бледно-золотистый цвет.

Я не могу объяснить причины моего вожделения к ней в тот момент и впоследствии. Из многих женщин, которых я знал, она была, пожалуй, наименее красивой – не столь грациозной, как та, которую я любил больше всех, не столь чувственной, как другая, и уж вовсе не столь благородной, как Текла. Была она среднего роста, с коротким носом, широкими скулами и продолговатыми, темными – словом, совершенно обычными для подобных лиц – глазами. И все же, стоило мне увидеть ее, поднимавшую жалюзи, я полюбил ее сразу и навсегда – хотя и не всерьез.

Конечно, я тут же направился к ней. Я просто не в силах был побороть влечение, как не в силах был бы одолеть слепую жадность Урд, если б упал вниз с отвесной скалы. Я не знал, что сказать ей, и очень боялся, что она в ужасе отпрянет, заведя мой меч и плащ цвета сажи. Однако она улыбалась и, очевидно, была восхищена моей внешностью. Я молчал, и тогда она спросила, чего я хочу. Я же, в свою очередь, спросил, где мог бы купить накидку.

– Тебе она в самом деле нужна? – Голос ее оказался глубже, чем я ожидал. – У тебя такой замечательный плащ! Можно потрогать?

– Пожалуйста, если хочешь.

Взяв плащ за край, она слегка потеряла ткань ладонями.

– В первый раз вижу... Такой черный, что не видно ни складок, ни швов! Моя рука точно исчезла! И меч... Это опал?

– Тоже хочешь взглянуть?

– Нет-нет. Вовсе нет. Но если тебе действительно нужна накидка...

Женщина указала на витрину, и я увидел, что она сплошь увешана ношеной одеждой – джелабами, ротондами, блузами, сорочками и так далее.

– И очень недорого. По вполне разумным ценам. Только загляни внутрь – и, я уверена, ты найдешь все, что тебе требуется.

Со звоном распахнув дверь, я вошел в лавку, но женщина (вопреки всем моим надеждам) осталась снаружи.

В лавке царил полумрак, но я почти тут же понял, отчего женщину не испугал мой облик. Человек за прилавком оказался с виду ужаснее любого палача. Лицо его весьма и весьма напоминало череп – темные дыры глазниц, впалые щеки, безгубый рот... Если бы он не заговорил, я был бы уверен, что передо мной мертвец, поставленный за прилавок во исполнение последней воли кого-нибудь из бывших владельцев лавки.

XVII

Вызов

Однако же «мертвец» этот повернулся ко мне и заговорил:

– Прекрасно! О да, замечательно! Твой плащ, оптимат, –
могу ли я взглянуть на него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.